

СТАНИЦА

общеказачья газета - журнал

издаётся в России с января 1992 г.

№ 1 (54) июнь 2010 г.

Герои и изменники

как начиналось
гражданское
противостояние
на Дону

стр. 29 - 34

Иван Сирко

к 300-летию
легендарного
Кошевого
Запорожской Сечи

стр. 4 - 7

1918 год на Дону
(рисунок Сергея Королькова)

В номере:

- * **“Специальность - казак!”**
бывший атаман Кубанского казачьего войска полагает, что казачество идёт в “никуда”
- * **Тверские казаки**
казачий полк из ямщиков
- * **Илецкий бой**
начало Гражданской войны на Урале
- * **Два казака**
судьбы изменников на страницах “Донской Волны”
- * **Как затравленные волки...**
судебная расправа над уральцами в Москве
- * **Атаман Павлов**
первый атаман Казачьего Стана
- * **Донская песня**
в начале прошлого века тоже полагали,
что казачья песня вот-вот будет забыта
- * **“Пленник за службу Чили”**
книга о М.С. Краснове-Марченко на русском языке

Народный герой на
знаменитой картине
художника Ильи Репина

“Специальность - казак?..”

интервью с бывшим атаманом ККВ В. Громым

Государство нас уверяет, что возрождение казачества идёт успешно. Как обстоят дела в Кубанском войске, мы решили узнать у бывшего атамана, одного из инициаторов его возрождения, депутата Законодательного собрания края **Владимира Громова**. Одного из тех, кто совсем недавно определял политику властей в отношении казачества и вёл Войско туда, куда оно на сегодня и пришло (и продолжал бы вести, если бы выставил на Раде вновь свою кандидатуру).

- Владимир Прокофьевич, какой Вам видится ситуация в Кубанском войске?

- Кубанское войско, как и другие казачьи войска - сложный организм из людей, добровольно объединившихся ради возрождения казачества. Это разные люди - по социальному, имущественному положению, культурному и образовательному уровню. Но всё это - казаки. Общество и государство должны с уважением относиться к ним, воспринимать их такими, какие они есть. Они не просто продолжают славные традиции своих предков - над ними до сих пор довлеет трагедия, случившаяся с казачеством в 20 веке.

Уже два года, как я не возглавляю Войско, но по-прежнему состою в нём, радуюсь победам и не понаслышке знаю о его проблемах. Казаки и атаманы по-прежнему приезжают ко мне, советуются.

Говоря откровенно, казачество сейчас переживает сложный период. Хотя государство - и федеральный центр, и краевые власти - уделяет ему огромное внимание. Прежде всего - в плане привлечения его к государственной службе, на что нацелены указы Президента и местное законодательство, казачьи общества получают серьёзную финансовую поддержку от администрации края. Однако сейчас, как никогда, чувствуется усталость казаков. Власти края привлекают их к охране общественного порядка, борьбе с распространением наркотиков, работе МЧС. Это всё важно и нужно, но ведь служба второстепенна по отношению к целям и задачам казачества. Когда же она становится основной сферой деятельности Войска, то всё явственнее проступает тенденция превращения казачества в своего рода “специальность”.

- Как оценивать в этом плане последние указы Президента в отношении казачества? Есть ли в них что-то нового - и для того же Реестра, и для общественных организаций?

- Чтобы серьёзно судить о них, с документами этими надо детально ознакомиться - на что времени пока не было. На первый же взгляд - это подтверждение позиции, выработанной руководством страны ещё в предыдущие периоды правления. Что-то добавлено, уточнено, но в целом речь всё о том же - о превращении казачества в специальность.

- Действительно, складывается впечатление, что продолжается движение всё в том же направлении - к казачеству как разновидности ДОСААФ. И это несмотря даже на очевидные провалы - в частности, с формированием “казачьих” воинских частей...

- Всё сводится для властей страны к простой форме: служишь - казак. Не служишь - не казак.

Люди образованные просто-напросто не хотят выполнять предлагаемую службу (тем более, что с ней много непонятного, многое не соответствует традициям казаков), что приводит к тому, что из Войска уходит интеллигенция. А её надо, наоборот, привлекать! Нужны грамотные, образованные атаманы, способные не только организовать службу, но работать над культурно-этническим возрождением казачества. Сейчас же элементы администрирования в управлении Войском приводят к тому, что на атаманов обрушивается вал инструкций, приказов, требований, от них требуют всевозможные справки и отчёты. За всей этой канцелярской волокитой атаманам элементарно некогда заниматься делом.

- Администрирование подменяет собой живую работу - это для России не ново. Хуже, что до сих пор нет государственной идеи казачества. Принимаемого и казаками, и властями представления о том, что это теперь такое. Что, собственно говоря, нужно “возродить”...

- Произошла подмена идеи культурно-этнического возрождения казачества на категорию служилых людей. Казаки и атаманы не понимают, куда их “ведут”. Действи-

В. Громов (слева) и Г. Кокуныко (справа) в мастерской художника Б. Паришкеры

тельно, нет идеи, идеологии, которая бы указала путь. Сейчас Законодательное собрание края, по моей инициативе, работает над концепцией “Государственной политики Краснодарского края по отношению к Кубанскому казачьему войску”. Надеюсь, она станет серьёзным подспорьем в деятельности казаков.

Один из показателей указанной выше подмены - создание параллельной Войску структуры - госучреждения “Казаки Кубани”. Там есть свой директор. Все средства, выделяемые в рамках целевой программы края по поддержке казачества, направляются именно туда! Это наносит немалый ущерб Войску, получился своеобразный инструмент давления на казаков, что вызывает справедливое их недовольство. Считаю, что это учреждение надо упразднить, как полностью надуманную структуру.

- Много ходит слухов о состоявшейся 5-го марта этого года Войсковой Раде. Она была достаточно бурной?

- К сожалению, я на этой Раде не мог присутствовать, но знаю, что там происходило. Многие атаманы потом делились впечатлениями. Был откровенный разговор о проблемах казаков, и я думаю, что руководству Войска нужно будет учесть всё, что было там сказано.

Думаю, что казачьи атаманы поступили правильно, не одобряя разработанное московскими чиновниками “Положение”, регламентирующее жизнь Войска. Такие документы должны составляться с учётом казачьих традиций, и никак иначе. Аналогичная ситуация и с уставом Войска, его мало кто видел. Типовой устав требует доработки с учётом традиций управления на Кубани - они отражены в нынешнем уставе, и их необходимо сохранить.

Это не первый раз, кстати, когда казаки не одобряли присланный сверху устав. Ещё в 1995 году Президент подписал указ о войсковом реестре. Наше Войско подало документы на вхождение в него одним из первых, но вступило лишь через два года. Мы отказались от предлагаемого типового устава и сформировали собственный, с учётом традиций. И сказали - берите такими, какие мы есть! Жизнь Войска должна опираться на казачьи традиции, а не на мнения и пожелания чиновников различного уровня.

Повторюсь, Кубанским войском проделана большая работа в плане организации службы. Но не в этом суть возрождения казачества. О простой ситуации, что сложилась в нём, говорит и тот факт, что многие казаки думают вообще покинуть Войско, уйти в общественные организации. Когда ко мне обращаются с этой идеей, я всегда отговариваю казаков от этого шага. Мы создавали Войско не для того чтобы его распускать. Атаманы приходят и уходят, а Войско должно оставаться и крепнуть.

- Сколько у нас сейчас казаков? И каково соотношение родовых с новообращёнными и самозванцами?

- Вопрос о численности современного казачества всегда беспокоил и казачьих лидеров, и государственные власти, и силовые структуры, и политические партии, с началом той или иной избирательной компании пытающиеся привлечь казаков на свою сторону различными посулами. И все они сталкиваются с крайне противоречивыми сведениями.

Есть данные переписи населения 1896 года - тогда в России было 4,5 млн. казаков, в том числе 1,5 млн. кубанских. Последний раз при советской власти казаки обозначались - причём в добровольном порядке! - в ходе переписи 1926 года. Тогда их численность на Кубани составляла 1,286 млн. - и это после того, как казаки ощутили на себе все испытания Гражданской войны и расказачивания. Вот были сила духа, национальная гордость и самосознание!

С началом возрождения Кубанского казачества, его масштаб приобрёл такой размах, что вызвал восторг и удивление самих казаков и современников. Но в это время пере-

пись населения не проводилась, и мы располагаем лишь данными мониторинга 1992 года, определившего численность потомков казаков среди населения Кубани - 1,2 млн. человек. Эти данные интересны, но не более, ибо не подтверждены официальной статистикой.

- Многих казаков в то время эти данные не удолетворили, и они стали приводить в прессе более весомые цифры, ссылаясь то на свои собственные исследования, то на данные неких "закрытых" опросов...

- Самы атаманы казачьих войск, прежде всего, ударились в крайности, завышав сведения о казаках в России - от 3-4 до 9-12 млн. человек. Тогда, в период острой политической борьбы и нестабильности, это было рассчитано на привлечение внимания политических партий, нередко воспринимавших эти сведения за чистую монету. Тогда атаманы и стали появляться в президиумах различного рода партий. Впрочем, это был обоюдный процесс - атаманы и политики устремились навстречу друг другу, надеясь за счёт партнёра поднять свой авторитет. В это время, кстати говоря, в 1992 году Кубанское войско приняло решение, запрещающее казакам членство в партиях.

- Многие из атаманов вполне искренне верили в то, что говорили. Или считали, что так надо - ради блага казачества. Некоторые настолько убедили себя самих в своей массовости и силе, что вообще настаивают на необходимости создания собственной "казачьей партии".

- Поверив в завышенную численность казачества, некоторые из них, даже сами создатели легенды, не раз высказывали идею о создании казачьей партии. Вот была бы ситуация: казачества как такового ещё нет, а партия казачья - есть!? Да и наивно полагать, что создание партии возможно без серьёзных материальных средств - их нужно будет у кого-то взять. Тогда какая же это будет "казачья" партия? И тут совсем не важно даже, кто этот добрый "дядя" будет, что даст денег, с казачьими корнями или вовсе без оных...

Как бы то ни было, но без труда Совету атаманов казачьих войск удалось добиться, чтобы во Всероссийскую перепись населения 2002 года включили графу о казачьем населении. Пришлось убеждать в важности таких сведений не только чиновников, но и самих казаков! Они, с одной стороны, заявляли о своём казачьем происхождении, а с другой - не видели смысла в официальном обозначении себя таковыми. По данным этой переписи, в Краснодарском крае проживают 17,5 тысяч казаков - мужчины, женщины, дети. Хотя в то же самое время, при создании государственного реестра, атаманы сообщали о численности казаков в 140-150 тыс. В итоге в реестр вошло 40 тысяч казаков Кубани.

- И какая же цифра ближе к истине?

- Казаков можно разделить на три группы. Во-первых, потомственные, сохранившие этническое самосознание - это они остаются застрельщиками всех казачьих дел. Другая часть потомственных казаков считает себя казаками, но при этом неразрывным образом связывает себя с русским народом, признавая бывшее казачество служилым сословием. И, наконец, те, кто вообще утратил своё казачье самосознание. Последних - подавляющее большинство.

Вывод напрашивается один - казаков на Кубани, да и в целом по России, не так много, как нам хотелось бы.

- Вы не говорите ещё об одной - и весьма значимой группе современного казачества, особенно вне границ традиционных его областей. Немалое число людей пошли "в казаки" из соображений моды или патриотических убеждений, не имея вообще казачьих корней. Да и на Кубани недавно было решено довести численность реестрового казачества до 1 млн. человек - представляю, кто окажется среди этих казаков...

- В последнее время, когда государство всё шире привлекает казаков к так называемой государственной службе, ряды их активно пополняются людьми не казачьего происхождения - порой они идут туда просто для того, чтобы заработать какие-то деньги. Где атаманы занимают некие административные должности, для увеличения численности казачьих обществ в них зачисляются подчинённые этих должностных лиц (например, сотрудники милиции). То есть происходит размывание казачьих обществ пришедшими работать казаками, не более того. Например, в одном из храмов я увидел человека в казачьей форме. Спросил, казак какой он станицы? В ответ, смутившись, тот сказал,

что в казачестве недолго и пришёл из-за работы - но здесь мало платят и он будет уходить "на другую работу".

А ведь возрождение казачества - это, прежде всего, пробуждение этнического сознания. Процесс долгий и рассчитанный при благоприятных условиях не на одно поколение. При этом под "благоприятными условиями" следует понимать помощь и поддержку со стороны государства, а не администрирование чиновников всех мастей, ряды которых всё возрастают.

- Если из этого самого миллиона настоящих казаков будет меньше половины...

- История знает много примеров исчезновения целых народов с карты мира. Но нет ещё примеров искусственного создания народов, этнических групп! Возрождение казачества - первая такая попытка. И это дело не чиновников - они не руководствуются интересами людей, а лишь отражают позицию власти.

Историк А.И. Козлов заметил: *"Государство всегда подходило к решению казачьих проблем с точки зрения корыстных интересов, сиюминутной выгоды"*. Между тем, этническое возрождение - процесс наисложнейший, требующий не просто понимания и поддержки со стороны государства, но и усилий и совершенствования знаний каждого казака, каждой казачьей семьи.

Если на этнической карте России не будет казачества с его культурой, традициями, самосознанием, мы неизбежно получим неказачество, никоим образом не связанное с предшествующими поколениями казаков. Просто сообщество людей в форме, определённых в оное чиновничеством.

- И всё же: возможно ли вообще сегодня, в условиях значительного расслоения общества, разности условий жизни и воспитания, некое единое казачество - с общими представлениями о своём месте в этой жизни? Не кажется ли, что пропасть между реестровыми и общественными казаками только углубляется?

- Современное казачье движение переживает глубочайший кризис. Одни из причин его порождены самим казачеством, другие - следствие внешних факторов, в том числе и государственной политики. Этот сложный, полноречивый вопрос нуждается в глубоком и всестороннем анализе - и, наверное, отдельном разговоре. Хотелось бы, чтобы и реестровое, и общественное казачество шли при этом рука об руку. Тем более, что идейный и организационный кризис затронул всё движение.

Давайте вспомним наши истоки - хотя бы со времени проведения в Москве первого "Большого круга", давшего старт объединению казаков в общественную организацию "Союз казаков". Мы оба были участниками этого события и помним первые разногласия, начало деления на "белых" и "красных", различные взгляды на прошлое и будущее казачества. Крайне важно было уже тогда выработать идеологию возрождения - и очень важные положения её, мне кажется, достаточно чётко сформулировала Декларация казачества, принятая в ноябре 1990 года в Краснодаре. И ту же позицию закрепил 26 апреля 1991 г. закон "О реабилитации репрессированных народов": казачество - это исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей.

Естественно, движение приняло в себя, даже в числе родовых казаков, людей не просто из разных социальных групп, но и разных политических взглядов - они по-разному понимали суть казачества, идеи и цели возрождения.

Те же военные видели в казачьей организации структуру вроде армейской. В армии приказ командира, воинские звания определяют жёсткую дисциплину. В казачьем войске люди объединялись добровольно, и это накладывало отпечаток на взаимоотношения атамана и казаков. Опыт военных был использован казаками во время конфликтов в Приднестровье и Абхазии - но потом бывшие военные часто склонялись к силовым методам решения вопросов, к резкой риторике, напряжённости там, где нужна была спокойная целеустремлённая работа. Что, конечно, отпугивало интеллигенцию и вызывало насторожённость властей.

Не зря глава Краснодарского края, а затем администрации Президента и Совета по делам казачества Н.Д. Егоров в 1995 году сказал: *"Казачество погубят военные, они будут подходить к вам, как армии и солдатам, живущим в казармах. И ещё: вы всё время говорите о государственной службе, а насколько готовы вы нести её? Боюсь, дадут"*

такую службу, от которой вы разбежитесь!..”

Раскол в казачестве ясно обозначился после августа 1991 года. Отчасти он стал следствием недалёковидности и честолюбия атаманов, которые начали широко поддерживать демократические власти и всевозможные партии, замесили на экранах телевизоров, как в калейдоскопе. Казачьих организаций объявилось бесчисленное множество - что дискредитировало казачество в среде самих казаков.

Тогда решение ввести Государственный реестр было верным - “Станица”, помнится, самым активным образом его поддержала. Да, при этом значение общественных организаций неизбежно уменьшалось - но на общественных началах и не возродить самосознание казачества! Реестр выявлял среди казачьих организаций наиболее серьёзные. “Союз казаков России” к тому времени оставался самой массовой организацией, А.Г.Мартынову не раз предлагали войти в реестр. Но он решил сохранить оппозиционность власти - и войскам пришлось идти в реестр самим по себе.

Без господдержки не решить вопросы возрождения, и в этом плане Кубань достигла наибольших результатов. Не в последнюю очередь потому, что во главе Войска встали потомственные казаки, юристы, историки, военные.

Для нас изначально было важно не заключать некие договоры с властью, но и самим идти в неё. Мы добивались, чтобы казаки войска участвовали в управлении краем в качестве депутатов и руководителей различного уровня (замечу, что в других войсках шли к власти иным путём - руководителей того или иного уровня принимая в казаки).

- Многие на Кубани рассматривают атамана Войска как фигуру несамостоятельную, подчинённую губернатору, неспособную отстаивать интересы казаков...

- Никто не может упрекнуть меня в несамостоятельности или угодничестве перед властью! Всегда старался вести с ней диалог на равных - будь то Президент России или глава края. Исходил из интересов казачества и не уступал по принципиальным вопросам. Нелегко отстаивать свою точку зрения, но - отстаивал и убеждал! Вероятно, потому у меня до сих пор сохраняются добрые отношения с большинством руководителей, с кем довелось работать.

Во взаимоотношениях с людьми для меня важны чест-

ность и порядочность. Зная слабости людские, я старался никогда не воспринимать предательство, обман как личную трагедию (тем более, что в современном обществе эти качества стали нормой поведения), старался прощать обиды и не помнить зла. Поэтому казаки верили и верят мне. Атаманом меня избирали казаки, а не назначали власти!

- Жалуете ли Вы о чём-то из сделанного на атаманском мостике? Ведь, что ни говори, не без Вашего прямого участия Войско (и, шире, казачество России) пришло сегодня туда, куда оно пришло...

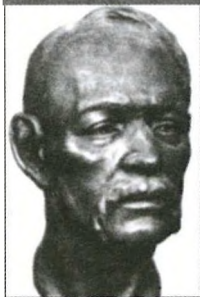
- Уже достигнутое кубанским казачеством столь масштабно, что 20 лет назад мы и представить себе не могли. Всё это важно сохранить и идти дальше.

Многое вообще упирается в личность атамана - от хуторского до войскового. Насколько они верны казачьей идее и принципиальны, когда речь идёт об интересах казачества. Не дай Бог, оказавшись в рядах чиновничества, они будут преследовать лишь свои корыстные интересы. Сколько раз видел: сегодня казак, а завтра такой чинодрал!..

В любом новом и сложном деле не обойтись без ошибок. Мы преодолевали массу трудностей (а порой сами их и создавали). Но очень важно во время признать свои заблуждения и исправлять, переопределить цели и задачи по пути культурно-этнического возрождения. Вот если казачество совсем сойдёт с этого пути - тогда будет окончательный тупик!

В своё время председатель Донского правительства М.Н. Мельников сказал: *“Сущность казачества не в лампасе и не в чубе, не в “образе служения” - а в казачьем духе, традициях и навыках, в казачьей психологии свободного человека, независимом характере и чувстве собственного достоинства, в безграничной любви казака к родному краю, в его широкой терпимости, в его предприимчивости, умениях защищать свои права; вообще, прежде всего, во внутренних качествах казака”*. Мы сделали первый шаг в пробуждении казачьего духа, независимого характера, чувства достоинства. Будет ли второй? Оседлавшие казачество чиновники не только не считают с уставами и демократическими традициями, но понукают казачество. Вот откуда чувство разочарования, вот почему нет у казаков прежнего горения...

беседовал Г. Кокунько

“Урус - шайтан”

к 300-летию легендарного кошевого Сирко

В истории казачества немало имён, известных не только на родине, но и далеко за её пределами. Одно из них - Винницкий и Харьковский казачий полковник **Иван Дмитриевич Сирко**, “атамановавший в Сечи в 1659 года, с некоторыми промежутками, по 1680 год”. Современники сравнивали его с Чингис-ханом и Тамерланом, а татары и турки звали “урус-шайтаном”. Спартакскими привычками он напоминал историкам киевского князя Святослава, ещё при жизни о его подвигах складывались думы и песни. Польский хронист Веспиян Коховский, которого трудно заподозрить в особой любви к запорожцам, писал: *“Страшный он был в орде, ибо был опытный в военных делах и отважный кавалер... гожий человек, воинской природы и не боялся ни слякоти, ни мороза, ни солнечной жары. Он был отзывчивый, осторожный, терпеливо переносил голод, был решительный в военных опасностях. Летом он находился на порогах, а зимой - на украинском пограничье. Он не любил тратить время на женщин, потому что постоянно сражался с татарами...”*

Личность Сирко всегда окружало много легенд - начиная с того, что родился он с зубами, чтобы всю жизнь “грызть врагов”. Его наделяли качествами казачьего “характерника” (чародея): способностью ловить на лету пули и отводить удар сабли, обращаться в собаку либо птицу, проходить сквозь стены, сливаться с камнями, деревьями и т.д. Утверждали, что Сирко по силам даже сражаться с нечистым (что однажды и произошло в окрестностях Сечи - то место носит теперь название Чертомлын)...

Точно известны лишь место и дата смерти Ивана Сирко - 1680 год. Местом его рождения называют и Подоллю, и слободу Мерефа на Слобожанщине (в семье казака по фамилии Половец). О дате рождения можно судить лишь приблизительно - принято считать, что произошло это в

1610 году. Рождение его прозвища объясняет предание - будто бы мальчишкой в ночь на Ивана Купалу он пропал на три дня из дома, а вернулся вместе с волчонком и стал называть себя Сирком (другом волков). Так его звали и на Сечи, куда Иван попал в 13-14 лет.

Впервые имя запорожского старшины Сирко появилось в описании морских походов против турок конца 20-х годов 17-го столетия - как одного из молодых, но уже заслуживших уважение мужеством и воинским умением сотников. А в 1645 году к нему пришла и европейская слава.

За несколько лет участия в Тридцатилетней войне армия Франции под командованием принца Конде, прозванного за ряд блистательных побед “Великим”, понесла существенные потери. Поэтому французский посланник при польском дворе граф де Брежи начал переговоры с королём Владиславом IV о вербовке казаков. Но законы Речи Посполитой запрещали наёмничество состоящих на коронной службе в чужие армии (в том числе реестровых казаков). Идея обратиться к запорожцам пришла в голову военному инженеру Гийому Левассару де Боплану, в период религиозных войн покинувшему Францию и служившему Польше. Когда в 1643 году престол Франции занял пятилетний Людовик XIV, был обнародован эдикт об амнистии гугенотам-эмигрантам, и Боплан возвратился на родину.

Богатый нормандский аристократ, он был на короткой ноге с самим кардиналом Мазарини, после смерти в 1642 году кардинала Ришелье сменившим его не только на духовном поприще, но и как главу правительства Франции. Хорошо знаком Боплан был и с графом де Брежи, с которым они частенько вспоминали проведённые в Польше годы. Боплан был не только инженером, но и профессиональным военным - при подавлении восстания атаманов Острянина и Гуни командовал польским отрядом. Де Брежи в силу своего служебного положения тоже общался с запорожской старшиной. Уже в первых сообще-

ниях о запорожцах он сообщает - "очень смелые воины, неплохие всадники, совершенные пехотинцы, особенно они способны к защите крепостей", а в депеше кардиналу Мазарини от 21 сентября 1644 г. сообщает: "у запорожцев есть ныне очень способный полководец, Хмельницкий, его здесь при дворе уважают".

Впрочем, Мазарини и сам был наслышан о запорожцах, которые в европейских войнах 1620-21 гг. сражались в войсках австрийских Габсбургов (в боях на территории Моравии, Чехии, Венгрии, Австрии), и на стороне короля Густава-Адольфа, и в армии вице-короля "обеих Сицилий". Устроила Мазарини и кандидатура Богдана Хмельницкого, о котором лестно отзывался король Владислав IV, хорошо знавший его с 1618 года (когда запорожцы участвовали в польском походе на Москву).

С согласия Мазарини де Брежи в октябре 1644 года дважды встречается с Хмельницким, не возражавшим против вербовки во французскую армию трёх тысяч сечевиков-добровольцев. Затем Хмельницкий отправился на Запорожье, где со своими товарищами полковниками Сирко и Солтенко, старшинами Чарнотой, Ганжой, Нечаем и Кривоносом занялся сбором экспедиционного отряда.

В марте 1645 года Хмельницкий с Сирко и Солтенко по приглашению кардинала Мазарини через порт Гданьск отправились во Францию. В начале апреля они были приняты самим Мазарини. Из кардинальского дворца казаков повезли в городок Фонтенбло, в загородную резиденцию французских королей - где они получили аудиенцию у Людовика XIV (по другим источникам - у королевы-матери Анны Австрийской) и были представлены командующему французской армией.

Здесь произошёл один из тех случаев, благодаря которым Сирко вошёл в историю Сечи как самый остроумный кошевой. После знаменитых побед при Рокруа и Фрейбурге имя принца Конде произносилось почти с таким же трепетом, как королевское. Но для сечевого полковника это не имело никакого значения: глядя на огромный парик принца, Сирко вежливо поинтересовался - не оттого ли принца величают "Великим", что у него такой большой парик? Принц рассмеялся и ответил, что с удовольствием будет видеть в своей армии подобных остроловов.

В этот день, 19 апреля 1645 г., между Конде и Хмельницким было подписано соглашение - на французскую службу поступали 1800 пеших и 800 конных запорожцев. Королевская казна платила казакам по 12 талеров в месяц, а старшинам по 120; кроме этого, каждый получал "сука тонкого французского цветного по 12 аршин". В соглашении оговаривалось, что казачий корпус является самостоятельной единицей французской армии и подчиняется лично принцу Конде.

В сентябре казаки походным порядком выступили к Балтийскому морю, и в октябре прибыли в Гданьск, где их ждали французские корабли. Выгружались казаки на берегу пролива Па-де-Кале в окрестностях Дюнкерка - в то время сильной голландской крепости, занятой испанцами. Соединившись с армией Конде, казаки участвовали во взятии нескольких вражеских крепостей на севере Франции, проявив воинское мастерство и редкую отвагу. Во всеулышание заявив, что казачья пехота одна из лучших в мире и постоянно ставя её в пример своим войскам, Конде приказал казачьему корпусу захватить Дюнкерк.

В крепости, которую уже пять недель пытались взять французские войска во главе с герцогом Энгиенским, находился пятитысячный испанский гарнизон, прикрытый с моря военной эскадрой.

Хмельницкий разделил свой корпус на две части: тысяча казаков под командованием полковника Сирко и имевших огромный опыт морских боев старшин Гаджи и Чарноты, посаженные на французские корабли, должны были атаковать Дюнкерк с моря; большая часть казаков оставалась в составе армии Конде для штурма с суши.

Когда корабли с казачьим десантом ночью приблизились к Дюнкерку, они были окружены испанской эскадрой. По

числу кораблей неприятель превосходил французскую флотилию вдвое, по огневой мощи имел подавляющее превосходство - значительную часть французской флотилии составляли обычные транспортники, нагруженные людьми и лошадьми. Часть французских офицеров предлагала сдаться. Тогда Сирко взял командование на себя. Отдав приказ казакам готовиться к абордажному бою, а французским артиллеристам подготовиться открыть огонь, он велел поднять белые флаги на всех судах. Когда испанские корабли приблизились, чтобы принять капитуляцию, Сирко приказал сразу идти на абордаж.

Испанцы были готовы ко всяким неожиданностям и дали ответный залп, повредив многие французские корабли. Но было поздно - с последних палили картечью фальконеты (мелкокалиберные пушечки, нередко имеющие несколько стволов на одном удлинённом лафете), сметая с вражеских палуб всё живое, и на всех вёслах спешили набитые казаками шлюпки.

Рукопашный бой завершился победой казаков, был пленён командир испанской эскадры адмирал Мардик. Поднявшись на борт испанского флагмана со своего начавшего тонуть корабля, Сирко поставил перед ним ультиматум - смерть или быть лоцманом у французской флотилии. Адмирал выбрал второе и провёл флотилию - мимо вооружённой орудиями лоцманской башни, прикрывающей вход в канал, ведущий из открытого моря в Дюнкерский порт, а затем по самому каналу.

В это время начался отлив, и два транспортника с десантниками сели на мель. С рассветом они неминуемо были бы обнаружены и расстреляны крепостными батареями. Казаков, конечно, можно пересадить на другие корабли, но как быть с орудиями и лошадьми?

До рассвета не более часа времени, к тому же поднять артиллерию и лошадей вручную на высокие палубы боевых кораблей было крайне трудно, а транспортники, повреждённые испанским огнём, и без того едва держались на плаву. Сирко и здесь нашёл выход, приказав опорожнить все имевшиеся бочки, настлать на них доски

и на полученных плотках доставлять на берег орудия и лошадей.

Казачья артиллерия оказалась на суше и открыла огонь по крепости, казаки атаковали преграждавшее им дорогу городское предместье. Оно было захвачено и запылало, в клубах дыма можно было разглядеть казачью батарею, ведущую огонь прямой наводкой по выходящим к порту крепостным воротам, и спешащих к крепостным стенам казаков со штурмовыми лестницами, прикрываемых со стороны соседних ворот конным отрядом.

Между тем, перебросить основные силы гарнизона, чтобы уничтожить десант, испанцы не могли. Де Брежи не зря считал Хмельницкого "очень способным полководцем" - под Дюнкерком тот полностью оправдал эту характеристику. Отказавшись от обоза, взяв с собой во вьюках лишь боезапас и минимум продовольствия, с главными силами своего корпуса гетман оторвался от армии Конде, ускоренным маршем двигаясь к Дюнкерку.

Часть казаков передвигалась верхом, другие, держась за стремя всадника, бежали рядом. Так, чередуясь, отряд Хмельницкого намного опередил армию Конде и очутился у Дюнкерка в ночь, когда туда отплыли десантники полковника Сирко. Когда со стороны крепостной гавани донеслись звуки боя, казаки Хмельницкого начали штурм с суши, ворвались в Дюнкерк, а когда на примыкавшей к морю крепостной стене появились казаки Сирко, сопротивление испанцев прекратилось. Над главной крепостной башней вместо флага с Кастильскими львами поднялись два знамени - одно с французскими королевскими лилиями, и второе - с православным восьмиконечным крестом.

За штурм Дюнкерка запорожские старшины, в том числе Хмельницкий и Сирко, были награждены французскими орденами. По истечению срока соглашения с принцем Конде часть казаков во главе с Хмельницким возвратилась домой, однако большинство заключили новый дого-

И. Сирко на эскизе картины И. Репина

Морская атака запорожцев

вор и под командованием Сирко ещё два года участвовала в европейских войнах. Обычно казаки действовали вместе с королевскими "серыми мушкетерами" - лучшими солдатами французской армии, не раз им приходилось выступать и в роли личной охраны короля.

В этот период у Сирко появился близкий друг-француз - лейтенант мушкетеров 34-летний Шарль дю Бас де Фезензак сьер де Кастельмор, которого приятели звали по титулу матери - граф д'Артаньян. О боевых делах и любовных похождениях двух друзей - казачьего полковника и лейтенанта мушкетёров - существует множество воспоминаний современников.

В предисловии к книге "История борьбы казаков против Польши" французский историк Пьер Шевалье поставит в заслугу графу де Брежи следующие: *"Вы завербовали немало тех искателей приключений для службы в королевской пехоте, которых подобрали в Польше и повели во Фландрию, где их оружие часто уничтожало много врагов; французским же войскам не приходилось вдохновлять их своей воинственностью, потому что им хватало собственной смелости"*.

Вернувшись на Запорожье, Сирко командует полком сечевиков в казацко-польских войнах 1648-54 гг. Однако после заключения в Переяславе унии между Москвией и "козацькой Украйной" вид Чигирин до Конотоп" пути Ивана Сирко и Богдана Хмельницкого расходятся.

Запорожцы и верхушка реестрового казачества преследовали в этих войнах разные цели. Сечевики сражались за полную независимость Украины от любой другой страны, а верхушка реестровиков силой оружия добивалась от Речи Посполитой уравнивания в правах с польско-литовской знатью. Тем более, что многие из них, как тот же Хмельницкий, были породнены с этой самой родовой аристократией и носили её гербы.

Когда в 1648 году польская армия потерпела от казацко-крестьянских войск сокрушительные поражения под Жёлтыми Водами, Корсунем и Пилявой, Речь Посполитая практически лишилась какой-либо вооружённой силы, её население бежало с восточных районов в Центральную Польшу. Страна лежала беззащитной у ног Хмельницкого, и он мог идти на Варшаву победным маршем, не встречая сопротивления. Но вместо этого гетман двинул свою армию в направлении Львова, затеял долговременную осаду не представлявшей никакого военного или политического значения захолустной крепости Замостье - не предпринимая на деле никаких практических шагов для её захвата. Пока его армия без дела топталась у Замостья, сам Хмельницкий развил бурную деятельность: вступил в переговоры с сенаторами Речи Посполитой относительно избрания нового короля, отправил на Сейм своих представителей, дал торжественную клятву исполнять все повеления короля.

Действительно, когда новый король Ян Казимир потребовал от гетмана освободить захваченные территории и прекратить войну, тот подчинился и отступил аж до Киева (не забыв выпросить для реестрового казачества ряд льгот).

Такая же ситуация произошла и в 1649 году, когда война разгорелась вновь и королевская армия была наголову разгромлена под Зборовом. Вместо пленения трясушегося от страха Яна Казимира, Хмельницкий преклонил перед ним колени и поспешил заключить новый договор. Об интересах крестьянства в нём опять не было ни слова, зато число реестровиков было увеличено до 40 тысяч, их земельные наделы значительно увеличены, они получили право иметь двух надпомощников и т.д. Ещё большие права получила реестровая старшина (долгожданное право на "ранговые маестности") - не говоря о самом Хмельницком, ставшем властителем Чигиринского старства (к которому он по случаю "присовокупил" богатый городок Млиев, принадлежавший прежде князю Конецпольскому и приносивший 200 тысяч талеров годового дохода).

Доверие между казаками и крестьянством было потеряно, и армия Хмельницкого в кампании 1651 года потер-

пела жестокое поражение под Берестечком. На этот раз уже Речь Посполитая диктовала условия гетману, сводя на нет всё достигнутое прежде. Вот когда реестровой верхушке понадобился сильный союзник, который ради

Запорожский казак и мушкетёр

территориальных приобретений и улучшения своего стратегического положения сохранил бы главенствующее положение "гетманского уряду" на "козацькой Украйне".

"Переяславская уния" с Москвией стала, по существу, вынужденной мерой реестровой старшины ради сохранения своей власти на контролируемой ею части Украины. Поэтому на "чёрной раде" в Переяславе и не присутствовали представители запорожского казачества, которое сражалось вовсе не за смену власти польского короля на власть русского царя. В этом причина и последовавшая за Радой череды междоусобиц на Гетманщине - части "козацькой Украйны" в составе Московщины. Полковник и Кошевой атаман Иван Сирко дру-

жил со многими гетманами русской Гетманщины и польского Заднепровья, с большинством атаманов "вольного казачества", но не поддержал никого из них в украинских междоусобицах. Он порвал отношения с гетманами И. Выговским и Ю. Хмельницким, добивавшимися возврата Гетманщины в состав Польши, враждовал с гетманом Заднепровья (Правобережная Украина) П. Дорошенко, ради объединения под своей властью всей Украины вступившим в союз с Турцией и Крымским ханством. Сирко порвал отношения и с гетманом русской Гетманщины И. Самойловичем, стремившимся сократить земельные владения Запорожья и даже однажды устроившим ему продовольственную "блокаду" - но принял меры, чтобы это противостояние не вылилось в вооружённое столкновение. Разыгрывая "антимосковскую карту", он принял на Сечи самозванного "царевича Симеона", но не переступил опасной черты и по требованию Москвы выдал его царскому правительству.

Всю жизнь у Сирко был один главный и постоянный враг - Оттоманская империя и её сателлит - Крымское ханство. Против них он совершил десятки походов - и как сечевой Кошевой атаман, и как союзник русского царя.

Впервые с русским войсками он успешно действовал против крымского хана в 1660-61 гг., за разгром татарских орд в низовьях Буга и Днестра царь "одарил" Сирко собоями на 300 рублей и пожаловал 200 рублей золотом. Весной 1675 года, возглавив запорожских, донских казаков и калмыцкую орду, Сирко разгромил турецкие и крымские войска, вторгшиеся на Украину с последующей целью набега в Московию. Командовал запорожцами Сирко и в сражениях под Чигирином, когда русские войска и его сечевики предотвратили нашествие 200-тысячной турецко-татарской армии на Левобережную Украину. Сражаясь с турками и татарами, Сирко одновременно защищал от набегов и Речь Посполитую, отчего король Ян III Собесский (войска которого казаки Сирко изрядно потрепали в 1659 году, когда Польша в союзе с крымским ханом хотела вернуть себе Днепровское Левобережье) был вынужден признать кошевого Сирко "славным воином и умелым вожаком".

Талантливый полководец, Сирко не только защищался от набегов, но и громил противника на его территории, совершив ряд походов в турецкие владения на Буге, Днестре, в Придунавье и опустошительных вторжений в Крым. В историю Запорожья вошёл один из таких набегов, события которого до сих пор оцениваются по-разному.

В 1675 году запорожская конница внезапным броском преодолела Крымский перешеек, ворвалась в Крым и, разгромив орду в генеральном сражении на Сиваше, вихрем пронеслась по Крыму, освободив из неволи свыше семи тысяч пленников. Оставив за спиной Колончак и Чёрную долину, казаки с бывшими невольниками расположились на отдых, и здесь три тысячи освобождённых стали просить разрешить им возвратиться обратно в Крым, где у них остались смешанные семьи и ставший привычным образ жизни. Подумав, Сирко согласился. Но, когда "возвращенцы" двинулись в путь, он велел молодым казакам,

впервые участвовавшим в походе, догнать уходящих и вырубил всех до единого. Когда приказ был выполнен, он подбегал к мёртвым телам и поклонился им: *"Простите нас, братья, а сами спите здесь до страшного Господнего суда вместо того, чтобы размножаться в Крыму среди басурман на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без крещения погибель"*. Потом он поклонился выполнявшим его приказ казакам, прося прощения за то, что обагрив их души кровью. Сказал, что вина за это перед Богом на нём одном, а им нужно жить и воспитывать детей, которые должны помнить, какой страшной ценой платила Украина за свободу.

Но этот суровый воин, которого турки и татары звали "семиглавым драконом" и "урус-шайтаном", потерявший в боях за Украину двух сыновей, был великодушным и отзывчивым человеком. Когда в Крыму бушевала бубонная чума, он разрешил татарам переселиться на запорожские незаражённые эпидемией земли, а противникам такого решения лаконично ответил: "Будем людьми".

В 1664 году стареющий, израненный Иван Сирко переехал на Слободскую Украину, поселившись с женой и двумя дочерьми на Харьковщине, в слободке Артемовке, в двух верстах от Мерефы. Обзавёлся мельницей, пасекой... Но мирная жизнь продлилась недолго. В 1665 году Сирко был избран полковником Харьковского слободского казачьего полка, вместе с которым поддержал вспыхнувшее на Слобожанщине казацко-крестьянское восстание против произвола старшины и царских воевод.

После подавления восстания он возвратился на Запорожье, где встретил радушный приём. В это время он устанавливает тесные контакты с предводителем казацко-крестьянского восстания в России Разиным, которого хорошо знал по войне 1648-54 гг. на Украине, когда тот в армии Хмельницкого командовал донским казачьим полком. Предполагают даже, что он хотел оказать вооружённую помощь старому товарищу, но не успел.

Такое поведение Сирко сделало его врагом Москвы, и когда в апреле 1672 года он оказался на Гетманщине с малочисленной охраной, царские власти его арестовали, отправили в Москву и затем сослали в Сибирь - в Тобольск. Запорожцы тут же отправили к царю посольство с требованием возвращения Сирко. С такой же просьбой обратились к Москве и поляки, поскольку без Сирко Польша стала регулярно подвергаться опустошительным татарским набегам. Вдобавок к этому и в самой России ожидали очередного вторжения турок с ордой - и в результате уже в начале 1673 года Иван Сирко был возвращён из ссылки, вернувшись на Запорожье.

Прославленный полковник и кошевой, командовавший казаками в 55-ти крупных сражениях против поляков, турок, татар, русских и не проигравший ни одного из них, умер в 1680 году в хуторе Грушевка на Харьковщине (ныне село Ленинское Днепропетровской области). В "Летописи" Самойла Величка читаем: *"Того же лета, 1 августа, преставился от этой жизни на своей пасеке Грушевке, проболев определенное время, славный кошевой атаман Иван Сирко... Похоронили его с почестями, с превеликою пушечной и мушкетной стрельбой и с великой скорбью всего Низового войска. Ибо это был преданный и счастливый вождь, который с молодых лет вплоть до своей старости... не только славно воевал за Крым и сжег в нем некоторые города, но также громил в диких полях... многочисленные татарские чамбулы и оскободжал пленников"*. По Днепру его тело было доставлено к Чертомлыцкой Сечи и там похоронено с воинскими почестями на сечевом погосте.

В 1709 году, по приказу Петра I, во время разгрома Сечи кладбище подверглось надругательству - солдаты даже

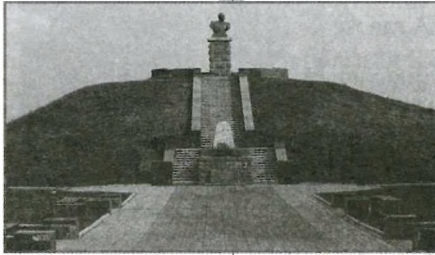
разрывали могилы и отрубали головы покойникам. Казаки из осаждённой Сечи успели отбить останки своего атамана. Во второй раз похоронили его уже в 30-х годах XVIII века - когда в 1732 году Императрица Анна Иоанновна разрешила бежавшим казакам вернуться на Запорожье - у села Копуловка (теперь Никопольского района Днепропетровской области).

Однако в 1775 году Сечь была окончательно уничтожена. Собирались тогда каратели уничтожить и прах Сирко. В селе до сих пор рассказывают, как капудовцы подменили останки прославленного атамана, перезахоронив его в клуне одного из селян.

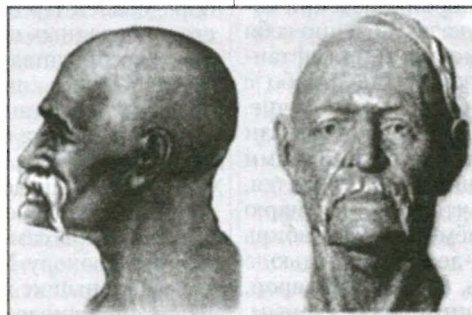
При строительстве в 1967 году Каховского водохранилища прах Сирко был отправлен на изучение, а годом спустя перенесён от подтопления в скифский курган у другого конца села. Было установлено, что атаман умер в возрасте 70-75 лет. Тогда же по черепу в Москве был выполнен его скульптурный портрет. Однако до сих пор при упоминании Сирко все вспоминают его образ с картины И.Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" - тем более, что авторство того самого письма 1676 года приписывается именно ему.

Череп Сирко долгое время находится в Москве, пока в 1990 году его не вернули на Украину. Здесь он, вроде бы, хранится в краеведческом музее в Днепропетровске - пока уже в 2000 году не был, наконец, захоронен вместе с другими останками прославленного кошевого.

Одна из легенд про Сирко гласила, что великий воин даже после смерти помогал казакам побеждать врагов. Он будто бы завещал им отрезать после смерти его правую руку и ходить с ней в походы. Казаки, идя в бой, выставляли вперёд его руку: *"Душа и рука Сирка с нами!"* Захоронили руку кошевого только после разрушения Сечи... Другая легенда говорит о том, что рука атамана помогла победить французов и в 1812 году. Некий казак Михайло Нелипа, чья семья присматривала за могилой Сирко, рассказал самому Кутузову про его завещание - и тот послал за победоносной рукой. Доставленную к Москве руку Сирко три раза обнесли вокруг занятого неприятелем города - результат известен...

Памятник атаману Сирко на кургане у с. Копуловка

Реконструкция облика атамана

Иван Сирко был одним из тех атаманов, деяния которых позволили историку Г.Надхину так писать о Запорожской Сечи:

"Прошли Запорожцы, перегорела современная к ним страсть: отнесёмся же к ним в наше время более справедливо; взглянем на них, в пору падения их Сечи, не как на буйных поданных, а только как на упорных собственников того, что они считали своим правом. Роль их кончена, они сошли со сцены, дело их

сделано, они послужили ему головою, и если ошибались, если спотыкались, то может ли настоящее похваляться перед прошедшим в безупречности своих дел и стремлений? Оценим в Запорожцах то, что было в них честного и великодушного, история отдаст им справедливость. Это были наши восточные рыцари, защитники христианства, и не самовольно они себя так называли: рыцарями, охранителями христиан признавали их также и Польские и Шведские короли, в том числе и великий Густав Адольф, и знаменитый Баторий, и Собиевский; папа, Венеция, вся Западная Европа видели в них героев-борцов за веру Христову. Титул витязей христианства давали им также и наши Московские Цари. Вот незабвенные заслуги Запорожца..."

Это было написано к 100-летней годовщине разрушения войсками Екатерины II Запорожской Сечи, но и сегодня к этому вряд ли что можно добавить существенного.

А. Серб

Рыжечка

- ...Умные речи, Иван Никитич и слушать люблю, - сказал я, когда старик кончил предание о трёх Иванях.

- Экой ты, экой ты какой! - говорил Иван Никитич Чакрыгин, и на лице его сияло неподдельное чувство самодовольствия.

- ...Но ты назвал Ивана Пыжалу, Ивана Шаталу, Ивана Клада, ещё Ивана Бирючьих-Лап. А где же Рыжечка? - спросил я.

- Экой ты, экой ты какой! - сказал Иван Никитич. - Те жили прежде Рыжечки, те жили, может статься, Бог знает когда (старик махнул рукою), а Рыжечка, почитай, что на памяти наших отцов, Рыжечка, сударь мой, был в полку у Прохора Митрича.

- Кто такой Прохор Митрич?

- Ну и славно! - сказал с удивлением старик. - Ты и Прохора Митрича не знаешь. Хорош же гусь!.. А Прохора Митрича Дурманова всё наше войско знало. С ним царь Пётр Первый компанию водил.

- Будто?

- Не будто, а на самом деле так. Да ты, вижу, ничего не знаешь. Так и быть, расскажу тебе с конца. Слушай, ваше благородие.

Я рад был слушать, хотя на слове "ваше благородие" старик и сделал ударение, ясно говорившее: "хоша вы и чиновники, но ни чёрта не знаете на счет житья-бытья казачьего". Старик начал:

Пётр Первый, несколько лет сряду, вел брань-войну со Шведом. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Пётр Первый задумал отнять у него несколько губерний чуховских. Вот из-за этого-то самого дела и дрались несколько лет сряду не на живот, а на смерть. Испокон век ни одна война не проходила и теперича не проходит без того, чтобы наших казаков не требовали в армию: без казаков, словно без соли, нельзя обойтись. Так было и ту пору. Много наших полков перебивало в расейской армии: и пятисотенные, и семисотенные, и тысячные, всем было место и дело. Нигде никогда от наших казаков прослужу не было, окромя лишь отлики. Прикажут ли, бывало, им неприятеля скрасть - как с полки сдунуть; пошлют ля, бывало, соколикос куда, хоша бы и за море, примерно, языка добыть - языка добудут. Такие уж были ловчаги, что днем с огнем поискать, и то вряд ли найдешь. А все Бог им помогал за их простоту.

Ведал о том и сам царь. Раз зимнею порой шведский город Карантин брали. Вот тут-то наши казаки очень себя показали. В одних лёгонких, сударь мой, летних кафтанчиках да курточках, без шапок, с открытыми, иль-бо с перевезанными платком головами, они, аки львы могучие, аки звери дубравные, рыскали впереди армии и душили шведов, словно мух, а работали, заметь, касатик, одними только пиками, точь в точь как в старинных песнях поётся, примерно о Ермаке Тимофеевиче, что говорил царю Ивану Васильевичу Грозному: "Возмём-де тебе Сибирь город без свинца, без пороха. Возмём-де белой грудью, с камчатной с одной плеточкой... Вишь, какие были ярои, старинные казаки-лыцари, не нынешним чета, ученым, что пахаи умеют с полу подымать, а от киргизского копыя, к примеру сказать, "мамынька!" кричат...

В тот день мороз был лютый, борода у наших казаков заиндевели, а от самих от них пар валом валил, словно с каменки, а на пиках у них замерзли длинная-предлинная сосульки: много больно, вишь, шведов-то покололи. Да, истинно так было.

Пётр Первый стоит на горе и смотрит на них в подозрную трубу. - Какие это казаки? - спрашивает приближённых.

- Яйчики! - говорит ему граф Шереметьев.

- Я так и думал, - говорит царь. - Позвать, говорит, ко мне ихняго походного атамана, когда кончится дело.

Ладно. Карантин взяли; шведов - которых побиили, которых в полон позабрали, а король их бежал за море во свои. Так, значит, и быть должно. Собирались у царя после баталии все генералы и сенаторы. Пришёл и Прохор Митрич наш. Царь спрашивает его:

- Как тебя, казачкий атаманушка, зовут по имени и величают по отчеству?

- Вот так-то, - говорит Прохор Митрич.

Уральцы - казак и офицер. 1798-1801 гг.

- Спасибо, Прохор Митрич, за вашу службу: я её не забуду, - говорит Пётр Первый. - Возьми, говорит, на первый случай, по золотой на казака: это, говорит, от меня им на водку, а себе, на память, вот эту вещицу.

Тут царь из собственных своих ручек подал Прохору Митричу литую золотую чару с царским ербечком и имечком.

- Больше этого, - говорит Пётр Первый, - теперича дать не могу; не бесудьте: казна, вишь, на исходе. А вот, как пошашу совсем шведа, возьму с него контрибуцу, принужу его платить мне дань во веки вечные: тогда, говорит, расплачусь с вами, никого не забуду.

- Много довольны твоею милостию, надежа-царь, - отвечает Прохор Митрич. - Мы не из интереса служим, мы как есть рабы твои верные, готовы за тебя кровь проливать до последней капельки...

- Ладно, ладно! - говорит царь, - после сочтёмся. А теперича, Прохор Митрич, отпрапезуй-ка с нами чем Бог послал. Ладно. Сели, как в сказках говорится, за столы дубовые и скатерти бранные, за явства сахарные и питья медвинные; стали пить, есть и прохладяться и речами хорошими, разумными забавляться.

Позд конец честного столованья Пётр Первый и говорит Прохору Митричу:

- Шведа хоша мы и не совсем добили, однако вряд ли он, после вчерашней бани, скоро оправится. Можно, значит, и нам отдохнуть немного. Ступай, Прохор Митрич, поведай своих-то молодцов на Яике, - пускай отдохнут на родной сторонке, поживут в домах, в семействе, поисправят свое хозяйство и все такое; чай с войной то и они, бедняжки, поиздержались, поистратились, а я говорит, не хочу, чтобы казаки мои голодали и без нужды нужду терпели...

- Вот какой он был, Пётр-то Первый! - прибавил старик. - Всё знал, до всего сам доходил, обо всём сам заботился, не гнушался допускать до своих пресветлых очей...

- Знаю, знаю... - прервал я. - Но где Рыжечка?

- Рыжечка? Уж ты, этакое дело, не соскучился ли слушать?

- Я тебе, ведь сказал, что начну с конца, ну и дождись. Об Рыжечке речь впереди. Слушай, касатик.

Швед приутих, войска расейские разошлись по своим фатерам, а Прохор Митрич вернулся с казаками на Яик. Год спустя Прохор Митрич приехал в Питер в зимовой станице с кусом и явился к царю. Само собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному, и повел его из парадных покоев в другие. Посадил его там за стол, стал расспрашивать: что и как на Яике, здоровы ли казаки молодцы, есть ли у них хлеб, одежда, гораздо-ли рыба ловится? и всё такое. Потом стал угощать, налил большую чару зелена вина и поднёс Прохору Митричу.

А Прохор Митрич не принимает чары, говорит: - Не подобает мне, надежа-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего государя; ведь я чувствую, кто я, и кто ты.

Ладно. Царь сам наперед выпил. Налил другую чару и поднес Прохору Митричу. Прохор Митрич выпил, но не всю: на донышке немного осталось.

Царь спрашивает - Что же не всю?

Прохор Митрич отвечает: - Не осилил.

Царь говорит - Да как же я-то осилил?

Прохор Митрич говорит: - Да ведь ты, надежа-царь, слынешь у нас за богатыря, а я только за полбогатыря.

- Ой ли? - говорит царь.

- Истинно так! - говорит Прохор Митрич.

- Хорошо, - говорит царь, - пойдём теперича прогуляемся; узнаем, кто из нас богатырь, и кто полбогатыря.

Пошли они с задняго крыльца на Неву-реку. Подошли к лестнице: надо спускаться вниз. Царь сделал ручкой знак, чтобы Прохор Митрич шел впереди, и Прохор Митрич закобенился, стал на край лестницы да говорит:

- Не подобает мне, надежа-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, моего государя и повелителя; ведь я чувствую, кто я, и кто ты.

Царь улыбается и говорит:

- Не подобало тебе, Прохор Митрич, прежде меня пить чару зелена вина, - это так, а идти впереди меня подобает, даже артикуль военный повелевает: ты должен очищать дорогу, не притаился ли где ворог какой.

Прохор Митрич стал первый спускаться по лестнице, а Пётр Первый пошёл за ним, да каждый раз - ей! - ей! какой ведь и царь-то был разумник, забавник, - каженный раз, как спустит ножку-то со ступеньки, ручкой-то, шутки ради известно, ручкой-то и упрётся в плечо Прохора Митричу и тиснет, да так тиснет, что у Прохора Митрича косточки захрустят.

Покуда они сошли на низ, у Прохора Митрича плечо-то отнялось, на-ка-те! а самого-то его на бок перекосило, на-ка-те! Думал, что Прохор Митрич после того не окаляется, слыжат и совсем изведётся. Ан нет, не тут-то было. На другой день он встал здоровёхонек, только немного на бок перегибался; ну, да это ничеком. Старики сказывали, что Прохор Митрич на всю жизнь остался несколько на один бок крив. Однако был здоров. Когда поутру на другой день он пришел к царю, тот идно удивился.

- Ай-ай, молодец же ты, Прохор Митрич! - говорит царь. - Я думал, ты слыжешь и не встанешь, а ты молодец-молодцом. Вчера ты объявил себя полбогатырем, а ты, вижу, полный богатырь. Однако, шутки в сторону, - говорит Пётр Первый. - Вчера, как мы с тобой расстались, вчера, слышишь, прибежал ко мне кульер из иной земли, привез нерадостную весть: Швед опять на меня поднимается. Идёт он, слышу, не прямою дорогой, не со своей границы, а пробирается, шельмец, обаполом, к польской границе; думает отвести у меня глаза, врасплох застать. Дудки! не на того напал, не надует. Я пойду на перем ему, и где устигну, тут и пошабашу!

Нечего, говорит, с ним церемониться, много давал ему поблажки, - не чувствует шельмец.

- Поезжай, Прохор Митрич на Яик, - говорит Пётр Первый. - Снаряди полк иль-бо два яичких казаков и как можно скорее, являйся с ними ко мне под город Платаву - знаю, Швед до Платавы грабится.

- Вот он какой был, Пётр-то Первый! - прибавил старик. - Всё знал, всё ведал, со всеми баял.

Лишь только Прохор Митрич приехал на Яик и объявил царское повеление, как в одну неделю снарядили два пятистенных полка и отправили под город Платаву. Походным атаманом, знамо дело, пошёл Прохор Митрич. За башней на лугу служили молебн. Прохор Митрич сам держал войсковую хорунку (знамя). На дворе было тихо-претихо, но когда запели: на супротивные даруй! - в тот миг вдруг повеял с западной стороны, сиречь, оттуда, где город Платаву, повеял, говорю легонький ветерок, зашевелил хорунку, поднял - поднял на воздух, всполоснул раза два, да и обвил её вокруг Прохора Митрича, да и затих. Прохор Митрич и стал словно спелененный. В тоже время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича, - а лошадь Прохора Митрича держал Рыжечка, он был на ту пору вестовым у него, - и лошадь, сударь мой, заржала, и подала хороший знак. Тут все войско возрадовалось и заговорило: - К добру! к добру! к добру!

Полки тронулись и пошли. Прохор Митрич остался. Сошлись около него старшины и почтенные старики: известно, выпивку на прощанье сочинить. Когда Прохор Митрич простился со всеми и сел на коня, старшины и все обчество говорят ему:

- Есть когда Господь Бог поможет там вам сделать какую ни-на-есть отличку, то, говорят, главного-то, Прохор Митрич, не забудь, - напомнить, говорят, батюшке нашему, Петру Алексеевичу, чтобы не нудил нас на счет креста и бороды.

- Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня самага из головы не выходит, - сказал Прохор Митрич, и поехал к полкам.

- Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня с из головы не выходит, - сказал тоненьким голосом и Рыжечка, сел на лошадь, заломил на ухо шапку, да и поскакал за Прохором Митричем.

Тут все индо засмеялись:

- Куда тебе! пузырь! - кричать взад Рыжечке.

Но Рыжечка махнул рукою и удрал.

Рыжечка был маленький человек, точь-в-точь сам с ноготок, а борода с локоток. Оттого и прозвали его в шутку Рыжечкой, сиречь, грибок рыжик. Это имя так и осталось за ним на всю жизнь. А настоящее его прозвание

было Замаренов Егор Максимович.

Идут полки наши к городу Платаве, идут лугами, болотами идут они, топятся, к городу Платаве торопятся, точь в точь как в песне поется про поход к городу Азову. Да, идут полки наши к Платаве, а под Платавой, сударь мой, чудеса творят. Швед успел предупредить Петра Первого и застоил что на лучшие места шанцами да бутарями, поди ты толкуч что хочешь, а Швед успел предупредить, даром что неверный.

Ещё, сударь мой, так, должно быть, тому уж быть, - ещё, сударь мой, случилась тут казусная оказия: царю нашему сделали измену хохлацкой атаман, Мазепа, и предался с своими полками Шведу. От этого самого рати Шведской прибыло. А рати расейской убыло. Что тут станешь делать? Как ни шатай, как ни валяй, а приходится сказать: плохо!

Пётр Первый было и так, и сяк. А дело всё-таки выходит плохое. Как ни кинь, все выходит клин. Петр Первый собрал было енералушков и всех думчих своих сенаторушков, чтобы собча придумать что ни-на-есть к лучшему, чтобы как ни-на-есть не потерять свою армяношку и не дать Шведу над собою возвысится, а тут, сударь мой, как раз, так должно быть тому уж быть, - тут как раз прибегаёт от Шведа переговорщик: не угодно ли, дескать, кончить спор поединщиками?

Давай Бог! Это нам на руку. Пётр Первый рад был этому, по той самой причине, что ему жаль было губить понапрасну армию. А Швед делал это поневоле.

- Как так? - прервал я. - Ты же сказал, что рати Шведской прибыло...

- Оно так-то, так, да тут была одна заковырка, что нашему брату и разобрать мудрено, - сказал старик.

Король Шведский, изволишь ли знать, изверился у своих енералов и думчих сенаторов. Когда он собирался под Платаву, они не захотели давать ему ни армии, ни пушек, ни казны. Такой, вишь, обычай в неверных землях: там, говорят, цари-то служат зауряд, словно офицеры в башкирском войске. Поди да и пойми их там: народ дикий, несуразный. "Ты, говорят шведские енералы своему королю, ты и так много погубил армии, много казны поистратили, а все понапрасну. Где тебе, говорят, тягаться с Расеей: ведь она всем государствам голова. Оставь, говорят, лучше, и не затевай больше коловоротностей: нашему царству и без того жутко".

Но король Шведский был лукав: прикинулся мелким бесом, успел угворить, умастить своих думчих сенаторов; те сжалились над ним и дали ему армию, пушек и все прочее; однако взяли от него, по ихнему закону, запись, чтобы он, ни под каким видом, не смел вступать с Петром Первым в баталию, а решил спор поединщиками: а есть когда осмелится преступить эту заповедь, то не прогневайся, - с царства долой. "Лучше-де, говорят, две-три головы потерять, чем всю армию погубить".

Хоша и неверные они, эти шведские енералы и сенаторы, а рассудили - грех напрасно сказать; рассудили дельно, - добавил старик.

Стали готовиться к поединку. Швед знал, что без поединщика ему не обойтись, поэтому самому загодя еще приготовил какого-то силача, с собою, вишь, из-за моря вывез: ростом, сударь мой, чуть-чуть не с колоколню, а в плечах коса сажень. Поил-кормил его до отвала, нарочно, словно на убой, что ни лучшими явствами и питьями; а обрядили его, собаку, в кальчугу да в латы, так что и сам черт не добрался бы до его кожи. И конь под ним был не конь, а сущий слон, да и тот покрыт панцирной попонкой. Просто, сударь мой, на оказию!

Как появился этот уродина перед нашею армией, так все с диву упали. Думали, что это какая-нибудь башня на колесах, а не человек. Такой был этот поединщик пресстрашнейший, преогромнейший, что и сказать нельзя. На что уж агарянские поединщики, которых наши Иваны уколошили на Куликовом поле, на что уж говорю агарянские поединщики походили на индирика-зверя, но и те, сударь мой, в подметки этому не годились. Право слово.

Пётр Первый видит, что вся армяношка его струхнула, что найти такому чудовищу супротивника трудно; однако все-таки велел клич кликать: "нет ли де охотника?" Как же - сейчас и явились. Разослал царь по армии всех своих адъютантов, всех енералушков и всех думчих сенату-

Уральский казак

рошков; и все воротились ни с чем: нет охотников, да и на поди! Пётр Первый обратился к своей свите и спросил:

- Из вас, господа, нет ли кого?

Ни гугу! все молчат, да старший за младшего хоронятся.

Пётр Первый не вытерпел, сам поскакал по всем полкам своим и стал вызывать охотника, а охотников нет да нет. В это самое время, - так, сударь мой, должно быть тому уж быть, - в это самое время подошел Прохор Митрич с нашими казаками и стал подле крайнего армейского полка. Царь лишь только узрел наших, тое ж секунду подскакал к ним, рассказал, в чем дело, и кликнул:

- Нет ли охотника?

- Я охотник! - вскричал тоненьким голосом Рыжечка, и выскакал из фрунта.

Царь взглянул на него, покачал головой: - Мал!

Пётр Первый вдругорядь едет по полкам, вдругорядь кличет охотника, а охотника всё-таки нет. Сверстался с нашими полками и кличет: - Кто охотник?

- Я! - кричит Рыжечка, и выскакивает из фрунта.

Царь опять посмотрел на него, опять головой покачал, опять сказал: - Мал!

В третий раз царь объехал свою армейку, в раз царь остановился пред нашими полками, в третий раз кликнул:

- Кто охотник?

- Я! - закричал Рыжечка и вылетел из фрунта. Царь призадумался, посмотрел на Рыжечку, на шведского поединщика, покачал головой, всплеснул ручками, да и говорит своим приближенным, чуть-чуть не со слезами:

- Что буду делать? отказаться от поединка, вся Европа станет смеяться; пустить этого малыша (царь показал на Рыжечку), пустить этого - заранее пиши пропало!

Рыжечка тут стоит, слышит царские речи, да вдруг и говорит: - А Бог-то что? При помощи Божией Давид победил же Галифа.

Говорит так-то Рыжечка, а сам индо дрожит: яройское сердце, значит, в нем закипело. Царь пристально посмотрел на Рыжечку да и говорит:

- Храбрости-то в тебе, молодец, вижу, много, да силы-то, може мало: вот в чем беда! Ты взгляни хорошенько, супротив кого хочешь идти, - вон он разъезжает, а потом у же и скажи, надеешься ли победить.

А Рыжечка толкует себе одно: Давид, дескать победил же Галифа. Так от чего бы и ему, за молитвы святых отец, не победить этого супоста-та, - надеюсь, дескать, ваше царское величество. Только-де, говорит, позволю мне коня другого выбрать изо всех полков.

Нечего было делать, другого охотника нет; царь согласился и на Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины речи насчет Давида и Галифа. А насчет коня царь сказал, что дозволяет ему выбрать какого угодно, хоша бы и с царской конюшни. Но Рыжечка отказался от царского коня и сказал:

- Твои лошади, надежа-царь, для парада хороши, а для ратного дела, не прогневайся за слово, никуда не годятся.

То-еж секунду Рыжечка бросился к казачьему фрунту и выбрал лошадь у Калмычина. Стали переседлывать. В это время Рыжечка успел перешепнуться с Калмычином, о чем было нужно.

- Какой обычай у твоей лошади? - спросил Рыжечка.

- Знай сиди! - говорит Калмычинин. - Водам идёт, огнями идёт.

- Ещё?

- Вилка даёт. Бьешь правым нога - лева идет, бьешь левым нога - правым идет. Догадался?

Рыжечка только кивнул головой, вскочил на калмыцкую лошадь и выехал в поле.

Тут, сударь мой, встрепенулись и заколыхались обе армейки, и расейская и шведская. Распустили все свои знамечки. Заиграли на трубах, литаврах и на разных мусикийских органах. Потом все затихло: значит, бой скоро будет.

Рыжечка воткнул на пику шапку. Замахал над головой и подбегал к шведскому поединщику. Спрашивает его: на чем им биться, на копейцах ли булатных, иль на сабельках вострых? Швед замычал что-то на своем телячем языке и махнул рукой своим: вишь, он не понимал Рыжечку. И Рыжечка махнул рукой своим. Тое-ж секунду прискакали

к ним два енерала: один с нашей стороны, а другой с шведской. Потребовали толмача. Толмач выслушал Рыжечку и пересказал шведскому поединщику. А тот, уродина, оперся на копьё, оскалил зубы-то, да и говорит:

- По мне на чём хочешь! Хошь на кулаках, я на всё согласен.

Толмач пересказал Рыжечке. Тот обиделся и говорит:

- Коли жив будешь, приезжай к нам на Яик. Там, говорит, на кулачном бою можешь попробовать своими боками наши кулаки; а здесь, говорит, не угодно-ли померится вот этим?

Тут Рыжечка потряс своим копейцем. Опять вернулся к казачьему фрунту и переменялся с одним казаком пиками. Рыжечку спросили енералы, зачем переменял копьё, а Рыжечка сказал: - Так надо!

Рыжечка и на переговоры-то к шведу ездил с подвохом, не спроста. Сказано, Швед был весь в железе, и рожа-то у бестии завешена была железною решеткой. Однако и Рыжечка был не промах. Покуда перегабаривались, он успел осмотреть супротивника своего со всех сторон. На башке у Шведа была стальная шлычка, а по щекам и по затылку спускались железные дощечки; задняя-то дощечка немного оттарлычилась, а это Рыжечке и на руку. Он тотчас смекнул, что тут, не говоря худого слова, можно запустить пику. А как у Рыжечки пика была толстовата, дупестовата, то он и отдал ее казаку, а у него взял потоньше. Значит, Рыжечка был себе на уме. Ладно.

Перед началом боя Рыжечка, как подобает христианину и воюну, слез с коня, воткнул в землю пику, повесил на неё образ Михаила Святителя, положил семь земных поклонов и раскланялся на все четыре стороны. Потом, сударь мой, оборотился лицом к востоку, сиречь в ту сторону, где наш родной Яикушка, да и говорит:

- И вы, братцы-товарищи, старики наши старожилые, и все общество наше почтенное! Помолитесь, чтобы Господь Бог соблаговолил!

Это уж он говорил заочно к тем, что на Яике остались.

- Вишь, - присовокупил старик, - вишь, как старье казаки жили друг с другом: нигде друг друга не забывали. Поэтому им ко всем Господь Бог помогал.

Затем Рыжечка посбросал с себя всю одежду, остался в одних шароварах да в кармазинной безрукавной фуфайке. Шапка, на что уж шапка, он и ту бросил, и перевязал голову барсовым платком. Рукава у рубахи за-сучил по-локти. Перетянулся шелковым поясом, за пояс заткнул длинный хивинский нож, а в руки взял копейцо.

Вспрыгнул на лошадь, оправился на сидельце; напоследок перекрестился и крикнул: "Держайте, люди: яко с нами Бог!" - да и полетел на супротивника, точь-в-точь как маленький ястреб на орла заморского, точь-в-точь как в ветхозаветное время Давид на Галифа, сиречь Галейку, Татарина, - всё едино.

И Галиф помчался на Рыжечку, оставил протяв него копыще с доброю жердь.

Рыжечка лишь только подскочил к Галифу, сей же миг дал вилка в право: Галиф, словно бык-дурак, пронёсся мимо. Рыжечка обернулся, да как дадыкнет его копейцом в затылок, где дощечка-то от шлычки оттарлычилась - Галиф и покотился с лошади кубарем.

Рыжечка в един миг спрыгнул с своего коня, как клещ, на плечи Галифа и отлипал ему ножом голову. Знай наших! Вперед дуракам наука: не хвались, идучи на бой, хвались - идучи с боя!

Тут армия наша возрадовалась, зашумела, словно волна морская заходила и "ура!" закричала. А шведская армия, знамо дело, приуныла, затихла, харунки свои к земле преклонила, словно голубушка, несолоно хлебала. Только один король шведский заклянчил, сударь мой; такой беспокойник был. Не хочет верить, кричит:

- Подвох! подвох! Русак сзади ударил нашего! Подвох!...

А енералы и сенаторы его и говорят ему:

- Что, что сзади? У нашего и сзади был панцырь. Нечего на зеркало пенять, коли рожа коса. Не кланчай, король. Эй, лучше будет, покорись.

А король и слышать не хочет, ревет в выставочный голос, словно кто с него шкуру дерёт, рвёт на себе волосы, словно сумашедший, мечется во все стороны, словно угорелый, кричит: "пали!" а его никто не слушает. Сам побежал на

Казак и калмык

главную свою бутарю, вырвал у кононера фитиль, приставил к пушке и открыл по нашей армии огонь.

Тут уж и нашего царя взяло за ретивое. Подал он своим енералушкам знак к бою, да и скомандировал:

- Катай! Без бардона катай! На занимающего Бог.

Вот тут, сударь мой, наша армеюшка и пошла чесать швед-

скую, - и пошла, и пошла чесать! Дым коромыслом стал! Всю, сударь мой, лоском положили! Хошь один ли на одного, стена ли на стену идет - всё равно, лиха беда толь одному кому иля одной какой стороне струсить; а так смело говоря: пропал. Так было и со шведскою армиею. Сперво-начально она оченно храбрилась, голову оченно высоко поднимала, а как ярый наш Егор Максимыч Замаренов, сиреч Рыжечка, сверзил ихнего великана и отлипал ему голову, так что толковать, у шведской армии душа в пятки.

Ну, нашей армии это и на руку.

Пошабашила она армеюшку короля шведскаго, словно пить дала. А король шведский, сам-друг с изменником Мазепою, еле-еле удрал в Турскую землю. Там, говорят, оба они с Мазепою, в кабалу пошли к Турку; там, говорят, и пропали. Туда, значит, дорога...

А главная статья в этом деле, что там ни толкуй, всё-таки ярый наш Рыжечка: он, значит, сделал первый начин; от его, значит, молодецкой руки пал Галиф, от его лыцарскаго подвига в страх-ужас пришла шведская армия.

Лишь немного поуспокоилось, Рыжечка и явился к Петру Первому с головою Галифа на копье. Царь во слезах-то с радости, значит, - царь во слезах-то не видит его и спрашивает приближенных:

- А где наш мальш? Где бесценный Рыжечка?

- Здесь! - пищит Рыжечка.

- А, голубчик мой! Сокровище моё! - говорит царь и целует Рыжечку в голову.

Рыжечка поцеловал ручку у царя.

Когда совсем поуспокоилось, царь позвал Рыжечку в свою палатку и при всех енералах и сенаторах, при всех иных земель посланниках, спрашивает его:

- Чем тебя, друже мой, дарить жаловать? Говори! Ничего не пожалею.

Рыжечка поклонился царю и говорит:

- Мне, надежа-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли на то милость твоя, пожалуй наше общество.

Царь спрашивает: - Чем? Говори.

Рыжечка говорит:

- От предков твоих, благоверных царей, мы жалованы рекой Яиком, с рыбными ловлями, санными покосами, лесными порубами; а владына у нас на то пропала. Пожалуй нам, надежа-царь, за своею высокою рукой другую "владену" на Яик-реку.

- С великою радостью! - говорит царь. - Секлетарь, бери перо, бумагу и ваяй от меня Яицким казакам "владену" на Яик реку; со всеми сущими при ней речками и проточками, со всеми угодыями, на веки вечные!

Секлетарь написал.

Царь говорит Рыжечке: - Этого мало. Ещё что? Проси!

Рыжечка говорит:

- Ещё, надежа-царь, пожалуй, коли милость твоя, пожа-луй нас "крестом да бородою".

Царь говорит: - Для кого нет, а для Яицких казаков есть! Секретарь, пиши во владенной, что я жалую Яицких казаков крестом и бородою на веки вечные, чтоб им насчёт креста и бороды быть невредимым.

Секлетарь написал.

- Будто? - спросил я.

- Не будто, а на самом деле было так, - сказал старик таким тоном, который не допускал никаких сомнений. - Есть когда-б мы не были жалованы крестом и бородою, то давно бы начальство, с позволения сказать, наш брат, скосило нам бороды; а мы, видишь, по милости Божией да царской, не лишены еще "отечества". Посмотри на иных прочих казаков, примерно на донских, оренбургских: всем им оскобили рыла-то, а наши целы. Значит, правда, что говорю!..

Рыжечка на гербе Уральского Войска

От редакции

Дошедшая до нас история казачества складывалась не только из летописных сводов или более поздних официальных документов, но и из живых народных преданий. Особенно много последних было записано во второй половине 19 века, когда проявился значительный интерес к этому жанру среди исследователей русской истории и устного народного творчества.

Особенно интересны в этом смысле предания, записанные на Яике-Урале - и не оттого лишь, что яицкие казаки, в подавляющем большинстве старообрядцы, всегда жили особым миром, отличным по своему укладу и традициям даже от соседних казачьих войск. Передаваемые ими устно предания содержали в себе не просто сведения о представлявшихся важными для казаков исторических эпизодах, но ещё и их собственное представление о "справедливом" месте Войска в стране, его "исконных" правах. И, значит, нередко служили моральным оправданием выступлений казаков против государственной власти и подрывавших вековые устои жизни новаций.

Яркий пример тому - приведённые в книге одного из первых уральских историков **И.И. Железнова** "**Уральцы - очерки быта Уральских казаков**" и связанные одно с другим предания: о царской "владенной грамоте" - как царь жалует казаков за их героические военные дела Яиком - "*с вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами*" ("Три Ивана"), и о казаке Рыжечке - как за подвиг казака в Полтавском сражении эти прежние права из утерянной грамоты были Петром I не только подтверждены, но и существенно дополнены - особенно важным для уральцев правом свободно исповедовать "старую веру" и носить бороды.

Тому, что бытовавшие среди казаков предания оказывали существенное влияние на их взаимоотношения с центральной властью, свидетельств много. Вот лишь два из них, напрямую связанные с вышеуказанными историями про "владенные грамоты".

В 1772 году восставшие яицкие казаки ссылались на якобы существовавшую старинную грамоту, утверждавшую их право на самоуправление. В царском указе будто бы содержалось даже обещание, "*чтоб никогда в их Яицком городке не только генералов, но и шляпы солдатской не было*".

В 1874 году введение нового Положения о службе тоже привело к массовым волнениям уральских казаков. Одним из оснований для протестов были слухи о царской "владенной грамоте" на Яик, будто бы оговаривавшей "на веки вечные" все их исконные права. Эта грамота могла служить законным основанием для отмены всех несправедливых, по мнению казаков, изменений в порядке их жизни и службы. "Владенная" та, якобы, "*была спасена во время пожара дьяконом Архангело-Михайловского собора, где будто она хранилась; что этот дьякон, умирая, передал ее другому, обязав под клятвою не казать никому, кроме самого государя, и притом непосредственно; что "владенная" эта хранится в особом чугунном футляре, зарытом в землю...*"

Герой целого ряда преданий "О казаке Рыжечке" был для нескольких поколений уральцев символом удали и преданности казачьим ценностям. При этом в основе народной легенды лежали и вполне конкретная личность - прославившийся своими ратными делами казак **Егор Максимович Замаренов** (прозвище своё он получил за цвет волос и небольшой рост - как у гриба-рыжика), так и, вполне возможно, некие реальные исторические факты русско-шведской войны.

В работе "Времена русских богатырей" исследователь Лев Прозоров пишет:

"Очень показательна судьба преданий о Полтавской битве, записанных в XIX веке, то есть как раз полтора-два столетия спустя. В одном из них судьба "Платавской" батальи решается поединком казака Рыжечки со шведским поединщиком - великаном, закованным вместе с конём в железные латы. Это предание записано от грамотного и даже начитанного, судя по всему, казака.

Самое занятное, что в Северной войне и впрямь был схожий эпизод, когда защитники одной из шведских крепостей

И. Железнов

в Прибалтике попытались сделать вылазку в прадедовских стальных латах. Увы, отсутствие привычки к тяжести доспехов сделало шведов неповоротливыми, к тому же шведы нового времени оказались крупнее своих средневековых предков. Доспехи и жали им, и оставляли открытые места, в результате чего горе-«рыцари» были частью переколоты на месте русскими штыками, частью взяты в плен...»

Помнившие подвиг Рыжечки уральские казаки на свои средства установили ему памятник из бронзы - на центральной площади Уралья, напротив здания Войскового правления. Для них это был, конечно, не просто памятник герою, но и напоминание о былой казачьей важности и традициях. И не случайно сразу после установления на Урале советской власти, в середине 20-х годов памятник Рыжечке убрали.

На опустевшем месте, кстати, решила новая власть поста-

вить своего заглавного идола. Говорят, он был похож на Рыжечку (поговаривали, что только бороду укоротили да кафтан, шаровары заузили, и заместо шапки - фуражка). Стоял «вождь мирового пролетариата» на выкрашенном в голубой цвет земном шаре. Потом его заменили (ввиду ли продолжающихся слухов, крайне ли невысокой художественной ценности) на новый памятник, перед зданием обкома партии. Но и тут вышла незадача - то «ильичу» одну руку поднимают (и тогда он на храм указывает), то другую (ещё лучше - на вокзал), народ же всё потешается...

А «вождя на шаре» убрали подальше - во двор мясокомбината. Впрочем, это уже совсем почти другая история... «Истинный же Рыжечка», - как сказано на страничке сайта «Русское Воскресение», - давно забыт, как забыты крест, борода и свой обычай на всей Великой Руси...»

Г. К.

К а з а к и и з я м щ и к о в

Сегодня в центральном регионе России существует целый ряд казачьих обществ, одно из которых даже гордо именуется себя «Центральным казачьим войском». Состоят в них, в основном, выходцы из традиционных казачьих областей. Между тем некоторые из представителей этих казачьих обществ могут, как это не покажется странным, тем не менее по праву причислять себя к потомкам здешних коренных казаков!

Чтобы понять, о чём идёт речь, обратимся к истории России конца XVIII века.

Во время русско-шведской войны 1788-92 годов Россия оказалась в сложном положении: её главные силы были задействованы против Турции, шведы угрожали Санкт-Петербургу, враждебность проявляли Пруссия, Голландия, Англия. Необходимо было срочно подготовить новые русские соединения.

Генерал Салтыков нашёл выход: уже через три месяца после начала войны, 7 октября 1788 г., был сформирован **Ямской казачий полк** - из ямщиков, обслуживавших коммуникации в Московской, Тверской, Новгородской, Псковской, Ярославской, Вологодской и Костромской губерниях. В срочном порядке они прошли боевую подготовку и были направлены на границу с Финляндией - для прикрытия столицы от шведов. Каждому выплачивалось немалое ежемесячное жалование, было выдано оружие, обмундирование и провиант, но в бой ямщики шли, как и природные казаки, на своих конях.

Казаки-ямщики, часто действуя вместе с донскими и оренбургскими казаками, отбили неоднократные попытки врага приблизиться по суше к Санкт-Петербургу и перешли к активным наступательным действиям. Казаки природные сначала смеялись над невесть откуда взявшимися «ямскими», но последние не раз примерами мужества доказывали право именоваться казаками.

По окончании боевых действий Императрица Екатерина II оставила полк на службе, наградив казаков-ямщиков за безупречную службу. Они были удостоены не только боевых наград, но и получили денежные компенсации за потерянных коней, пенсии увечным воинам.

При Павле I в Русской армии внедрялись прусские порядки: увольнялись лучшие полководцы, расформировывались лучшие войсковые части. Не избежал подобной участи и Ямской казачий полк: 19 декабря 1797 года он был расформирован. Вернувшись домой, ямщики приступили к прежним занятиям мирной жизни.

Однако уже скоро властям пришлось вспомнить успешный опыт создания казачьих частей в центре России. В 1812 году Наполеон вторгся в Россию, уступавшей на тот момент французам и в численности, и в боевом опыте армии. Император Александр I обратился за помощью к дворянству, разослав по всем губерниям страны манифест о сборе внутри государства ополчения. Таким образом, во многих губерниях России стали формироваться собственные военные силы, носящие наименования ополчен-

цев, ратников, егерей и, в том числе, казаков.

Тверской губернатор принц Ольденбургский предписал выставить от 25-ти жителей губернии по одному воину. В результате на средства тверского дворянства были выставлены 1 конный и 5 пеших казачьих полков.

Тверской конно-казачий полк насчитывал 665 казаков (с офицерами, писарями, урядниками) - многие из них - как те же казаки-ямщики - и прежде участвовали в войнах, которые вела Россия в конце XVIII - начале XIX веков. Пешие казачьи полки Тверской губернии имели общую численность 12636 человек, набранных, в основном, из дворовых (несвободных) людей.

В «Положения о составе тверской военной силы» говорится, что высшие офицеры за службу денег не получают, так как занимают должности «из усердия к Отечеству».

Размер других чинов колебался от 30 руб. в месяц (для сотников) до 1 руб. (для рядовых). Урядниками или унтер-офицерами полков стали старослужащие, «проживавшие в уездах по отставке».

В таком виде тверские казаки в конце августа 1812 года двинулись на защиту Москвы. Прибыв в Клин, ополчение получило приказ ждать новых распоряжений. Когда Наполеон занял Москву, пешие ополченцы, плохо подготовленные и не имевшие хорошего оружия, были возвращены в Тверь и Торжок, для несения караульную службу.

Конно-казачий полк использовался вместе с другими конными полками при оцеплении Москвы. Его казаки нанесли противнику урон до одной тысячи человек, захватив большое количество обозов, участвовали в налетах на тыловые и передовые части врага, бок о бок с донцами.

Тем временем и пешие казаки, пройдя подготовку и получив ружья, в начале ноября через Ржев и Белый были направлены к Смоленску и Витебску, где до конца января 1813 года охраняли французских пленных.

В отличие от пеших казаков, Ямской Тверской казачий полк участвовал во многих известных сражениях 1813-14 годов, в том числе в заграничном походе. Документы свидетельствуют о мужестве тверских казаков, обращавших в бегство врага бешеными конными атаками (вооружённых порой весьма своеобразными пиками - палками с гвоздями).

После объявленного в 1814 году Высочайшего повеления о роспуске собранного в 1812 году ополчения пешие тверские казаки были возвращены к своим помещикам. А вскоре за этим был распущен и конный Ямской Тверской казачий полк.

Казаков полка, потерявших в боях лошадей, вознаградили деньгами, на которые они смогли купить себе новых, а получившим во время службы увечья выплачивалась пожизненная пенсия.

С. Балмасов

Егерь и казаки
Тверского ополчения

Рязанские казаки и казак
Московского ополчения

В этом номере журнала мы продолжаем знакомить читателей с воспоминаниями командира одной из бригад Кавказского линейного казачьего войска Аполлона Шпаковского (опубликованными в номерах журнала "Военный сборник" за 1870-72 гг.) о его службе на Кубани в 40-х годах XIX века. Кроме того, далее мы вновь представляем несколько очерков на ту же тему из "Сборника материалов по истории и этнографии Терского войска", подготовленного бывшим атаманом Пятигорского отдела ТКВ генералом Людомиром Ржевусским.

Из воспоминаний А. Шпаковского "Записки старого казака"

Четырнадцатилетний казачёнок Васютка Скляр, сын войскового старшины (теперь уже сам есаул, как недавно случайно я прочёл в высочайших приказах), при водворении станицы Урупской был послан отцом с драбантом на двух парах волов за нарубленным лесом для постройки (драбант - это казак-денщик; драбанты поступали по взаимному соглашению и им за каждый год драбантства давалось два года льготы от всякой службы; откуда явилось это название, надо искать у старого казачества).

Близость леса, и, по-видимому, тишина на новой линии, да наше неизменное "авось сойдёт", нашедшее место и на Лабе, были причиной чуть было не потери стариком сына, не говоря уже о быках.

Драбант принялся с парой волов за тягу брёвен, а Васютка с гармоникой уселся у повозок, поставленных на полянке - и так углубился в свои импровизации, что заметил только тогда с десятков горцев, окруживших его, когда двое из них принялись вязать ему руки назад...

О сопротивлении и подумать было некогда. Пришлось хлопцу с парой волов разделить одну долю и идти на поводку, как на налыгач...

Так они прошли с утра до заката вверх по Урупскому лесу до Тегеня. Утомленный, голодный мальчуган уже падал от усталости, но не терял бодрости духа и казацкой отваги.

Остановились горцы на роздых, развели огонь, считая себя вполне безопасными от преследования. Принялись за чурек и жареное просо (горцы, отправляясь в набег и на поживу, большей частью брали с собой для пищи жареное просо в бараньем курдючном сале - до того солёное, что довольно его было горсти, чтобы только пить, а есть уже не захочешь; вообще воздержность черкесов изумительна, и редко кто перенесёт так терпеливо голод; зато, когда предстоял случай поесть, так тоже немногие посостязаются с ними). Угостили и пленника, развязав ему руки.

Гармоника занимала горцев, даже во время пути, несмотря на то, что могла их выдать. Но нестройные её звуки в непривычной руке только раздражали дикарей. И вот они на привале взылись за гармонику, а всё складу и ладу нет, даже для их негармонического уха. Не выдержал артист Васютка, схватил гармонику, и лезгинка стройно и звучно огласила ночную тишь и глушь леса. Не выдержали горцы звуков нового Орфея - и принялись выплясывать... А Васютка, хотя и увлёкся своей музыкальной страстью, но смутная мысль уже бродила о свободе, и молодая голова работала о плане побега.

Далеко за полночь Васютка потешал своим искусством,

С м е к а л к а

то наигрывая всевозможные знакомые ему плясовые песни (не исключая и комаринской, которая крепко пришлась по вкусу горцев), то аккомпанируя чистому и звучному голосу, напевав родимой Малороссии, или повторая бессмысленные импровизации горского пения (вообще у горцев почти нет своих народных песен; они поют какую-то бессвязную импровизацию, составляемую из видимых и окружающих предметов, например: "ты, добрый господин, подаришь мне деньги; день сегодня светлый, конь твой вороной..." и проч. - одним словом, причитают всё, что попадёт на глаза или взбредёт на мысль); то передразнивая армян и грузин, коверкая слова, как они говорят по-горски или по-русски. Эта потеха привела горцев в такой восторг, в такое весёлое настроение духа, что они с Васюткой обращались уже как с приятелем, угощая его всем, что только было у них лучшего в запасе...

В засаде

Такая гармония от "гармонии" и от таланта Васютки породила между ним и горцами полное доверие. Наделили они его и лаской, и добрым словом. Наконец, утомлённые пляской и нахохотавшись до судорог, всё ещё под влиянием весёлого разгула, заснули, не связав пленника. Этого-то и было нужно Васютке... Притворился он крепко спящим, а сам полуоткрытыми глазами зорко следил за караульным у костра, сидевшим к нему спиной. Улучив время, он ловко вынул кинжал из ножен у сильно храпавшего бейгуша (т.е. бедняка), ужакой подполз к караульному и, поднявшись за ним на колена, с размаха всадил по рукоятке кинжал. Удар был так ловко нанесён, что горец, не пикнув, упал лицом в огонь.

Обобрал осторожно Васютка то оружие, какое только можно было взять у крепко спавших и, вооружённый с ног до головы, осторожно пробрался в лесную чащу... На другой день к вечеру Васютка был дома со своей дорогой гармоникой и трофеями ловкой смекалки. Обрадовался старик-батко возвращению любимого сына и задал пирушку, на которой "расходився старый", по казачьему завету!..

В это время дивная панорама поражает невольно взор каждого со "сторожевого кургана", и все видимые предметы принимают гигантские размеры, обманывая зрение; будто что-то таинственное звучит в воздухе, поражая ухо. Но не любуется запоздалый путник дивной картиной... Суеверный страх невольно западает в душу при взгляде на таинственного стража долины. Будь-то горец или казак, он невольно сдерживает коня, чутко настожившего ухо, с каждым шагом близясь к нему по пролегающей у подошвы его дороге, вьющейся змеей, между кустов шиповника и дикой розы, бросает взор тревожно кругом, как бы готовясь пустить лететь лихого скакуна от неведомой страшной напасти. Ещё тревожнее забьётся сердце непривычным страхом, поравнявшись с курганом: рука невольно хватается за оружие, а конь, как бы чуя недоброе, рвётся на поводах, ускоряя торопливый неровный шаг...

Предание о грозном всаднике сторожевого кургана, перешедшее от горцев к казакам, гласит, что здесь было совершено страшное убийство, и что тень убитого изме-

Ж и в о й п р и з р а к

Между станицами Баталпашинской и Суворовской (Хоперские казаки первоначально заняли земли в окрестностях Ставропольской крепости - ныне губернский город - но часть их генералом Суворовым, впоследствии знаменитым фельдмаршалом, князем Итальянским, переселены по правой стороне реки Кубани, и станица Суворовская 5-й хоперской бригады названа по имени своего знаменитого основателя), на покато́й местности высится одинокий курган - как сторожевой часовой над привольной роскошной долиной, стелющейся богатым ковром кругом на десятки верст. На дальнем горизонте, на восток в безоблачном небе сияют Бешту и Машук (Бешту, или Бештау - "пять голов", и Машука - самые большие горы из пяти гор, окружающих Кавказские минеральные воды, Пятигорск, Железноводск, Эсентуки и Кисловодск), дымясь густым туманом - вестником непогоды, тогда так заходившее солнце золотит вершины юго-западного склона снежного хребта, идущего от Эльбруса к Чёрному морю.

ной аталыка с закатом солнца появляется на вершине кургана (у азиатцев вообще есть древний обычай - детей почти со дня рождения отдавать на воспитание другу, жена которого делается, таким образом, кормилицей и воспитательницей ребенка, т.е. аталычкой. Аталык же, по возврате своего питомца, даёт ему уже окончательное воспитание, учит наездничеству, плутовству на все руки, как высший курс образования - и это родство, молочное, уважается как святыня, нередко считается если не выше, то равно кровному). В белой одежде, на белом коне, съезжая на встречу путника, она равняется с ним и скачет, дует страшным вихрем в лицо и в уши коня - до тех пор, пока оба, обезумев, изнеможенные, не падают без чувств или умирают со страха. Едва же первые лучи востока золотили вершину кургана, страшный всадник бросал свою жертву, опять появлялся на вершине его и, вперив огненный взор к Карачаевским горам, исчезал, уходя в недра земли.

Пользуясь этим преданием и суеверным страхом горцев, передающих из рода в род все чудное и таинственное о местностях, как обычный завет, урядник Суворовской станицы, Переверзев, лет около пятидесяти назад, не только спас свою жизнь, но и разогнал партию хищников, являясь живым призраком сторожевого кургана.

Служебная надобность призывала Переверзева в Баталпашинск. Дорогой он наехал на стаю диких коз и, страстный охотник, забыв всё, увлекся преследованием их. Охота была удачна. Утомясь сам и загоняв до изнеможения коня, он остановился отдохнуть и покормить боевого товарища в кустах на кургане, рассчитывая ещё далеко до заката быть в станице.

Пустив стреноженного коня, он прилёг, не думая уснуть; но предатель-сон овладел утомлённым охотником, и он проснулся, когда уже перегорала заря позади синешшего леса за Кубанью. Невольный страх овладел душой старого казака при воспоминании о всаднике-мертвце. Торопливо взнуздав коня, он повёл его с кургана, осматривая тревожно окрестность, и уже спустился до половины, как неожиданно появившиеся на горизонте высокого берега Кубани движущиеся точки, быстро приближавшиеся, то соединялись в кучу, то рассыпались, а между тем росли, освещаемые последним проблеском закатившегося солнца. Вот уже и простым глазом казак различает всадников, едущих крупной рысью. Казакам в это время и по этому направлению ехать незачем...

Опытный хоперец, замаскированный кустами, поднялся на самое почти темя кургана, зорко следя за приближающимися врагом.

Партия горцев, человек пятнадцать, не доезжая с версту до кургана, поехала шагом, громко перебрасываясь словами. Думал было хлопцев отсидеться невидимкой в кустах, да, увидев татарву, казачья кровь заговорила, закипела ключом. А тут недавно испытанный самим страх при одном воспоминании о мертвце, да старая услужливая память о предании поджигали попытать счастья - продебютировать в роли живого призрака сторожевого кургана.

Случай же, как нарочно, ухитрился прислужить. Переверзев был в белой черкеске, в белой папахе и на белом коне. Едва успела мелькнуть эта блаженная мысль, она уже была в ходу. Быстро вскочив на коня, он медленно поднялся на самую вершину, и, озарённый последним проблеском зари, казался исполином.

Горцы, занятые жарким спором, казалось, забыли о страшном месте. Но у одного из них споткнулся конь и, спохватясь, шархнул в сторону с дороги. Глаза всех невольно обратились на курган с его колоссальным всадником. Предание ожило в памяти; страх сковал рассудок горцев и они, поворотя коней, пустились обратно вскачь от грозного видения.

Переверзев, видя такой удачный успех своей проделки, с оглушительным гиком, как ураган, слетел с кургана и погнался за оторопевшими джигитами, с шашкой над головой и винтовкой на погоне левой руки. Нагнав первого горца, он на скаку хватил его с плеча шашкой. Отчаянный предсмертный вопль несчастного суевера слился с гиком живого мертвеца и окончательно поразил паническим ужасом ошеломлённых хищников - они без оглядки неслись к Кубани...

Ещё восьмерых изрубил удалой урядник, а горцы, видя обгонявших их испуганных коней убитых, пуще гнали своих, пока не бросились с кручи в Кубань. На плыву ранив из винтовки горца, Переверзев снял шапку, набожно осенил себя крестом и шагом поехал на ближайший пост. Рассказав там свою "оказию", он и несколько товарищей переловили лошадей убитых и на утро притащили в станицу их тела.

Подвиг Переверзева был доведен до сведения командующего войсками, генерала-от-кавалерии Эмануеля, и храбрый урядник был награждён знаком отличия военного ордена Св. Георгия.

Горцы, спасшиеся благодаря силе и крепости своих коней, в ужасе рассказывали по аулам о страшной гибели своих товарищей, поражённых рукою мертвеца сторожевого кургана. Страх окрылил воображение и создал действительность: старое предание ожило, украшенное вдобавок азиатским хвастливым рассказом, со всеми прикрасами чудесного и сверхъестественного - и никто, ничто не могло переуверить и одолеть суеверие горцев.

Прошло с тех пор около полувека. Но запоздалый горец, да, пожалуй, и иной казак, близясь к кургану, невольно робеет и гонит коня, озираясь кругом, пока скроется за горизонт страшный свидетель легендарного преступления - сторожевой курган.

Несколько раз приходилось и мне делать поездки днём и ночью мимо кургана. В одну из них случайно был моим попутчиком старик, как лунь седой отставной урядник Переверзев. Он-то мне рассказал все подробности, здесь переданные, в подтверждение которых есть в архиве хоперской бригады подробное донесение об этом происшествии.

Сотник Фисенко

Если отдаётся дань уважения геройским подвигами, совершённым линейцами в долгой период войны с горцами, то не менее мы должны почтить и память павших со славою товарищей в неравном бою, и хотя не одержавших победы, но не посрамивших русского оружия и славы казачества.

Ещё до занятия Зеленчугской линии, начинавшейся от Кубани близ станицы Баталпашинской (5-й хоперской бригады), к верховьям большого Зеленчуга, за Кубанью, были два поста: большой и малый Зеленчугские. Если и самая линия во время её цветущего существования, до укрепления Надеждинского, была слишком слабым оплотом от вторжения за Кубань горцев, то два незначительных поста и вовсе не ограждали верховья Кубанской линии - а середина и конец её не прикрывались ещё тогда Лабинской линией, имевшей в 1837 году, в проезд военного министра графа Чернышова, лишь несколько постов

(Орлов пост в 16-ти верстах от крепости Прочный Окоп, на реке Урупе; в 48-ми верстах - пост Вознесенский, и в 50-ти верстах - пост Чамлыкский, оба на реке Чамлыке, и самый крайний, на реке Окарте, в 20-ти верстах от Вознесенского).

Так слабо прикрытая Кубань имела незначительные посты и редуты, а между ними и за ними были расположены станицы и селения. Пользуясь этим, горцы делали набег не только мелкими партиями, но и в больших сборищах. То было время безнаказанности за грабежи и разбой - но, вместе, и их лебединой песни.

Быстрое и толковое занятие Лабинской линии, о котором я уже рассказывал в начале моих записок, и обращение казённых крестьян в казачье сословие положили предел хищничеству и послужили твёрдым краеугольным кам-

нем к покорению правого фланга.

Этот небольшой пролог прольет свет на геройский, но несчастный подвиг, совершенный более чем за пятьдесят лет полковым сотником Фисенко с храбрыми хоперцами.

Партия хищников, в числе от 30-40 всадников, перед закатом солнца появилась и маячила за Кубанью. Начальник промежуточного поста (Промежуточный пост был в 12 верстах, близ Кубани, от станицы Баталпашинской), сотник Фисенко, завидев с вышки неприятеля, оставил на посту только необходимое число казаков-часовых, а сам, с полусотней, переправился за реку и быстро бросился преследовать горцев, не дав знать смежным пунктам. Эта отвага и погубила его.

Горцы, зная отчаянную храбрость и запальчивость Фисенко, с которым не раз приходилось им иметь схватки, придумали верное средство избавиться от него навсегда. Партия, то быстро уходя от него, то приостанавливаясь и, как будто не решаясь на бой, снова уходила: такими маневрами она завлекала всё далее и далее от Кубани разгорячившихся преследованием казаков.

Казаки, уже не рассчитывавшие на помощь с линии, были уверены в своей силе и верной победе; но лишь только они поравнялись с зеленчукскими высотами, ничего не замечая на пересечённой местности, покрытой кустами, высокой травой и камышом, как были отхвачены от Кубани огромным скопищем горцев, притаившихся в засаде.

Окружённые со всех сторон выросшими будто из земли горцами, хоперцы твердо решились предпочесть честную смерть в бою позорному плену. Спешась, они побатовали коней и из-за них отстреливались, посылая смерть за смерть товарищей. Но ряды их с каждым залпом перекрёстного огня горцев редели. Вот уже их менее

половины; кони побиты или поранены, а надежды на спасение никакой...

Бравый Фисенко не потерялся: сделав последний залп из винтовок, с шашкой в одной и с пистолетом или с кинжалом в другой, все бросились напролом - и пошла резня... Масса задавила и осилила последний отчаянный натиск этих достойных памяти молодцов; но ни один из них, даже израненный, не был трофеем горцев, дорого заплативших за своё торжество.

Двое только казаков, пораненные пулями, один из них с порубленной шеей, чудом сохранившиеся среди трупов товарищей, по уходе горцев, придя на заре в память, дотащились до Зеленчукского поста и рассказали о гибели товарищей.

Сотник Фисенко и в предсмертный час не изменил девизу своего хорасанского кинжала, гласившего "без нужды не вынимай, со стыдом не вкладывай" (кинжал покойного достойный сын его, есаул Фисенко, добывши от горцев, мне показывал, как фамильную святыню - это был превосходный хорасанский клинок и на нём славянскими буквами вычеканено золотом с одной стороны имя и фамилия покойного, с другой надпись: "без нужды не вынимай, со стыдом не вкладывай", правило далеко небесмысленное и свойственное честной и нехвастливой натуре доброго казака).

Он пал геройски. Самые горцы, далеко не охотники прославлять подвиги врагов своих, ещё в моё время с уважением вспоминали имя лихого сотника и его хоперцев.

А. Шпаковский

На вышке

Л. Ржевусский :

“Сборник материалов по истории и этнографии Терского войска”

После неудачного вторжения Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года, на левом фланге все ожидали какую-нибудь новую наступательную попытку со стороны предприимчивого имама. Но, вплоть до 20-х чисел мая, спокойствие не нарушалось и враждебные действия ограничивались лишь отбитием друг у друга нескольких партий рогатого скота. В половине мая дано было знать, что 22-го числа Шамиль ожидает в Шали. Ожидание это основывали на том, что он послал наи-

бам записку, адресованную “моим братьям Атабаю, Санбдуле, Дубе и Талгику”.

Записка была следующего содержания: “Желаю Вам мира и предписываю собрать всех конных всадников к будущему четвергу в долину Шали. Вы должны быть с партиями там до моего прибытия. Если Бог позволит, то я буду в Шали в тот же день”.

Трудно было узнать замыслы Шамиля, но было очевидно, что в уме его созрел один из его честолюбивых завоевательных планов. Лазутчики уверяли, что он намерен был послать наиба Нур-Али с значительной партией к Камбилеевке - с целью привлечь туда войска, расположенные во Владикавказском округе, рассчитывая самому с главным скопищем броситься на Старый-Юрт, чтобы удержать войска Фрейтага, а в то же время беглого кабардинца князя Магому-Мирзу-Анзорова с конной партией двинуть в малую Кабарду.

“Сусловское дело”

Горцы в походе

и направилась на Мичик, где чеченцы должны были соединиться с конными ичкеринцами, ауховцами и салаватцами.

Получив эти сведения, Фрейтаг отдал приказание командиру Гребенского казачьего полка подполковнику Суслову собрать сколько возможно казаков в Амир-Аджи-Юрт, а подполковнику Меллер-Закомельскому - выступить из Грозной с двумя батальонами пехоты и следовать через Старый-Юрт в Умахан-Юрт, с тем, что если бы Меллер-Закомельский узнал, что партия спустилась на Кумыкскую плоскость, то немедленно двинуться на Кара-су, присоединив к себе казаков Суслова.

Получив предписание командовавшего войсками левого фланга, Суслов, собрав казаков, направился к указанному ему пункту. Но, придя в Амир-Аджи-Юрт, узнал, что неприятельское скопище вернулось обратно мимо этого аула и потянулось к Качкалыковскому хребту, прикрывая до 400 арб переселявшихся жителей Акбулат-Юрта - аула, находившегося на правом берегу Терека, против Шелкозаводской станицы, на прямом сообщении линии с кумыкскою плоскостью. Рассчитывая на скорое прибытие подкрепления, а именно Меллера-Закомельского с его войсками, Суслов 24-го мая переправился на правый берег Терека и, не дожидая сбора остальных казаков, во главе 87-ми гребенцов, при семи офицерах, бросился в погоню за неприятелем, горя нетерпением скорее настичь его.

В верстах восьми от Амир-Аджи-Юрта казаками уже замечены были расположившееся на курганах неприятельские пикеты. Казани беспрепятственно продолжали своё наступательное движение, несмотря на то, что глухо доносившиеся издали пушечные выстрелы - сигналы тревоги на кумыкской плоскости - сразу прекратились. Вскоре после того из-за холмов показались многочисленные толпы неприятельской конницы, с гиком бросившиеся на эту ничтожную, сравнительно с их многочисленностью, горсть гребенцов.

“Между постыдным бегством и честною смертью выбор незатруднителен: казаки спешилась и 1500 человек окружили их”, - пишет Фрейтаг об этом деле в своём рапорте к князю Воронцову. Разыгралось знаменитое “Суловское дело”, слава которого разнеслась впоследствии далеко за окраины Кавказа, - дело, которым справедливо гордятся гребенцы, относясь с особым уважением к оставшимся по настоящее время в живых участникам несоразмерного боя, ряды которых с каждым годом всё более и более редеют.

Сбатовав, а частью разрезав коней и расположившись за этим живым завалом, казаки держались крепко. Ожесточённые дерзостью противников, и не мечтавших сдаваться, чеченцы раз за разом повторяли свои неистовые атаки. Но все их усилия оказалась тщетными - им не удалось врезаться в среду дружно сплотившихся, плечо к плечу, героев. Вскоре все офицеры и значительное число казаков были ранены, несколько человек убито, но оставшиеся невредимыми, равно как и те, кто, хотя и был ранен, но ещё имел возможность владеть оружием, продолжали энергично отбивать нападения ожесточенного врага.

С казаками разделяя горькую участь любимец гребенцов, отставной капитан Хастатов, которого они называли “авангардным помещиком России”. Хастатов, услышав тревогу, присоединился к казакам и в продолжение всего боя ни на минуту не переставал своими остротами и шуточками ободрять казаков - впрочем, и без того не робевших.

Патроны постепенно приходили к исходу, а между тем подкрепление всё ещё не шло и положение гребенцов становилось критическим - но никому из героев и в голову не приходила мысль сдаваться в плен. Наконец, убедившись, что вскоре иссякнут последние остатки ружейных патронов, Сулов отдал приказание иметь в полной готовности пистолеты для последней, прощальной пули по адресу врага, как вдруг со стороны Амир-Аджи-Юрта показалось первое подкрепление - кучка несшихся во весь опор на выручку своих. То был зауряд-хорунжий Груняшин с 25-ю гребенцами. Затем со стороны Куринского укрепления появились 60 донцов, а за ними следовал подполковник Майдель, с тремя ротами пехоты при двух орудиях.

Встреча казака с горцем

Едва чеченцы заметили новые подкрепления, как немедленно бросили свои неистовые атаки и покинули поле битвы. Оставшиеся невредимыми казаки при помощи подоспевших товарищей принялись за уборку убитых и раненых, благословляя судьбу за счастливое избавление от гибели, казавшейся неизбежной.

Потеря среди горсти храбрецов оказалась не малою. Самого Сулова Бог спас, но зато все офицеры были ранены, за исключением войскового старшины Камкова, да и то контуженого (ранены хорунжие Федул Федюшкин, Григорий Байсунгуров, Григорий Рамазин, Афанасий Палашкин, зауряд-хорунжие Евтей Рогожин и Семён Янхотов). Нижних чинов ранено в гребенском полку 43 и в донском № 20 - шесть.

Убитых, к счастью, всего у линейцев четыре, да у донцов один. Лошадей у гребенцов было убито: все офицерские и 77 казачьих, и ранено пять, причём (согласно официальному донесению), в каждом коне оказалось, по осмотру, средним счётом по восемь пуль.

Меллер-Закомельский не подоспел на выручку казаков вследствие того, что, услышав сигналы тревоги на Кумыкской плоскости, поспешил к укреплению Умахан-Юрт, куда и прибыл уже тогда, когда дело с казаками было окончено и чеченцы отступали по Качкальковскому хребту. Пришедший же на выручку гребенцов подполковник

Майдель, услышав перестрелку со стороны Амир-Аджи-Юрта выступил из укрепления Куринского с тремя ротами пехоты и сотнею казаков, при двух орудиях. Пройдя вёрст 10, войска эти заметили на курганах неприятельские пикеты и, вслед за тем, наткнувшись на огромную конную партию, немедленно завязавшую с ними перестрелку.

Между тем, одновременно с этим в укреплении Куринском открылась сильная канонада, так как неприятель выставил против башни одно из своих орудий и, вслед затем, на всех соседних высотах появились плетие толпы. Подполковник Майдель, убедившись, что вся неприятельская конница подошла уже к Качкальковскому хребту, поспешил к укреплению Куринскому. Заметив выбранное им направление, все конные чеченцы нахлынули на его отряд и бросились преследовать, так что подполковник Майдель принуждён был несколько раз приостанавливать движение своей колонны для отражения неприятельских атак.

Вскоре преследование прекратилось, а затем, спустя некоторое время, уже раздалась сильная перестрелка со стороны Амир-Аджи-Юрта, заставившая Майделя повернуть свою колонну по направлению услышанных выстрелов. Это движение было как нельзя более кстати, так как оно-то и выручило Сулова и подчинённых ему героев - офицеров и казаков.

К а з а к Х в а ц к и й

В виде дополнения к обрисовке общего характера гребенских казаков, позволю себе рассказать о гребенском казаке-червленце Хвацком. Настоящая его фамилия Дигурин, прозвище же Хвацкий он получил от станичников за свой “хватский” подвиг.

Я помню хорошо казака Хвацкого и, будучи ещё ребенком, бессознательно плакал на могиле его в числе других - и, надо полагать, что слезы мои не были чужды общему настроению.

Хвацкий был высокого роста и красив собою, с чёрной окладистой бородой. В молодых годах он участвовал в 1839 году в экспедиции под Ахульго, под командою генерала Граббе (впоследствии графа). Однажды в лагере под Ахульго он, находясь в качестве часового около палатки генерала Граббе, расхаживал на своём посту. В это время около палатки упала граната, пушенная из лагеря Шамия. Разумеется, все в ужасе выскочили из палаток, каждую секунду ожидая взрыва кружившейся на месте гранаты. Казак же Хвацкий, не теряя присутствия духа,

спокойно подошёл в гранате и столкнул её прикладом ружья вниз

обрыва горы, где граната и не замедлила взорваться, а сам снова стал ходить на своём посту.

Восторг был полный. Генерал Граббе, отправляя своё донесение Государю Императору Николаю Павловичу с адъютантом о взятии Ахульго, послал с ним и казака Хвацкого. По приезде посланных в Петербург, начальство пожелало представить Хвацкого Его Величеству, но тут вышло затруднение: казак не захотел брить бороду (гребенцы бороды никогда не брили и считали её священной: в жарких боях и схватках с чеченцами они брали свои бороды в рот и, закусывая их зубами, считали себя как бы принявшими таинство причащения, и тогда смерть для них была “чашей сладкою вина красного”).

Долго начальство старалось уговорить Хвацкого сбрить бороду, но всё было тщетно: он уверял, что если его начнут брить, то он это же бритвою перережет себе горло, говоря при этом, что борода никогда не мешала ему исполнять свой долг, как следует, Царю Батюшке.

Об упорстве казака Хвацкого доложили Государю и Его

Величество был столь милостив, что пожелал видеть Хвацкого с бородою. Когда он предстал пред Царские очи, Государь, со свойственною ему серьезностью, спросил: "Отчего ты не хочешь брить бороду?". Хвацкий успел только проговорить: "Простите, Ваше Императорское Величество!". Тогда Государь милостиво сказал ему: "Спасибо за службу, я тебя велел зачислить в мой конвой", - и тут же самолично возложил на него Георгиевский крест.

Вернувшись из Петербурга в станицу Червленую, Хвацкий продолжал служить в полку - в сотне.

Однажды вечером, когда он сидел дома, починая свои поршни, к окну подошёл сотенный нарядчик (ефрейтор) и начал стучат в окно. Хвацкий, подняв окошко, выглянул на улицу, и нарядчик объявил ему, что он на эту ночь назначается в секрет на Терек. Хвацкому показалось, что его назначают не в очередь, что много есть молодых казаков, которые уже давно не были в секрете, и что им делают поблажку, а его, старого казака, без очереди гоняют в секрет, почему он и объявил нарядчику, что не пойдёт в секрет. Нарядчик не замедлил об этом сообщить старшему уряднику, который, в свою очередь, явился на двор Хвацкого, вызвал его к себе и с угрозой требовал, чтобы он шёл в секрет без отговорок. Разумеется, при этом не обошлось без размахивания руками, причём урядник как-то задел рукой по лицу или по груди Хвацкого. Хвацкий не вытерпел и двинул свою руку пошире урядниковой, а затем, конечно, начался суд.

Долго судили Хвацкого и долго он сидел под арестом на полковой гауптвахте. В это время приезжает в Червленую Главнокомандующий Кавказскою армиею князь Воронцов - когда дело Хвацкого было уже кончено и суд приговорил его к снятию Георгиевского креста, о чём и было доложено князю. Чтя высоко награду, полученную Хвацким за боевой подвиг лично от Государя, князь Воронцов хотел пощадить Хвацкого и ограничить наказание его 50-ю ударами розог, но вместе с тем пожелал и видеть Хвацкого лично.

Когда ввели Хвацкого к князю Воронцову, то князь, прежде всего, пожелал о поступке Хвацкого с урядником и, высказав желание сохранить ему крест, как пожа-

лованный лично Государем, объявил, что он взамен лишения креста будет наказан 50-ю ударами розог. Хвацкий, вытянувшись в струнку, прогремел громким своим голосом: "покорно благодарю, ваше сиятельство", и вслед за этим осмелился доложить, что если он будет наказан 50-ю ударами розог, то считает себя недостойным носить

столь дорогой для него крест, - и потому лучше желает снятия креста с него. Удивлённый таким ответом, князь улыбнулся и сказал: "Хорошо! Будет удовлетворено твоё желание".

Таким образом, казак Хвацкий потерял свой крест, столь славно доставшийся ему, но не потерял надежды вернуть его. Подлежа уже отставке, но мучимый мыслью, что ему будет стыдно умереть без креста, он поступил снова на службу.

Зимой 1853 года Хвацкий отправился в экспедицию в Чечню. В то время был назначен командовать кавалерию наказный атаман Кавказского Линейного казачьего войска генерал-майор Круковский. Хвацкий льстил себя надеждой получить в эту экспедицию, во что бы то ни стало, Георгиевский крест и возлагал эту надежду, между прочим, на генерала Круковского, который его знал лично как по его боевому подвигу, так и по грустному случаю утраты креста.

Однажды утром генерал Круковский взял с собою для рекогносцировки сотню гребенских и моздокских казаков и, подойдя к аулу Дуба с одною моздокскою сотнею, въехал в него - и там тотчас завязалась перестрелка, в которой и был убит. Весть об этом быстро разнеслась среди казаков. Закипело ретивое у Хвацкого, он стремглав бросился к тому месту, где находился генерал Круковский и увидел любимого генерала уже распростёртого на земле и обираемого вражьиими руками. Сделав из ружья выстрел, он, с шашкою в руке, бросился отбивать у врагов тело генерала. Горцы, струсив, бросились в лес, но когда он, схватив тело генерала, готовился нести его на себе - вражья пуля пронизала его в грудь, и Хвацкий упал мёртвым на труп им отбитого генерала Круковского.

Так закончил свою жизнь богатырь-казак Хвацкий; так заканчивали свою жизнь и многие гребенцы, представляя собою славные примеры доблести своим детям.

Л.Ржевусский

Пятиглавое чудо

"В нашей станице оканчивается постройка новой кирпичной церкви. Храм этот будет стоить обществу до полутора тысяч рублей, что одно уже свидетельствует о грандиозности постройки, которая смело может считаться одной из первых в Кубанской области..."

"Кубанские областные ведомости"
(13 июня 1900 г.)

В 1896 году по всей Кубанской области праздновалось 200-летие Кубанского казачьего войска. Юбилейную дату в Новодеревянской решили ознаменовать закладкой нового, каменного храма. К концу XIX века население станицы заметно увеличилось, и старая деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы уже не вмещала всех прихожан.

- Сооружением новой церкви наши батьки хотели увековечить память о дедах, пришедших в этот благословенный край, - говорил старый казак Лука Григорьевич Марушко. - Да чтоб и их мы вспоминали, придя в храм помолиться...

Прошедшие торги, однако, не дали результата. Известные на Кубани подрядчики Тютюнов, Черечев, Уколов и Третьяков заявили, что смета неправильно составлена, и стоимость работ занижена. Станичникам, в свою очередь, казалась непомерно высокой запрашиваемая подрядчиками цена. После третьих безуспешных торгов в 1896 году станичный сбор вообще решил строить церковь хозяйст-

1935 г.

венным способом, но ходатайство об этом не было утверждено.

Только 20 января 1897 года атаман станицы Конон Семёнович Гавро в присутствии общества заключил договор с воронежскими подрядчиками Филатовыми и Верёвкиным, согласившимися построить храм за 80 тысяч рублей.

По воспоминаниям старожилов, образцом для него послужила одна из церквей Киева, куда из станицы ездил специальная делегация.

Строить храм было решено на самом возвышенном месте - на широкой площади перед новым казачьим правлением и новым зданием Александровского училища, сооружение которого подходило к концу.

Попечителем строительства был назначен Потап Николаевич Пальчун, фамилию которого благодарные станичники потом поставят первой на памятной доске с именами строителей храма.

По решению сбора, каждая семья должна была отработать определённые дни на строительстве. У кого были лошади, работали на подводах, безлошадные были задействованы на подсобных работах. Пожертвования собирали выбранные прихожанами сборщики, а "жертвы" записывались в специальной книге.

- Жертвовали, кто что мог - деньги, вещи, домашний скот,

птицу. Каждый считал за честь внести хотя бы небольшую лепту в общее дело, - вспоминал станичный учитель Пётр Михайлович Андрункин.

За год до начала строительства были загашены четыре большие ямы извести. Известковый порошок вместе с яичным белком шёл в раствор, который намертво соединял кирпич. По преданиям, на строительство ушло полтора миллиона штук кирпича и 150 тысяч яиц.

Строительство шло сравнительно быстро. За два года храм был выведен уже выше арок второго этажа.

«На днях мы с приятелем взобрались на постройку новой церкви, главный купол которой хотя еще и не выведен, но и теперь она уже кажется очень высокой, так что с высоты ее видно соседние станицы, несмотря на двадцативерстное расстояние», - писал в сентябре 1899 года корреспондент «Кубанских областных ведомостей».

Со строительством связано несколько историй, дошедших изустно до наших дней.

- Сам Олександр Пивень, кубанский письменник, записав одну такую брехеньку про нашу церкву, та ще й як реготав, - рассказывал новодеревянковский старожил Михаил Максимович Слесарь.

История вышла такая. У одного из мастеров-каменщиков была собачка. Стройке не мешала, к ней все привыкли, и вела она себя довольно свободно, взбираясь по мере роста храма по лесам всё выше. И вот в один из дней на строившуюся колокольню поднялся с инспекцией батюшка - отец Иоанн Гусев. Увидев в неполюженном месте четвероногою тварь, он громко возмутился и топнул ногою. Не зная прежде святого отца, загородившего единственный путь к спасению, собака с перепугу сиганула с колокольни вниз...

История эта стала известна по станицам Ейского отдела, обрастая всё новыми подробностями. С тех пор, куда бы ни поехали новодеревянковцы - обязательно находился любитель «пожартувати»:

- А звідкіля це ви, козаки, будете?
- Та ми з Дерев'янкивки...
- А з якої: з Старої, чи з Нової?
- Та з Нової...
- Ага. Так це ви з тиеї станиці, де сучка вбилася з дзвіниці?! Га-га-га!..

Торжественное освящение нового храма состоялось 8 октября 1901 года в честь одного из наиболее почитаемых на Руси святых - великого Угодника Божьего и Чудотворца Николая.

По благословию архиепископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора всеношное бдение, освящение престола и литургию совершил местный благочинный отец Иоанн Черный в сослужении десяти священников и двух диаконов. Огромный храм, сияющий золотом иконостаса и церковной утвари, до предела был заполнен молящимися, в том числе гостями из ближайших станиц.

В большом зале Александровского училища (сейчас старое здание СОШ № 43) станичным обществом был дан обед для участников освящения, где прозвучали слова благодарности в адрес устроителей нового храма, тосты за воинство всероссийское, духовенство, подвижников Земли Русской. Большое впечатление на присутствующих произвела речь подполковника Генерального штаба Петра Ивановича Кокунько, говорившего о значении казачьих войск как хранителей рубежей Отечества.

Построенный в характерном для того времени «русско-византийском» стиле, величественный двусветный храм с

колокольной напоминал скорее городской собор, чем сельскую церковь. Основной объём его, вознесшийся на метровом цоколе, представлял собою куб, увенчанный пятью главами, опирающимися на восьмигранные барабаны. Главы куполов, сужаясь кверху, по форме напоминали шлемы древнерусских воинов и завершались ажурными коваными крестами на металлических цепях-растяжках.

С запада храм широкой галереей соединялся с колокольной, в которой находились «звоны». На нижнем ярусе звонницы помещался один большой («пасхальный») колокол работы известных мастеров братьев Оловяниковых - «415 пудов, 13 фунтов, 32 золотника». На верхнем ярусе 12 колоколов поменьше - от 250 до 2-х пудов.

Каждый из колоколов имел своё назначение. В большой звонили лишь на Пасху, Рождество или если случались чёрные

бури и метели: звон разносился далеко окрест, и на него ориентировались заблудившиеся путники. Другие колокола выполняли свои функции: отбивали круглосуточно часы, созывали казаков на сходки...

- А уж если, не приведеи Господи, случится пожар, то звонарь такой набат отбивал, что можно было и мёртвого поднять, - свидетельствует современник.

По звуку колокола вся станица сразу определяла, что случилось.

Снаружи, на северной стене колокольни, белым камнем была выложена дата «1897» - год закладки храма.

Алтарную часть храма украшал золочёный пятиярусный иконостас. Храм имел три престола и трое царских врат. На большой зал храма выходила открытая галерея с балконом, на которой во время богослужений располагался церковный хор.

Верхняя часть храмового помещения как бы парила, возносилась над нижней, более приземлённой. Это впечатление воздушности, приподнятости создавалось обилием света, поступавшего через сорок окон, находившихся в куполах.

Храм выполнял и мемориальные функции.

Согласно приказу Наказного атамана Войска, в нём были установлены памятные доски с именами станичников-казаков, «павших героями служебного долга». А в ограде церкви на небольшом кладбище были похоронены один из зачинателей её строительства священник Иоанн Арсентьевич Алексеев, местные жители Зуб, Омельченко, Пеньковские...

- Хорошо помню многолюдные похороны 19-летнего прапорщика Чибиса, - вспоминал Николай Иванович Сахно. - Мы, школьники, хорошо его знали, он учился в нашей школе, за участие в боях Первой мировой войны был награждён крестом. Во время отпуска приходил в школу, встречался с учениками и учителями. Когда погиб на турецком фронте, то тело в цинковом гробу привезли на родину и похоронили у новой церкви. Торжественная, с воинскими почестями церемония похорон павшего на поле боя героя произвела на нас, школьников, необычайное впечатление. Мы наглядно увидели: вот что значит - умереть за Родину!..

При школе было открыто смешанное церковно-приходское училище, расходы по содержанию которого приняло на себя общество. Учителю было назначено жалование 300 рублей, законоучителю 60 рублей, ещё 100 рублей выделялось на прислугу для учителя, приобретение учебников, книг, отопление и освещение.

Всю церковную площадь окружала красивая кованая ограда на кирпичном цоколе. Параллельно восточной и

Новодеревянковцы

Священник
Иоанн Алексеев

старый храм Рождества Пресвятой Богородицы, в котором служил отец Ф.А. Щербины

западной сторонам ограды с юга на север шли широкие красивые бульвары со скамейками, обнесённые белой и жёлтой акацией. В праздники, а то и по вечерам сюда любили приходить новодеревяковцы - отдохнуть, обменяться новостями или просто посудачить.

Церковная площадь и новый храм были в центре многих событий начала XX века.

- Мне было 6 лет, как началась Первая мировая, - вспоминал Илья Дмитриевич Варивода. - Зазвонили колокола обеих церквей, по улице на белом коне проскакал трубач Войтех Венедикт Филатович, созывая своим кларнетом казаков на сходку. Когда мы, пацаны, прибежали на площадь, запруженную народом, у входа в храм стояло духовенство, члены станичного правления. Уже был вынесен престол, на котором стояли серебряные чаши со святой водой.

Прозвучал сигнал трубы, и перед толпой выступил атаман Курганский, сказавший, что Германия объявила войну. Три священника - Черный, Гусев и Алексеев - пошли по станице с молебном вымаливать воинству российскому победу.

Почти еженедельно проходили сходки на церковной площади в бурный 1918 год:

- Красные приходят - собирают народ у церкви, предлагают записаться в отряд на защиту революции. Белые приходят - тоже созывают казаков, на борьбу с большевицкими супостатами, - свидетельствует очевидец.

В 1921 году был проведён последний крестный ход, посвящённый 100-летию станицы. С этого времени - особенно после того, как у церкви отобрали функции регистрации рождений, браков и смертей, как стал ужесточаться антирелигиозный прессинг - храм постепенно оставляет ведущую роль в общественной жизни.

Бывший украшением станицы три с лишним десятка лет, храм разделил горькую участь культовых сооружений в 30-е годы XX века. Согласно указанию Ленина от 1 мая 1919 г. № 13 666/2 "О борьбе с попами и религией", Церковь считалась одним из основных препятствий на пути к коллективизации села. Власти целенаправленно вели антирелигиозную политику, разрушая храмы либо превращая их в склады. К 1929 году были закрыты все монастыри, а к концу 1930 года 80 % всех сельских храмов страны.

Новую силу антицерковный террор обрёл после 1932 года, когда декретом правительства была объявлена "безбожная пятилетка": к 1 мая 1937 года "имя Бога должно быть забыто на территории страны". Как итог, к началу войны во всей стране действовало не более 150 церквей (в 1918 году в России было 80 000 православных храмов, из них 667 церквей и 3 монастыря на территории Кубанской области).

Зачинщиками закрытия новодеревяковского храма стали наши станичные комсомольцы.

- Шла коллективизация, создавались колхозы, в станице часто приезжали важные работники, в том числе прибыли как-то зам.председателя крайисполкома Иванов и представитель ВЦИКа Полуян, - рассказывал Иван Павлович Выростков. - А мы, комсомольцы, как раз хотели на общем собрании поставить вопрос о закрытии новой церкви. Я спросил Полуяна, как они на это смотрят? Полуян и Иванов улыбнулись и ответили: "Ну, что ж, вы будете пионерами". Я попросил, чтобы они остались и на собрании поддержали нашу инициативу, но у них не нашлось времени. Стало ясно: наша хата с краю, мы ничего не знаем, ломайте дрова сами... И пошли ломать. Первой жертвой воинствующих без-

божников стала деревянная Рождество-Богородицкая церковь, построенная ещё первопоселенцами станицы более века назад. Её сожгли - правда, ещё таясь - ночью 7 января 1935 года.

Подступиться к каменному храму было сложнее. Чтобы отвести население от религиозного ("дурмана", хулиганствующие "костомольцы" (так называло их население) в дни церковных праздников собирались у храма, оскорбляли верующих, устраивали у входа в храм громкую читку "антипоповских" стихов Демьяна Бедного, пели частушки. Но эти действия вызывали лишь осуждение станичников. Люди по-прежнему посещали храм, даже уходя с работы.

- Как зазвонят на службу в большой колокол, слышно было аж в Новоминской, - рассказывал учитель Григорий Иванович Овсянников. - И, как только зазвонит он, колхозники говорят: "Уже святой вечер. Бросай работу!" И все бросали работать и идут домой. А мы, учителя, идём на их место, и работать становимся. Ночью клали копыщи до утра, ночью на молотилке хлеб молотили. Все ночью, начиная с пяти часов вечера и до утра. А домой придёшь - надо в школу идти. Вот такая жизнь была! Ни заплаты, ни хлеба, а работать надо было!..

Формальным поводом для закрытия храма послужило то, что церковная община не смогла выплатить огромный налог, возложенный на неё райфинотделом.

После страшного голодомора население станицы значительно уменьшилось, пожертвований на храм не поступало, так как в колхозах за работу денег не платили, а ставили "палочки".

После закрытия церковь сначала использовали для хранения зерна, а затем райфинотдел настоял на разрушении - в счёт уплаты недоимки за несколько лет.

- Письма отдельных смельчаков (Боже упаси было написать групповое заявление - это могло быть расценено как создание контрреволюционной организации и открытый

мятеж против Советской власти) с жалобами на самоуправство местной власти, направляемые в Ростов и Москву, неизменно возвращались на рассмотрение в райисполком и только ускоряли разрушительные работы, неся жалобщикам большие неприятности, - рассказывал бывший в ту пору председателем колхоза "Рот Фронт" Федот Матвеевич Махно.

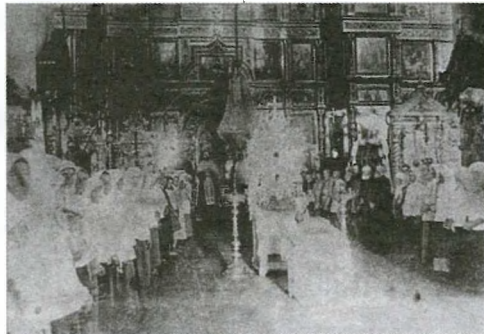
Из Ростова на Дону приехали инженеры-строители - просили отдать в городской театр красивую чугунную лестницу из колокольни.

- Пошли они в сельский Совет, а там как раз верховодили Фельков, Север, Савченко Владислав, - свидетельствует П.М. Андрункин, - и предложили снять верх церкви, переоборудовать здание под двухэтажную школу-десятилетку: "Зачем же вы будете такую красоту рушить, такой труд людей? Мы вам такую школу сделаем - по всем правилам!" А наши дураки говорят: "Як це так? Дети будут учиться, а там святым духом все пропитано. Що це за школа така - из церкви? Не нужна нам така школа!" И настояли на полном "до основания" разрушении, чтоб церковь и видом своим не туманила головы ни старым, ни малым.

За 20 лет Советской власти "строители будущего" в совершенстве овладели своим главным ремеслом - технологией разрушения. В нижней части стены, над фундаментом выбирался кирпич, в образовавшиеся пустоты забивались деревянные столбы, которые принимали на себя её тяжесть. Затем дерево обливалось горючим и поджигалось. Сгорая, столбы лишали стены здания опоры, и те рушились.

Священник
Иоанн Черный

В Свято-Никольском храме.
Служит о. Михаил Алексеев.

хор Свято-Никольского
храма (1908 год)

Новоминской райфинотдел нанял “шабашников” из числа местных, застраховав на большие суммы их жизни. Имена их известны в станице (повторим вслед за К.Н. Батюшковым - славны они “своим бесславием... в позднейшем потомстве”). Подготовительные работы длились почти год и закончились к началу осени 1938 года.

- Вся станица сбегалась на это безумное зрелище, - рассказывал очевидец того события И.Д. Варивода.

Сначала попытка поджечь столбы закончилась неудачей - огонь погас. Тогда представитель РайФО стал выкликать, кто бы вторично поджог - желающих не находилось. И лишь после того, как была пообещана двойная страховка, нашёлся один смельчак, который поднёс спичку к облитой мазутом соломе...

- В повисшей над площадью тишине хорошо было слышно, как трещат деревянные столбы-подпорки. Вдруг земля вздрогнула, церковь вся как-то покачнулась и медленно осела, исчезнув в огромном облаке пыли... Люди кричали, стенили, падали в обморок, и страшные были на фоне этого всеобщего потрясения стоявшие поодаль радостно-оживленные устроители новой жизни.

Стареньким “фотокором” И.Д. Вариводе удалось снять церковь буквально за несколько часов до взрыва. Много десятков лет спустя, на склоне жизни он вспоминал:

- Я сделал последний снимок церкви со стороны ДСК, отпечатал всего четыре фотографии. Снимать было опасно - фотографирование и размножение снимков могло быть расценено властями как пропаганда церкви. А с религией велась жестокая борьба. Тем, кто не жил в то время, нас не понять...

Груда кирпича была продана станичным колхозам “Правда” и имени XVII-го партсъезда, построившим из него клуб и склады. Из остального материала в районном центре - станице Новоминской - был сооружён кинотеатр. Церковной оградой был огорожен школьный двор, а церковные ворота долго стояли у входа на территория МТМ бывшего колхоза “40 лет Октября”, затем их сняли. Чугунные столбы рачительный Иван Кузьмич Гармаш, прозванный уже в наше смутное время с легкой руки корреспондента районной газеты “хозяйном станицы”, сдал в утиль-сырьё.

Большой колокол при падении не разбился - раздробив ступени главного входа, он глубоко вошёл в землю, и с ним пришлось изрядно повозиться: его травили кислотой, соляркой, рубили зубилом, чтобы довести до “нужной” кондиции...

Так же “доводили” новые безбожные власти “до нужной кондиции” и жителей станиц, которых и без того после Голодомора 32-33-го год от года становилось всё меньше...

Выборка же кирпича взорванного храма шла почти до самой войны, а после неё бывшая церковная площадь была превращена в парк. Теперь лишь установленный здесь казаками крест напоминает о её былом содержании.

Теперь не осталось уже в живых ни одного участника освящения нового храма, и совсем мало тех, кто его помнит. Рассказывание, раскулачивание,

В 1989 году И.Д. Варивода (справа) сделал для станичного музея макет взорванного храма

коллективизация, голодомор, войны унесли тысячи человеческих жизней. В далекой Югославии окончил свой земной путь выступавший с речью на освящении новодеревянковский генерал Пётр Иванович Кокунько. В пекле Гражданской войны стигнул священник Иоанн Черный, в 1918 году благословивший казаков в поход на “красный” Ейск. Совсем недавно пошёл на слом дом, вошедший в историю станицы как “Черного попа дом”...

Безбожное время не пощадило и могил. При закладке парка на храмовой территории был разграблен склеп и осквернены останки отца Иоанна Алексея. Позже, при строительстве Дома культуры, на расположенном рядом кладбище были уничтожены останки предков нынешних новодеревянковцев, не нашедшие покоя даже в родной земле. И лишь два немых свидетеля - старое Александровское училище

да Ссудо-сберегательное товарищество, добываемое сегодня лишёнными разума “отморозками”, ещё помнят многое происходившее на церковной площади...

Но - “силён Господь в правде и не бывает поругаем”. Всё возвращается на круги своя.

Историческим днём для станицы стало 11 августа 2007

года. Епископом Ейским Тихоном в сослужении восьми священников - представителей духовенства Приморско-Ахтарского, Усть-Лабинского и Выселковского округов, городов Апшеронска и Геленджика, станиц Новодеревянковской, Привольной, Челбасской - был торжественно заложен первый камень в основание восстанавливаемого Свято-Никольского храма.

Строительство его стало возможным, прежде всего, благодаря помощи известного кубанского промышленника Олега Владимировича Дерипаски и учреждённого им Фонда “Вольное Дело” (в котором трудится Георгий Кокунько - наш земляк), а также руководителя нашего станичного АО “Сельская Новь” Николая Ивановича Миренкова. Посильный вклад в строительство храма вносят прихожане - крестьяне, казаки, местная интеллигенция, руководители станичных организаций, предприниматели...

- Храм - это дом Божий, он необходим всем и каждому, - говорит настоятель станичного Свято-Никольского прихода священник Сергей Ядрушкин. - Сюда мы приходим в горе и в радости, в здравии и болезни, возносим свои молитвы. В храме человек рождается духовно в Таинстве Святого Крещения, и здесь его провожают в последний путь...

Новый храм, конечно, будет меньше прежнего - за годы лихолесья население станицы сократилось в несколько раз - но его пропорции и внешний вид будут сохранены.

Пройдёт несколько лет, и в центре станицы взметнёт к небу золотые купола возрождённый красавец-храм - как связующая нить между прошлым и будущим, свидетельство нашего уважения к памяти предков и покаяния за десятилетия глумления над человеческими душами.

А. Дейневич

Таким будет восстановленный храм

ного им Фонда “Вольное Дело” (в котором трудится Георгий Кокунько - наш земляк), а также руководителя нашего станичного АО “Сельская Новь” Николая Ивановича Миренкова. Посильный вклад в строительство храма вносят прихожане - крестьяне, казаки, местная интеллигенция, руководители станичных организаций, предприниматели...

- Храм - это дом Божий, он необходим всем и каждому, - говорит настоятель станичного Свято-Никольского прихода священник Сергей Ядрушкин. - Сюда мы приходим

Закладка и освящение первого камня в основание восстанавливаемого храма, 11 августа 2008 г.

в горе и в радости, в здравии и болезни, возносим свои молитвы. В храме человек рождается духовно в Таинстве Святого Крещения, и здесь его провожают в последний путь...

Новый храм, конечно, будет меньше прежнего - за годы лихолесья население станицы сократилось в несколько раз - но его пропорции и внешний вид будут сохранены.

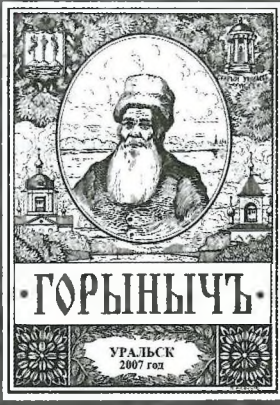
Пройдёт несколько лет, и в центре станицы взметнёт к небу золотые купола возрождённый красавец-храм - как связующая нить между прошлым и будущим, свидетельство нашего уважения к памяти предков и покаяния за десятилетия глумления над человеческими душами.

А. Дейневич

Ваши пожертвования с указанием “на восстановление храма” просьба перечислять на счёт № 40703810530340100980 в Каневском ОСБ № 1865 Юго-Западного банка СБ РФ, БИК 046015602, к/сч. № 30101810600000000602, ИНН 2334008203, КПП 233401001 - приход Свято-Никольского храма станицы Новодеревянковской Краснодарского края. Телефон для связи 8-928-4313888 (священник Сергей Ядрушкин).

“Горыныч”

В 2007 году в Уральске вышла в свет первая часть краеведческого сборника “Горыныч”.

Исстари уральские казаки называли себя Горынычами - отсюда и название. Но была и другая причина. О ней в предисловии написал директор народного музея “Старый Уральск” Александр Зотович Курлапов: “В 1913 году в Уральске студенческая молодежь выпустила два номера альманаха под таким названием. Надеемся, что этот сборник будет достойным памятью наших земляков и памяти всех Горынычей...”

Составителями сборника - А.З. Курлаповым, А.П. Ялфимовым, В.В. Кутищевым - была проделана серьёзная работа. К участию в ней привлекли также старейших уральских краеведо-журналистов Ю.И. Асманова и Н.Г. Чеснокова.

География авторов с самого начала была обширной: уральцы Ю. Асманов, Н. Чесноков, А. Курлапов, А. Ялфимов, В. Кутищев, Д. Марыксин, С. Калентьев, Г. Мухин, А. Чистяков; москвичи Д. Дубровин, В. Пешков, М. Хайрулин, А. Насыров-Толстов; саратовцы С. Картагузов, А. Симонов; самарец С. Сайбель. Обложку выполнил Санкт-Петербургский уралец, художник Рустам Вафеев.

В сборнике собраны самые разные материалы - от археологии до генеалогических исследований об известных уральских родах; большой объём заняли документы и статьи о Гражданской войне в Приуралье.

Первая часть сборника вышла тиражом в 200 экземпляров - и уже через месяц стала библиографической редкостью. Увы, недостаток средств не позволил осуществить переиздание - и тогда было решено разместить материалы в Интернете. Так родился сайт “Горыныч. Краеведческий сборник” (см. www.old-gorynych.narod.ru).

Конечно, он давно уже перерос свою главную задачу - размещение материалов печатного сборника. Как важное дополнение, на нём начали размещать материалы из других источников - архивов, периодической прессы, печатных изданий. В итоге объём информации на сайте значительно превысил объём напечатанного в сборнике.

В том же 2007 году вышла вторая часть сборника, тираж 250 экз. Добавились новые авторы: А. Ганин и С. Аничкин (Москва), С. Киселев (Атырау), А. Матушкин (Уральск),

упомянутый уже Р. Вафеев.

Тем временем, в гостевой книге сайта стали появляться вопросы, не нашедшие отражения на страницах сборника - так возникла необходимость в создании Интернет-форума по истории Уральского войска и области (см. www.gorynychforum.forum24.ru).

Невозможно объять необъятное, и разделов на нём немного. Но, благодаря их универсальности, места хватает любой информации.

Особо отметим раздел “Ищу человека”. Сейчас наблюдается всплеск интереса к своим корням, родословной. По мере возможности, форумчане помогают друг другу информацией, советом. Хотя среди участников нет профессиональных генеалогов, раздел этот весьма успешен.

В 2009 году вышла последняя, третья часть “Горыныча”. К авторам из России и Казахстана прибавились статьи, присланные из Германии и Австралии. В коллектив авторов влились В. Проскурин (Берлин), С. Толстов (Австралия), С. Курносин (Санкт-Петербург), Н. Чапурин (Уральск). К сожалению, тираж составил всего 100 экземпляров, к тому же было отказано выпускать сборник в серии “Уральская библиотека”...

Завершая издание, его душа, цензор и автор А.З. Курлапов написал следующее:

“Вот и вышел в свет всеми тремя своими частями наш Горыныч. Благодарю всех, кто согласился участвовать в сборнике своими работами, кто бескорыстно помогал нам всё это время. Спаси вас Христос! Мы полагаем, что наш “Горыныч” добавит несколько листочков к веницу славы Яицкого - Уральского казачества.

Надеюсь, что на этом выпуске мы не прощаемся. Если не удастся зарегистрировать альманах “Горыныч”, будем выпускать новые историко-краеведческие сборники, под иными названиями; к примеру, “Уралец”, или - “Старый Горыныч”. Поэтому обращаюсь ко всем неравнодушным к прошлому своего Отечества: присылайте ваши новые работы и работы ваших знакомых краеведов и исследователей в наш сборник!”

В. Кутищев

Ниже предлагаем вниманию читателя одну из статей сборника - о первых эпизодах Гражданской войны на Урале.

Илецкий бой 13 марта 1918 г.

События 13 марта 1918 года в Илеке (Илецкой станице) упоминаются практически во всех книгах и статьях, посвящённых Гражданской войне на территории Уральской области. Это и понятно, ведь именно “Илецкий бой” принято считать началом борьбы уральских казаков с большевиками. Однако, несмотря на всю важность последствий случившегося конфликта, говорят о нём, в основном, без подробностей и объяснений причин возникновения.

Расходятся мнения и в оценке события. Советские историки всегда считали произошедшее “контрреволюционным мятежом”, организованным офицерской казачьей верхушкой. Сейчас распространена противоположная точка зрения - что красный отряд спровоцировал столкновение и защитную реакцию местных жителей.

Эта статья стала результатом сбора и обобщения материалов по этой теме.

* * *

К весне 1918 года политическая обстановка на территории Уральского Войска была в напряжённо-неопределённом состоянии. В области действовали две разнополюсные силы, претендовавшие на власть, всё более чувствовалось различие классовых и национальных интересов.

Для большинства жителей области законной властью был съезд выборных Уральского казачьего войска и избранное из его состава Войсковое правительство. Ещё в 1917 году Войсковой съезд был признан депутатами от казачьего населения области высшим законодательным органом в Войске, решения которого были обязательны для исполнения на всей казачьей территории.

Но к началу 1918 года уральские казаки всё менее чувствовали себя единственными и полноправными хозяевами своей земли. Общее их число уже ненамного превышало другие группы населения области - иногородних,

крестьян-переселенцев, киргизов. С началом революционных преобразований эти группы, особенно иногородние, всё активнее выдвигали различные политические и социальные требования. Они хотели изменения своего политического статуса, уравнивания в правах с казаками, предоставления в пользование земли, водных ресурсов и т.д. Но большинство казаков совсем не желало делиться с пришлым элементом своими многовековыми правами и привилегиями. Ещё в апреле 1917 года Войсковой съезд принял резолюцию, в которой подчеркивалось, что “все земли казачьих войск., как историческое достояние казачества, составляют неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска”.

Для борьбы за равные права с казачьим населением, в мае 1917 года в Уральске был образован Совет крестьянских и иногородних депутатов. Казачье правительство по ряду важнейших вопросов не раз пыталось найти с ним компромисс, но слишком полярными были взгляды на текущие проблемы у этих политических структур, слишком разными цели и задачи.

Войсковой съезд 28 октября 1917 г. не признал октябрьского переворота, открыто заявив, что стоит на позиции Учредительного собрания и впредь до его созыва провозглашает на территории Войска автономию. Между тем приход в центральной России к власти большевиков подарил надежду на изменение обстановки другим социальным группам населения. К февралю 1918 года советская власть была установлена на территории соседних губерний - Саратовской и Самарской, а также в Оренбургской области (причём в последней зарождавшиеся красные войска разбили отряды атамана А.И. Дутова, заставив его отступить в Тургайские степи).

В феврале 1918 года в Уральске был создан Совет ра-

бочих, солдатских и крестьянских депутатов, высказавшийся за признание в области советской власти. Войсковому съезду было выражено недоверие, как органу, большевицкой власти не признавшему. Члены Совета установили связи с руководителями советской власти в Москве и Саратове, получая оттуда деньги на пропаганду и агитацию за новый режим. Среди населения области они опирались на иногородних, солдат-фронтовиков, вернувшихся с войны, рабочих Уралья. Однако никакой реальной силой (политической или военной) зародившийся Совет не обладал, больше нагнетая страсти различными громкими воззваниями и немногочисленными митингами. Уральский Совет постоянно стремился вмешиваться во все стороны жизни области, подчас издавая распоряжения, прямо противоположные мнению Войскового съезда.

Несмотря на такое вмешательство во внутренние дела Войска, Войсковой съезд не стремился к обострению обстановки, и на это у него было веские причины. Прежде всего, у него почти не было вооружённой силы, на которую казацкие руководители могли бы опереться. Прибывавшие до февраля 1918 года с Германского фронта казацкие полки распустились по домам, в Уральске оставались для ликвидации дел лишь их хозяйственные части и канцелярии. Был распущен и 10-й запасной Уральский казачий полк, во время войны стоявший в столице Войска и являвшийся опорой Войскового съезда. Правда, в Уральске были созданы бюро казачьих фронтовиков и несколько малочисленных партизанских отрядов, преимущественно из офицеров и молодёжи. Они несли дозорную службу и разведку, располагаясь преимущественно на пограничных войсковых станциях по линии железной дороги Саратов-Уральск. Эти-то небольшие воинские силы и являлись, по сути, единственной опорой казачьего правительства.

В довершение всего, у казачьих отрядов не хватало вооружения, не было орудий, была большая нехватка в патронах и денежных средствах, необходимых для покупки недостающего снаряжения за пределами Войска. Казачье руководство прекрасно понимало, что военный конфликт с советской властью практически неизбежен, но, тем не менее, всячески старалось не допустить обострения обстановки, в ряде незначительных вопросов идя на уступки и компромиссы с Уральским советом.

Видя нерешительность Войскового съезда, свободно функционировавший Уральский совет, проводящий явную антиказачью политику на казачьей земле, всё более чувствовал себя хозяином положения, рассчитывая в случае вооружённого противостояния на помощь саратовских большевиков. Но видимые переговоры между двумя сторонами ещё продолжались. Так, 14 февраля 1918 г. в Уральск приехала делегация из Саратова во главе с М. Усановым, выдвинувшая Войсковому съезду ряд заранее неприемлемых требований (прежде всего, требование установить в Уральской области советскую власть). На выполнение их съезд пойти не мог, но его депутаты снова не стали прерывать переговоров с большевиками, стараясь оттянуть время в надежде лучше подготовиться к военному конфликту и надеясь на перемену обстановки в соседних областях.

Но набирающие силу новые "хозяева земли русской" ждали больше не хотели - тем более, что к весне 1918 года всё настойчивей зазвучали голоса представителей Уральского совета о немедленном вооружённом выступлении. В силу ряда причин, прежде всего из-за неустойчивого положения в Саратове, саратовские большевики ещё не были готовы выступить против уральских казаков, но тут неожиданно помощь Уральскому совету пообещали оказать из Оренбурга. Имея после победы над атаманом А.И. Дутовым организованные военные части, опытные лёгкими успехами, красногвардейские отряды из Оренбургской области были готовы к вторжению на территорию Уральского казачьего войска.

В начале марта Уральский Войсковой съезд получил ультиматум от председателя военно-революционного комитета в Оренбурге комиссара С.М. Цвиллинга: "Уральск. Войсковому правительству. Именем Российской социалистической республики предлагаю вам в течение двух суток признать советскую власть, разоружиться и распустить мобилизованные казачьи полки. Если это не

будет выполнено, то вас ожидает участь города Оренбурга. Будут двинуты силы из Оренбурга и Саратова и тогда ни один юнкер и офицер не останутся в живых. Казакам предлагаем немедленно сдаться. Начальник штаба рабоче-крестьянской армии, народный комиссар Цвиллинг". Содержание и тон ультиматума были для казаков неприемлемыми, и заранее можно было предположить, что он будет отвергнут. То есть вторжение красных отрядов на казачью территорию было ими заранее подготовлено.

Войсковое правительство собралось на экстренное заседание - для него этот ультиматум и его возможные последствия были неожиданными. Войско готовилось к войне, которая признавалась всеми неизбежной, но не было к ней готово. Поэтому депутаты снова решили выиграть время, завязав переговоры с Оренбургом, как до этого были выстроены отношения с большевицким Саратовым.

В Оренбург отправлена была ответная телеграмма: "Срочно. Оренбургскому Начальнику штаба Рабоче-крестьянской армии Цвиллингу. Краевая областная организация в виде совета казачьих, киргизских и крестьянских депутатов организована и признается большей частью населения области. В Москву отправлена специальная делегация для установления основ взаимоотношений центра и области на автономных началах. Воинские части обслуживают задачи охраны и безопасности. Ваше требование принято с недоумением и считаем его результатом недоразумения. Посылается для выяснения в Оренбург делегация во избежание разных недомолвок и кривотолков".

Но красный Оренбург не желал ждать. 10 марта 1918 г. по прямому проводу комиссар Цвиллинг заявил представителями Войскового съезда, что срок ультиматума вышел и на уральскую территорию послан вооружённый отряд, а за ним последует и другой. Действительно, в тот же день красный отряд перешёл уральскую границу, заняв город Илек на севере войсковых земель. Делегация Войскового съезда, выехавшая навстречу красным, узнав об этом, повернула обратно.

* * *

Илек был выбран красным командованием для захвата по нескольким причинам. Это был небольшой, но довольно важный населённый пункт, считавшийся столицей так называемой Илецкой казачьей общины. Илек был третьим по величине, после Уральска и Гурьева, городом в области, с населением около 10 тысяч человек, и находился всего в 12 верстах от границы Уральского Войска с Оренбургской областью, что способствовало как быстрому отступлению в случае неудачи, так и поддержке передового отряда другими частями. Большевики полагали, что с занятием Илека они подчинят своему влиянию ближайшие станицы - Студеновскую, Мустаевскую, Мухрановскую, Благодарновскую - и, обеспечив тем самым свой тыл, смогут продолжить движение на Уральск.

Итак, в субботу 10 марта отряд красных без малейшего сопротивления вошёл в Илек. Приход красноармейцев для местных жителей стал полной неожиданностью. Большинство казаков было плохо осведомлено о текущих событиях, ни о каком ультиматуме из Оренбурга по области никто не слышал. Войско в то время ни с кем военных действий не вело, поэтому местные жители крайне встревожились, увидев вооружённый отряд на улицах мирного городка.

Незванные гости везли с собой несколько подвод с оружием для раздачи его своим будущим сторонникам - иногороднему населению Илека, составлявшему порядка 10-15 % жителей городка.

Настроения уральских казаков красным были малоизвестны - в военных действиях против большевиков к марту 1918 года участия они ещё не принимали, но и советскую власть не признавали.

Чтобы придать хоть какую-то легитимность вооружённому захвату городка, в Оренбурге было объявлено, что "Военно-революционным комитетом получены сообщения, что в окрестностях Илека сосредоточены отряды юнкеров и офицеров, которые беспокоят и нападают на ближайшие села..." Конечно, никаких нападений на соседние села не было, как и вооружённых отрядов в Илеке, о чём красным было отлично известно.

Красным отрядом командовали комиссары В.Н. Ходаков

и А.Е. Левашов. Численность его в разных источниках называется самая различная. Так, Л.Л. Масянов говорит о 580 человек при 12 пулемётах, Н.А. Дорошин и П.А. Фадеев - о 800 человек пехоты, полсотни конницы при трёх пулемётах. Но эти данные представляются преувеличенными. После сопоставления всех доступных источников, наиболее вероятно, что численность красного отряда составляла примерно 200 человек при 8 пулемётах. Заняв Илек, красные расположились большими группами в его центре и расставили патрули по окраинам, а их караулы заняли почтово-телеграфное отделение. Также немедленно был занят дом богатого купца И.И. Ясникова и местный клуб, в котором расположился штаб отряда.

После полудня комиссар приказал собрать на главной площади Илека станичный сход. Явилось огромное количество жителей, казаков и иногородних. Сход вызвал для дачи объяснений командира отряда. От лица пришедших выступил окружённый вооружёнными красногвардейцами комиссар Ходаков - *"мужчина в довольно рваном костюме, с оплывшим не то от ветра, не то от пьянства лицом"*. Он никак не мог объяснить сходу свои документы, в которых было сказано, что он командирится в Илек для взыскания контрибуции, реквизиции хлеба для своих голодающих братьев в Ташкенте и введения советской власти. Кто подписал документы комиссара и кем они были выданы, не знал и сам Ходаков, так и не ответивший на вопросы возмущённого населения. Однако он настоял на том, чтобы сход рассмотрел поставленные вопросы.

Мнение большинства жителей Илека выразил выступивший казак Дьяконов: илецкие казаки неразрывно связаны с уральскими и не могут отдельно решить эти вопросы; если всё Войско признает советскую власть, то они тоже её признают. Насчёт хлеба было сказано, что казаки его сами имеют немного, а по вопросу контрибуции сход ответа вообще не дал, пообещав рассмотреть его отдельно.

Казачье население встретило требования красного комиссара крайне враждебно, однако среди иногородних раздавались голоса в поддержку новой власти.

Пока шло собрание, казаки узнали, что красные, наняв нескольких малолетних мальчишек, ходят по дворам и уже арестовали трёх офицеров, заявив при этом, что *"им осталось жить 24 часа"*. По требованию разгневанных жителей арестованные были тотчас освобождены.

Словесная перепалка между казаками и пришельцами готова была перекинуться в настоящее столкновение - ещё одним поводом к чему стало недовольство красных тем, что многие казаки пришли на сход в фуражках с кокардами, в погонах, в брюках с лампасами и т.д. На требования снять кокарды и погоны казаки отвечали отказом, страсти накалялись. Красноармейцы, предусмотрительно окружившие сход, вели себя вызывающе, *"возбуждая ротот негодовавшего населения"*. Как выразился один из казаков, *"прибыли неожиданные, незваные гости и начинают хозяйничать"*. Желая показать свою власть, комиссар Ходаков приказал подчинённым открыть огонь в воздух. Невооружённые казаки разбежались, но жертв избежать не удалось - видимо, шальной пулей был убит подхорунжий Фролов.

В тот же день был собран ещё один, закрытый сход, на котором присутствовали только казаки Илека. На нём все требования комиссара были в категоричной форме отвергнуты. Выработанная казаками резолюция гласила: 1. советскую власть они признавать не могут и доведут условия комиссара до сведений Войскового съезда и Войскового правительства; 2. реквизиции хлеба не допустят; 3. контрибуцию не признают. Более того, сходом были выдвинуты встречные требования начальству красного отряда. Было предложено прекратить начавшиеся обыски и аресты, снять свои патрули по городу, указать, на какое время прибыл отряд и т.д. Также было заявлено, что в случае нарушения в городе порядка его население выступит для защиты своих интересов.

Приговор схода в письменной форме был отдан комиссару отряда. Но тот, чувствуя за собой вооружённую силу, зная о поддержке местных иногородцев и о скором прибытии ещё одного отряда из Оренбурга, сделал ещё более жёсткие заявления в адрес казаков. Он заявил, что ответа из Уральска ждать не будет и, *"если казаки добром*

советской власти не признают, их заставят сделать это силой оружия", реквизицию хлеба произведёт в любом случае по твёрдым ценам или бесплатно, контрибуция также всё равно будет собрана, а в случае выступления казаков *"в Илеке не останется камня на камне"*. Было выдвинуто новое требование: к 14.00 11 марта казакам сдать всё имеющиеся у них оружие.

В тот же день был образован Илецкий совет, который должен был стать новой властью в городе. Подавляющее большинство его состояло из иногородцев, и только два казачьих депутата. Комендантом города и уездным комиссаром был назначен иногородний житель Илека Чукан (настоящая фамилия - Чуканов). Бывший заливщик галош, он за совершение ряда преступлений разыскивался жителями своего города и для избежания наказания был вынужден из него бежать. Теперь он вернулся в качестве представителя новой власти. Чукан сразу же реквизировал дом местного "буржуа" Ясникова, устроив в нём свой штаб. Одному из местных жителей он приказал запрячь тройку, в которой и разъезжал по своей новой вотчине. Его управление городом выражается в словах, сказанных одному из иногородних: *"Иди, Пашка, и бери корову у соседа, у него три, а у тебя ни одной"*. Так понимали новые хозяева жизни равноправие и социальную справедливость.

Вот как иронически описывал занятие красными Илека один из очевидцев:

Пришли ленинцы в Илек, больше 300 человек.

Весь отряд вооружён, всем оружием снабжён.

Местных жителей 600, к ним примкнуло - всякий сброд!

С ними выступил Чукан, всем известный хулиган.

Комиссар их - Ходаков, разорвать шел казаков.

И советов злую власть, думал здесь привить он всласть...

* * *

В противовес созданному большевицкому совету в ночь на воскресенье 11 марта 1918 г. тайно собравшиеся илецкие казаки выбрали комитет обороны. Многим из них уже стало ясно, что миром конфликт кончиться не может, и они были готовы защищать свою свободу с помощью оружия. Председателем комитета обороны был избран войсковой старшина Д.А. Балалаев, проживавший в Илеке после демобилизации и пользовавшийся большим уважением казаков, боевой офицер, участник русско-японской и Германской войн. Он сразу занялся подготовкой выступления.

Выяснилось, что огнестрельного оружия на руках у станичников очень мало - лишь 10-15 винтовок. Зато все фронтовики имели шашки, да ещё сохранились несколько пик в станичном правлении.

Утром 11 марта были посланы гонцы в соседние станицы с просьбой о помощи, сил только местных казаков могло и не хватить. Прапорщик Д.И. Чернобровкин был направлен в Уральск (150 вёрст).

Красные же чувствовали себя полноправными хозяевами Илека. 11 марта был запрещен выезд из города, который оказался фактически на осадном положении. Также была начата реквизиция хлеба у населения, и наложена контрибуция на местную "буржуазию" в размере трёх миллионов рублей.

Комиссар приказал расстреливать тех, у кого найдут оружие. В ночь на воскресенье и все последующие дни красноармейцы производили обыски с целью его обнаружения (всего было найдено шесть винтовок), аресты среди офицеров, зажиточных казаков и иногородцев. Было арестовано до 70 человек. Начались доносы, сразу появились "доброжелатели", заявлявшие, что тот или иной высказывались против большевиков. Священник был арестован за то, что у него на колокольне будто бы спрятан пулемёт.

Арестованные офицеры были помещены в здании клуба, где расположился штаб красных. В назидание другим был расстрелян за попытку побега сотник В.С. Юткин, кавалер трёх боевых орденов за отличия на Германском фронте. Остальные арестованные ожидали своей участи.

У арестованных горожан в открытую вымогали деньги за их освобождение. Добровольные помощники новой власти указывали на дома богатых жителей, где было, чем поживиться. Так, у купца Чельшева красные вымогали 400 тысяч рублей, у Ясникова - 200 тысяч и т.д.

Декларируемая красными цель - установление советской

власти - была только ширмой для неприкрытого грабежа населения. Вначале комиссар заявил казакам, что контрибуция будет взываться только у богатых горожан, но после стал требовать лошадей и 100 пар сапог для своего отряда, что ещё больше возмутило население. При обысках красные и присоединившиеся к ним иногородние отбирали коней, седла, шашки. Те, у кого и этого не было, ставались с другим имуществом, красноармейцы ничего не гнушались брать. В одной лавке ими были взяты пачка табака, два мешка белья, воз сена, пять пар сапог и т.д.

Чтобы привлечь на свою сторону наёмных рабочих, трудившихся на мельнице богатого купца Чельшева, красными было заявлено, что мельница теперь принадлежит им. Но это не помешало отобрать у тех же рабочих 37 лошадей, перевозящих на мельницу различные грузы.

Утром в понедельник 12 марта казаки вручили комиссару ультиматум, вынесенный комитетом обороны. В нём содержалось требование красному отряду покинуть станицу к 12 часам следующего дня. Но комиссар, ожидавший подкреплений, ответа не дал и, чтобы не дать казакам организовать, запретил населению выходить из своих домов, расставив караулы на всех входах и выходах из города. На окраине города были вырыты позиции, выставлены пулемёты. Активное участие в этом принимали иногородние жители Илека, которые хорошо знали его окрестности.

Весь красный отряд теперь насчитывал приблизительно 500 человек, считая около 200 пришедших из Оренбурга и около 300 присоединившихся к ним иногородних. Число последних, правда, по мере знакомства с новой властью постепенно сокращалось.

В эти дни оренбургские комиссары хвастливо заявляли, что "отряды наши двигаются на Уральск и предполагают занять Уральскую область в течение 2-3 дней". С этой целью они действительно направили в Илек на поддержку отряду Ходакова ещё один отряд в 350 штыков.

Казаки, зная, что к красным идёт второй отряд, медлить больше не могли. Войсковым старшиной Балалаевым был разработан план действий, согласно которому 13 марта казачьи отряды, спешившие на выручку Илека, должны были сосредоточиться на берегу Урала возле Чельшевской мельницы и по условному сигналу - церковному набату - двинуться в бой.

С утра 13 марта дружины и отряды из Студеновской, Иртецкой, Благодарновской станиц, Головского, Алексеевского, Яманского, Вязовского, Кинделинского, Бородинского, Герасимовского посёлков начали стягиваться к Илеку с правой стороны реки Урала (Илек стоит на левом, "Бухарском" берегу). Дружины были небольшого состава (например, отряд Иртецкого посёлка насчитывал 67 человек, Студеновская дружина - около 150 человек), но все пришедшие казаки были добровольцами и все готовы были сражаться до конца, чтобы очистить территорию войска от большевиков.

Возглавляли отряды выборные начальники-одностаничники, которых казаки знали и которым верили. Как правило, это были только что вернувшиеся с Германской фронтовики в небольших чинах - урядники, вахмистры, подхорунжие. Офицеров в отрядах практически не было.

От пришедших отрядов были высланы делегаты, предложившие комиссару красному отряду немедленно сдать оружие и покинуть пределы Войска. Не казаки были инициаторами последующего боя, наоборот, они несколько раз предлагали красным мирно уйти, но все их предложения отвергались. Красный комиссар был слишком самоуверен и надеялся на помощь со стороны Оренбурга.

К полудню вторника 13 марта казачьи отряды собрались на правом берегу Урала у Глинушкина сада и стали готовиться к атаке Илека, ожидая из города условного сигнала. Но время шло, а колокол молчал - под страхом смерти жителям Илека было запрещено покидать свои дома.

Как вспоминал один участник боя, "долго пришлось на холоде ждать... когда в Илеке ударит набат, по которому казаки должны были ринуться на Илек, но трудно было пробраться из города в отряд казаков и ещё труднее к колокольне". Спас ситуацию урядник Ермаков, под обстрелом большевических патрулей выбравшийся из Илека и рассказавший о положении в городе.

В это же время красные начали обстреливать казаков, и те в ответ решили немедленно атаковать, прямо по льду

Урала, Чельшевскую мельницу, где находился пулемётный отряд красных и их основные силы. Бой начался.

Пулемёты красных были поставлены на крыше амбара, наступавшие обстреливались также сильным ружейным огнём. Атакой казаков руководил командир Студеновской дружины, опытный фронтовик подхорунжий Т.Т. Тишков. По его приказанию, самые меткие из казаков старались выбить красных пулемётчиков, а в это время первая цепь наступавших казаков, состоящая из Студеновской, Кинделинской и Головской дружин, вооружённая в основном лишь холодным оружием, вилами и косами, бесстрашно пошла в атаку...

*Шли студеновцы вперёд - не страшил их пулемёт,
Кинделинцы с ними в ряд, глаза удалю горят,
Тут же головы в строю, парни храбрые в бою,
Помявшись враз пошли, белым снегом поползли...*

Первой цепью храбрецов командовал фронтовик урядник Студеновской станицы Пётр Загребин. Во многом благодаря его боевому опыту, выдержке и отваге атака увенчалась успехом. Вот как описывает урядник Г.Панферов его действия во время атаки:

*В битве храбростью своей, он берёт в цепи людей.
Беззаветно храбрым был, первый он врага теснил.
Лучше, он сказал, умрём, но Илек назад возьмем!*

Во время этой атаки выдающуюся храбрость проявил казак Степан Портнов, в одиночку бросившийся на пятерых красноармейцев с пулемётом. В неравной борьбе он застрелил красного пулемётчика, но и сам пал смертью храбрых, дав возможность казакам приблизиться и переколоть команду, защищавшую пулемёт. Героизм проявил казак Прокопий Колкатин, сражавшийся врукопашную один с шестью врагами, которые так и не смогли его победить. Мужество выказали и другие казаки, почти без оружия кидавшиеся на вражеские пулемёты и винтовки.

В то время, как часть казаков атаковала красный отряд прямо в лоб, отряд Головского посёлка во главе с фронтовиком урядником М.П. Горбачевым устремился во фланг большевикам, внося в их ряды замешательство. Окончательно же исход боя решил подход двух опоздавших дружин - Мустаевской и Бородинской. Стремительной атакой, несмотря на большие потери, Чельшевская мельница была взята. Красноармейцы были выбиты из их опорного пункта и бежали, оставив пулемёты и бросая на бегу винтовки.

Вот как об этом ключевом эпизоде боя вспоминал его непосредственный участник, урядник Ф. Попов: "Прошли посёлок Студеновский, остановились на льду. Дубов (командир отряда Бородинского посёлка - Д.Д.) сделал расчёт, дал указания, как действовать, и пошёл далее. Идем, а сердце замирает от волнений... Кто поёт песни, кто перебрасывается разговорами. А вот завиделось и роковое место - за лесом обрисовалась Чельшева мельница; и скачут зонцы, махая шапками кричат: "скорей, скорей, бой начался, спешите", и скачут далее.

Прибыв послешным шагом на место, Дубов спешил команду, разделил на два взвода, а сам поскакал к начальнику отряда за указаниями и, получив указания, повёл наш отряд прямо на угрожающий участок - Чельшеву мельницу. Под сильным огнём противника отряд наш вошёл в бой. Противник, увидев подкрепление, дрогнул, ослабил огонь, а станичники наши, увидев в нас поддержку, ринулись с криком "ура" вперёд.

Враги не выдержали натиска и в беспорядке пошли наутёк. Там на улицах города разразилась над ними законная расправа... Освобождённые жители самоотверженно ринулись на отступающих в беспорядке врагов и уничтожали их без пощады."

После взятия Чельшевской мельницы начался бой на улицах города. Загудел церковный колокол, на звон которого выскочили из своих домов многие жители Илека. Казаки и казачки с пешнями, вилами, косами бросались на пулемёты и винтовки красных бойцов. Среди сражавшихся казаков были женщины, подростки и глупые старцы. Особо отличился в бою полный Георгиевский кавалер, 84-летний боевой урядник Е.Д. Рожков; бок о бок сражались престарелый казак П.И. Павлычев и его сын Х.П. Павлычев, отец и сын Тишковы и многие другие.

Единой линии обороны у красного отряда не было.

Некоторые группы пытались дать отпор казакам на выгодных участках, другие стремились убежать из города, прятались по чердакам и подвалам. Кое-где красными была применена хитрость. Так, в одном месте боя ими был выкинут белый флаг, но при приближении казаков открыт огонь. Возмущённые бесчестным поступком, казаки жестоко расправились с побеждёнными.

Часть красноармейцев бежала к своему штабу, где попытались занять оборону. Здание штаба было взято приступом, все засевшие там были перебиты, а арестованные освобождены. Комендант Чуқан был заколот пеньей казаком В.Х. Савиным.

Некоторые красноармейцы, не надеясь на успех, с началом боя ускакали на Оренбург и тем самым спаслись. Одним из первых бежал с награбленным имуществом комиссар Ходаков, но далеко уйти ему не удалось. Он был пойман оренбургскими казаками в одной из ближайших к Илеку оренбургских станиц. При нём были найдены 65 тысяч рублей контрибуции. Ходаков был привезён обратно в Илек и убит его жителями.

Бой был закончен к 6 часам вечера. В числе трофеев казакам досталось много винтовок, 8 пулемётов, патроны и другое военное имущество. Перебиты были почти все пришедшие и присоединившиеся к ним - одних лишь убитых красноармейцев было около сотни. Пленных партиями приводили на площадь к станичному правлению.

Всю ночь и на следующий день в городе вылавливали прятавшихся красных. Схватенных ждала жуткая участь на берегу Урала. Их, *“подводя поочередно к проруби, били колотушкой по голове и пускали в прорубь”*. Как вспоминал Б.Н. Киров, *“казаки опускали пленного в прорубь, потом вытаскивали его и опять опускали, и повторяли это до тех пор, пока он не превращался в ледяной столб, а потом пускали под лёд”*. Жители Илека сполна отплатили за унижения и оскорбления, нанесённые новой властью за эти три дня. Пошадил лишь доктора, фельдшера и двух сестёр милосердия.

Казаки успели покончить с отрядом красных как раз вовремя. В ночь на 14 марта другой отряд красных в 400 человек пехоты, с пулемётами и двумя орудиями, двигавшийся из села Кулагина Покровской волости Оренбургской губернии, занял Мустаевскую станицу, недалеко от Илека. Командир отряда потребовал от жителей 200 подвод для своей пехоты, чтобы ускоренным маршем выступить с утра на Илек. Но, узнав о разгроме отряда Ходакова, спешно повернул восвояси.

После окончания Илецкого боя были посланы в Уральск казаки с рассказом о случившемся. В это время оттуда уже шла помощь - в Илек были направлены сотни казаков и много добровольцев-офицеров.

Потери во время боя были и среди казаков, много раненых, которым требовалась помощь. В Уральске 15 марта был организован санитарный отряд для посылки в Илек, в составе двух врачей и двух медсестёр, было выделено пять тысяч рублей на медицинские расходы.

Особенно большие потери понесли отряды из

Урядник
Е. Д. Рожков

Головского, Кинделинского посёлков и Студеновской станицы. Например, особо отличившаяся дружина Головского посёлка Мухрановской станицы потеряла убитыми 12 человек во главе с начальником дружины урядником М.П. Горбачёвым и 5 ещё были ранены.

По решению Войскового съезда от 18 марта 1918 года всем семьям убитых и раненых казаков было выделено единовременное пособие по 200 рублей на каждого члена семьи. В различных уголках Уральской области население собирало свои жертвоприношения. Так, атаман Уральской станицы собрал по подписным листам в пользу семей убитых в Илеке 3232 рубля 26 копеек, жители Трекинской станицы собрали 421 рубль 95 копеек и т.д. В столице Войска 8 апреля прошёл благотворительный симфонический концерт, организованный профсоюзом музыкантов Уральска под управлением Н.А. Свешникова.

Исключительно важную роль в победе казаков сыграл войсковой старшина Д.А. Балалаев. Как отмечал депутат Войскового съезда В.А. Калинин - *“Успех организации станиц, выдержка, порядок и удача действий во многом зависела от него”*. За отличия, оказанные в Илецком бою, Войсковой съезд на заседании 29 марта 1918 г. произвёл Д.А. Балалаева в чин полковника. Это было первое производство по решению Войскового съезда в начавшейся Гражданской войне.

События в Илеке нашли отражение и в народном творчестве уральцев. Помимо многочисленных воспоминаний очевидцев, рассказов, в которых вымысел нередко намного превосходил реальность, были созданы стихи, частушки и т.п. Осенью 1918 года урядником Г. Панферовым была написана целая поэма “Илецкий бой”, выпущенная Войсковым издательством отдельной книжкой.

Значение Илецкого боя было огромно. Уральские казаки впервые на практике познакомились с советской властью, властью насилия и террора. Поведение большевиков открыло глаза тем, кто был ещё одурманен красивыми революционными лозунгами, на истинную их сущность. Успех первого боя воодушевил казаков, спаял их ряды, показал всем, в том числе и соседям - оренбургским казакам, что красных можно побеждать. Излишняя же, может быть, жестокость по отношению к пленным показала: казаки будут беспощадно бороться за свою свободу, надолго отбив желание других красных отрядов хозяйничать на казачьей земле.

Вот как оценивал результаты боя корреспондент газеты “Яицкая Воля”: *“Первый бой под Илеком имел для нас громадные результаты. Он не только выразил настроение наших казаков, их отношение к большевицким бандам, он не только дал толчок, который всколыхнул всё Войско, объединил его в одном порыве. Он, кроме всего этого, дал нам союзников. Пограничные с нами оренбургские станицы вынесли постановление о совместных действиях с уральцами, мобилизовались, разбили один из шедших на Илек красногвардейских отрядов и сами ныне переходят в наступление”*.

Д. Дубровин

История одного предательства

В современной литературе, посвящённой Гражданской войне на территории Уральского казачьего войска, устоялось мнение, что подавляющее большинство уральских казаков не приняли большевизма и отчаянно сражались с красноармейцами почти два года. Обычно отмечается и то, что случаи перехода уральских казаков на сторону красных были очень редки.

Между тем случаи перехода на сторону красных уральских казаков довольно регулярно стали происходить ещё с осени 1918 года - то есть ещё до падения Уральска и практически полного разложения казачьей армии. Конечно, случаи эти носили не массовый характер, но известны несколько эпизодов, когда на сторону врага перешли целые группы казаков.

В наименьшей степени была подвержена большевицким идеям офицерская казачья масса, которая не верила посулам красных и выполняла свой долг в рядах Ураль-

ской армии до конца. И положение такое сохранялось почти до последних дней войны. Но и из этого общего правила было исключение - переход в декабре 1919 года на сторону советских войск группы хорунжего Зузанова. Почему это произошло, и кто же такой был офицер Зузанов, которого уральский историк П.А. Фадеев сравнил с Мазепой (местного масштаба)?..

Пётр Лукич Зузанов родился 16 июня 1895 г. в Уральске, в семье коренного казака, служившего в Войсковой обмундировальной мастерской. Первоначальное образование он, по всей видимости, получил дома, сдав в 1915 году экзамены на вольноопределяющегося при Уральской мужской гимназии. После успешной сдачи экзаменов Пётр Зузанов имел право сам решать, в какой полк отправиться на службу. Обычно в таких ситуациях молодые казаки рвались на фронт Германской войны, в один из девяти находившихся там уральских казачьих

полков, стремясь проявить себя на поле брани, получить боевые награды. Но сын швальника думал иначе. Так как служить всё равно нужно было, "вольнопёр" Зузанов выбирает местом службы 90-й пехотный запасной полк, куда он и был зачислен "охотником" в конце февраля 1916 года. Для человека, не хотевшего воевать, выбор более чем удачный - и от фронта далеко, и от уральских казаков, которые могли бы заподозрить его в трусости.

В запасном полку Пётр Зузанов окончил курс учебной команды военного времени (сокращённый), и потом по собственному желанию был командирован в Чистопольскую школу прапорщиков. Это была школа чисто военного времени. Из-за большого числа выбывших из строя офицеров, армии постоянно нужно было пополнение офицерских рядов. В связи с этим в России были созданы школы прапорщиков, в которых на краткосрочных курсах давалась минимальная теоретическая подготовка. Выпускались из таких школ офицеры военного времени - не имевшие, по мнению кадровых офицеров, достаточных знаний для занятия офицерских должностей.

24 декабря 1916 года Пётр Зузанов был произведён за успехи в науках в унтер-офицеры, а 13 января 1917 года, по окончании четырёхмесячного курса наук по 1-му разряду, приказом по Казанскому военному округу был произведён в прапорщики. Начальство распределило Зузанова по окончании школы прапорщиков в 124-й пехотный запасной полк - и, таким образом, даже остаток войны новоиспечённый офицер провёл в тылу, так и не побывав на фронте Великой войны.

Как и где встретил революцию прапорщик Зузанов, до конца не ясно. По всей видимости, после окончательного развала Императорской армии он в конце 1917 или начале 1918 года возвращается в Уральск, в дом своего отца на Вокзальной улице.

Когда на уральской территории началась Гражданская война, уклоняться от службы в зарождавшейся казачьей армии стало уже невозможно. Зузанов был зачислен младшим офицером в 7-й Уральский конный льготный полк Уральской армии и произведён в чин хорунжего. Этот полк состоял из казаков Уральской, Каменской и Круглоозерновской станиц, и офицеров туда подбирали из уроженцев этих мест. Полк почти всё время воевал на Саратовском фронте, прикрывая подступы к Уральску.

Как воевал хорунжий Зузанов, неизвестно, сохранившиеся документы и воспоминания участников событий хранят по этому поводу полное молчание. Ни в списках отличившихся в боях, ни в списках раненых его фамилия не встречается.

После прихода в марте 1919 года к власти в Войске атамана В.С. Толстова Уральская армия получила новую организационную структуру. Почти все старые полки были расформированы, в том числе и 7-й Уральский конный льготный полк. Были образованы новые войсковые соединения - корпуса и дивизии, а офицеры расформированных полков переведены в другие части или зачислены в резерв чинов армии. Хорунжий Зузанов в марте 1919 года был переведён в штаб 2-й Уральской казачьей дивизии на должность коменданта штаба.

Не совсем понятно, что способствовало этому новому назначению. Может быть протекция начальства, возможно, склонность Зузанова к штабной, кабинетной работе. Во всяком случае, был он вполне здоров и мог бы продолжать воевать в строю, но волею судьбы оказался на службе в штабе.

2-я Уральская казачья дивизия была одной из самых боеспособных на Уральском фронте. Не перечислять боёв и сражений, в которых её полки принимали участие и из которых выходили победителями. Дивизию бросали на самые ответственные и трудные участки фронта, и она всегда с честью выходила из любого положения.

Именно полки 2-й Уральской казачьей дивизии, как наиболее сильные в качественном и количественном плане, составили в сентябре 1919 года основу ударной группировки казачьих частей во время знаменитого рейда на Лбищенск. Результат рейда превзошёл самые смелые ожидания командования Уральской отдельной армии. В ночь на 5 сентября 1919 г. в Лбищенске был разгромлен штаб 25-й стрелковой дивизии, погибли её начальник Чапаев, комиссар штаба, ответственные политработники и ряд коман-

диров. Огромной была и взятая в бою военная добыча.

В штабе советской дивизии были взяты в плен две машинистки, совсем молодые барышни. Одну из них, уроженку Уфы Зинаиду Фёдоровну Иванову, взял себе в качестве "военной добычи" хорунжий Зузанов. Участвовал ли сам Зузанов в Лбищенском бою неизвестно, но трофеями себя не обделил. 22-хлетняя Зина Иванова так понравилась 24-летнему хорунжему, что взял её под своё покровительство, а потом и открыто стал с ней жить.

Но после Лбищенского рейда служебная карьера Зузанова пошла вниз. Из штаба его в сентябре 1919 года перевели в строй - младшим офицером в Уральский пеший полк. Сам он потом уверял, что из-за его покровительства пленным красноармейцам, но это вряд ли. Как вспоминал потом бывший начальник 2-й Уральской дивизии полковник Т.И. Сладков, Зузанов "отличался" на службе в дивизии слишком большой "хозяйственностью", особенно в присвоении чужого имущества.

В Уральском пешем полку обиженный Зузанов вскоре повёл агитацию за отказ от перехода в наступление, убеждая казаков, что красные части сильнее и всё равно победят. Современники утверждают, что такому повороту в его поведении сильно способствовала пленённая красная машинистка. Якобы именно она склонила его на переход к красным и принятию большевицких позиций.

Тем не менее, Зузанов решился на переход в стан врага, когда гибель Уральской армии не вызывала уже никаких сомнений. К декабрю 1919 года началось новое наступление красных частей, ими были взяты ряд посёлков по тракту Уральск-Гурьев, а также Лбищенск. Казачья армия таяла с каждым днём от тифа, сказывалось отсутствие продовольствия, недостаток людских ресурсов, материальных и технических средств.

Хорунжий Зузанов находился со своим полком в тылу основной группы казаков, защищавших фронт. Он решил не просто остаться в посёлке при оставлении его казаками, а перейти фронт с боем, заслужив тем самым прощение у красных. Зузанов смог подговорить к переходу группу казаков из Уральского и Гурьевского пеших полков - порядка 30-35 человек, с тремя пулемётами.

Перейти линию фронта было не так-то просто, и хорунжий Зузанов со своей группой решил переправиться через Урал на Бухарскую сторону, которую прикрывал слабый в численном составе Учебный конный полк Уральской армии. Отряд Зузанова напал на караул от полка, обезоружил его, захватил в плен одного казака, после чего поехал сдаваться. Однако несколько человек из караула успели убежать и сообщить о нападении командиру Учебного конного полка. Тот сразу же организовал погоню за перебежчиками и смог навязать им бой.

Зузанов же, со своим денщиком Григорием Колпаковым и ещё двумя казаками прибыл в 15 часов 2 декабря 1919 года в посёлок Горячинский, где в то время располагалась 2-я бригада 25-й стрелковой дивизии. Зузанова провели к командиру 217-го стрелкового советского полка, которому он рассказал, что является командиром подпольного революционного отряда, состоящего из казаков из Уральского и Гурьевского пеших полков Уральской отдельной армии, что весь отряд его хочет перейти на сторону красных, что готовы к переходу казаки с тремя пулемётами расположились на Бухарской стороне Урала в киргизском ауле № 4, в 7 верстах юго-восточнее Горячинского, и будут ждать его с поддержкой от красных частей, так как казаки пешие и перейти пешком линию фронта не могут.

Во время этого разговора в Горячинский прибыли ещё два казака из подпольного отряда Зузанова, которые сообщили, что отряд окружён уральцами, оставшимися верными присяге, и около аула завязался бой. Тотчас для поддержки отряда перебежчиков командир 217-го полка выделил Зузанову эскадрон кавалерии - но, когда он прибыл к аулу № 4, ни отряда подпольщиков, ни верных атаману казаков уже не застал. С наступлением темноты эскадрон с хорунжим Зузановым вернулся в Горячинский. В 19 часов к красным прибыл ещё один казак, который сообщил, что отряд Зузанова под натиском казаков отошёл с боем из аула и расположился в землянках беженцев, вырытых на берегу Урала в трёх верстах от Горячинского. На следующий день "подпольщики" соединились с красными.

Добровольный переход к красным казачьего офицера, да не одного, а с командой распропагандированных им казаков, поднял авторитет Зузанова в глазах красного командования. О нём было доложено в штаб наступавшей красной группы. Прибыв туда на другой день, Пётр Зузанов подробно обрисовал ситуацию в Уральской армии, рассказал о численности, составе и положении казачьих войск, их командном составе, настроении в частях и т.д. Эти сведения во многом помогли красным при дальнейшем наступлении.

Таким поведением Зузанов полностью заслужил доверие у своих новых начальников. Он был прощён и сразу же получил в командование взвод кавалерии, во главе которого уже 4 декабря выехал на разведку поселка Мергеневского, где оборонялись казаки. Не доезжая до Мергенева 6-7 вёрст, взвод Зузанова повстречался с разездом казаков 1-го Партизанского конного полка Уральской армии. Зузанов, не доезжая до разъезда, вызвал из него двух казаков, которым вручил письма агитационного характера и большевицкую литературу. Так началась его служба в Красной армии...

Гражданская супруга Зузанова Зинаида Иванова продолжала находиться в Уральской армии и перешла к красным лишь в середине декабря 1919 года, оставшись в покинутом казаками Калмыкове.

В дальнейшем Пётр Зузанов участвовал в занятии красными оставшейся территории Уральского войска, дойдя с 25-й советской дивизией до Гурьева. Со взятием последнего официально Гражданская война на территории Уральского Войска закончилась.

Пётр Зузанов вернулся в Уральск, где вскоре получил новое назначение. Весной 1920 года здесь был сформирован кавалерийский полк для выступления на войну с Польшей, с которой сражалась молодая советская республика. Полк состоял, по большей части, из пленных уральских казаков, ещё недавно воевавших против красных в рядах Уральской армии. После плена и "фильтрации" в концлагерях Уральской области, многие из них были "прощены" и, дабы "искупить свою вину перед рабоче-крестьянской властью", зачислены во вновь сформированный Уральский крепостной казачий советский полк.

Командиром этого полка был назначен бывший ураль-

ский офицер, хорунжий М.В. Трофимов, помощником командира полка - бывший хорунжий Пётр Зузанов. В июне 1920 года полк был отправлен на Западный фронт.

По прибытии на театр военных действий Уральский полк зарекомендовал себя с лучшей стороны. Уже 6 июля красные уральские казаки отличились в бою под станцией Сновидовичи, когда две их сотни сумели прорвать польские укрепления, а потом участвовали в преследовании отступающих белополяков. Потери уральцев в этом бою были минимальны, а уральские советские газеты запестрели заголовками: "Слава и честь красным казакам Уральского казачьего полка, храбро сражающимся на Западном фронте!.."

Но вскоре положение изменилось. Командир Уральского полка товарищ М.В. Трофимов был повышен в должности, став командиром бригады, а полк принял его бывший помощник Пётр Зузанов.

В августе того же 20-го года Зузанов погиб на фронте. Обстоятельства его гибели точно неизвестны. По официальной версии, это

произошло во время набега в тыл неприятеля; по неофициальной - он был убит своими же казаками за измену и предательство. В пользу последней версии свидетельствует то, что уже через несколько дней после гибели своего командира Уральский крепостной казачий советский полк в полном составе перешёл на сторону поляков, при этом весь политический состав полка был казаками арестован.

Советская власть быстро забыла своего "героя". Кроме кратенького некролога в газете "Красный Урал", о Петре Зузанове больше не вспоминали. И дело тут не только в казачьем происхождении. Ведь до сих пор в Уральске остаются улицы казаков, воевавших на стороне советской власти - Почиталина и Неусыпова. Видимо, даже для самих красных поступок хорунжего Зузанова, предавшего своих товарищей по оружию в критический момент для Уральской армии, смотрелся откровенно подлым...

Что же говорить тогда о его бывших соратниках по борьбе против большевиков! Они отомстили ему - не только физически, но и исторически. Как написал в своих мемуарах летописец Гражданской войны на Урале П.А. Фадеев, имя Зузанова "покрыто вечным позором" в истории Уральского казачества.

Д.Д.

Красные уральцы

А т а м а н Ш у п л я к

Родился будущий атаман в 1874 году в станице Пашковской. Его предки в числе первых казаков основали Пашковское куренное селение. Перепись казаков Черноморского казачьего войска, произведённая в марте 1794 года, упоминает две семьи по этой фамилии.

В истории Пашковской имя Ивана Лаврентьевича Щупляка оказалось неоправданно забыто. Лишь старожилы ещё помнят, что нынешняя улица Космонавтов прежде называлась Сталина, а ещё раньше - Щупляковской. И названа она, разумеется, была так не потому, что на углу этой улицы и Запорожской жил последний атаман станицы. И до него были атаманы. Но лишь И.Л. Щупляк был удостоен такой чести за заслуги перед станичным обществом.

Пашковское станичное общество избирает атаманом Ивана Лаврентьевича Щупляка в 1910 году, в возрасте 36 лет - лишь авторитет и известность среди станичников определили высокое доверие пашковчан достаточно молодому ещё казаку. Прежний атаман, А.М. Лысенко, досрочно оставил пост из-за семейных проблем, уйдя, выражаясь современным языком, "в бизнес" (в сфере транспорта). Многие, что было начато А.М. Лысенко, необходимо было продолжить для блага станичного общества. Так они потом и трудились совместно: А.М. Лысенко в реализации задуманных проектов, а И.Л. Щупляк как главный администратор.

Население станицы насчитывало в это время 16 383 человека, из которых 30% - иногородние. Пашковская быстро развивалась, росло население, действовали промышленные

и торговые предприятия, учреждения образования и культуры. Все это требовало внимания, заботы и инициативы со стороны атамана.

Окрестности станицы Пашковской изобиловали залежами прекрасной жёлтой глины, пригодной для развития гончарного ремесла и производства кирпича. Если для своих хозяйственных нужд станичники добывали глину на южной окраине Пашковской - в так называемых "глиныщах", то на берегу Кубани были огромные запасы глины, пригодной для промышленного производства.

Ещё И.Д. Попко в книге "Черноморские казаки в их гражданском и военном быту" в 1858 году отмечал, что пашковские гончары славились на весь Северный Кавказ. Их изделия - кувшины, кринки, глечики, макитры - можно было встретить на ярмарках Екатеринодара, Ставропольской губернии, в станицах и горских аулах Закубанья.

По инициативе И.Л. Щупляка Пашковское станичное общество строит кирпичный завод - который, кстати, до сих пор действует. Вслед за этим атаман приступает к строительству школ - так в станице было построено кирпичное здание школы №1 (ныне старое здание школы №57) на западной окраине, в котором сейчас медицинское учреждение. Это большое здание с огромными окна-

ми и светлыми классами, в котором обучалось не одно поколение пашковчан. Такой же добротностью отличалась и построенная при атамане И.Л. Щупляке школа № 2 (ныне школа № 59) на углу улиц Базарной и Гоголя, а также школа в тупике (ныне школа № 7). Эти учебные заведения до сих пор действуют.

По размаху строительства школ станица Пашковская в то время не имела себе равных - вопросам грамотности правление и атаман уделяли большое внимание. И.Л. Щупляк входил в попечительские советы всех пашковских школ, часто посещал их, оказывал всяческую помощь. Для своего времени это были лучшие школы, в которых учились казачьи и неказачьи дети.

В семейном архиве внучки атамана И.Л. Щупляка Бородиной Раисы Михайловны сохранилась фотография атамана с учителями школы № 1. Какое прекрасные лица смотрят на нас! Здесь и интеллигентность, и культура педагогов.

Кирпич, произведённый Пашковским кирпичным заводом, использовался и при постройке Свято-Екатерининского собора в Екатеринодаре. Старики вспоминают необычайную прочность кирпича, его "звонкость" - результат умелого его обжига. До сих пор построенные из этого пашковского кирпича здания не подвержены разрушениям временем и непогодой.

Пашковский казачий род Щупляков был крепкий и многочисленный. И.Л. Щупляк имел 16 братьев и сестёр, состоявших в родственных связях с фамилиями Дашко, Опонах, Гетьман, Лапа, Литвиненко и др. В семье самого Ивана Лаврентьевича было 12 детей: Яков, Марфа, Анна, Павел, Ефросинья, Михаил, Алексей, Трофим, Иосиф, Константин. К сожалению, имена самого старшего и самого младшего сыновей установить не удалось. Фотография 1916 года запечатлела семью атамана.

И.Л. Щупляк был, по воспоминаниям стариков, прекрасным семьянином. Много внимания уделял детям, приобщая их к труду. Семья вела своё хозяйство без привлечения какой-либо посторонней силы. Семейный надел располагался за Карасуном - там, где сейчас НИИ масляничных культур. Иван Лаврентьевич вместе со своим братом Леонтием (а у того тоже была большая семья) усердно трудились, помогая друг другу, и жили неподалеку друг от друга.

Как атаман станицы, И.Л. Щупляк был внимателен к нуждам станичников. Всякий мог попасть к нему на приём, и он старался всем помочь.

11 ноября 1916 года Пашковскую по приглашению станичников посетил Великий Князь Николай Николаевич (дядя Императора Николая II), Великие Княгини Анастасия Николаевна, Милица Николаевна, Великий Князь Петр Николаевич.

Дело было так: по прибытии высоких гостей в Екатеринодар, на вокзале их встречали атаман Кубанского казачьего войска М.П. Бабич, почётный караул и представители станиц, среди которых была и делегация станицы Пашковской во главе со своим атаманом. К тому времени во многих станицах Кубани Великий Князь Николай Николаевич был зачислен Почётным стариком. А вот пашковчане, кроме того, поднесли ему Приговор о зачислении Его Высочества к коренным казакам станицы с земельным наделом. Узнав, что до Пашковской недалеко, Его Высочество выразил желание побывать в ней.

В Пашковскую Великий Князь и сопровождающие лица отправились на трамвае. При выходе из вагона их встречали ученики с цветами, у станичного правления стояли старики. И.Л. Щупляк вспоминал потом: "На всю жизнь останется у меня в памяти этот радостный день, когда мне пришлось быть лицом к лицу с Его Высочеством и просто вести беседу о нуждах казачества".

Великий Князь много расспрашивал казаков о делах станицы и её благоустройстве, похвалил за устройство

артезианского колодца и водопровода. Посетил он и Введенский храм.

Выйдя из храма, Николай Николаевич пожелал побывать в доме у кого-либо из казаков. Атаман И.Л. Щупляк предложил пройти в хату казака Сергиенко - маленькую, крытую камышом, с низкой дверью. Великий Князь, наклонившись, вошёл в хату, в которой была только жена Сергиенков будничном одеянии с 4-летним мальчиком. От неожиданности хозяйка растерялась. Его Высочество осведомился о хозяине. Гости расспрашивали хозяйку, осмотрели хату, фотографии на стене. По желанию Великого Князя хозяйка дома со своим сыном была сфотографирована вместе с ним.

Затем Николай Николаевич посетил дом казака Мороза, хозяин которого предложил гостям ответить хлеб-соль.

И.Л. Щупляк трижды избирался атаманом станицы. После революции, в годы репрессий против казачества, семье бывшего атамана - во многом благодаря тому уважению, которое испытывали к нему и казаки, и иногороднее население Пашковки - удалось уцелеть. В 20-е годы Иван Лаврентьевич работал бухгалтером в потребительской кооперации в станице Северской и хуторе Яблоновском. Однако с началом т.н. "раскулачивания" в конце 20-х годов власти вспомнили и о бывшем атамане. 20 апреля 1930 г. И.Л. Щупляк был арестован сотрудниками ОГПУ и необоснованно обвинён в причастности к контрреволюционной организации, ставившей целью "свержение советской власти путём вооружённого восстания".

По решению "тройки" ОГПУ Северо-Кавказского края в октябре того же года Щупляк И.Л. был приговорён к высшей мере наказания - расстрелу. Дата и место приведения приговора в исполнение неизвестны, как и то, где он захоронен.

Как только Иван Лаврентьевич был арестован, семья его сразу же была выселена из дома. Тех из детей, кто к этому времени жил отдельно и имел свои семьи, тоже не оставили в покое.

Сын Яков Иванович Щупляк дважды арестовывался, потом вынужден был скрываться и жить нелегально. Его жену Александру Львовну, казачку, урождённую Симак, выгнали из дома с двумя маленькими детьми, не разрешив взять с собой ничего из вещей. Лишь в середине 30-х годов преследования прекратились, и Яков Иванович построил небольшую хатенку, в которой и проживал с семьёй до глубокой старости. Работал слесарем в кубанском пароходстве почти 50 лет.

Именно Яков Иванович добился реабилитации своего отца. 26 февраля 1990 г. уголовное дело в отношении Ивана Лаврентьевича было пересмотрено прокуратурой и органами УКГБ СССР по Краснодарскому краю. Бывший пашковский атаман был признан полностью невиновным.

Слишком поздно государство признало свои ошибки - да и что с такого "извинения" родственникам, так много пережившим и потерявшим? Сколько невинных людей пострадало, что пережили их дети...

Умер Яков Иванович Щупляк в 2005 году, прожив без малого 100 лет. И дети, и внуки его долгое время вынуждены были скрывать казачье происхождение. Разбросанные по всей стране, они всё же возвратились на Кубань.

Другой сын атамана, Михаил Иванович, погиб летом 1942 года в боях под Ростовом. А сын его, Борис, выпускник школы № 58 станицы Пашковской, как и многие его сверстники, был направлен на оборону переправы через реку Кубань. Здесь, у пашковской переправы, 10 августа 1942 г. Борис Михайлович Щупляк был убит...

Добрая память об атамане Иване Лаврентьевиче Щупляке должна сохраниться и в памяти его родных, и в памяти пашковчан.

В. Громов

Атаман И.Л. Щупляк среди станичных учителей

Семья Щупляков (1916 г.)

Продолжаем печатать материалы из журнала "Донская Волна", издававшегося в годы Гражданской войны, представленные в очередных сборниках выходящей в Москве серии "Генеалогия и семейная история Донского казачества".

**ДОНСКАЯ
ВОЛНА**

Подтёлков

Два казака

Доном правили учителя. На кругах и на съездах всюду повторяли:

- Буки аз, буки аз - счастье в грамоте для вас. Во главе Дона стоял педагогический совет.

Алексей Максимович Каледин - начальник военного училища. Митрофан Богаевский - директор мужской гимназии. Павел Агеев - директор мужской гимназии. Первые три кандидата от казаков в Учредительное Собрание. Но учителя и последующие кандидаты: бывший комиссар Временного Правительства на Кавказе, депутат всех Государственных Дум от Дона В.А. Харламов - учитель истории; комиссар на Дону М.С. Воронков - народный учитель.

При педагогическом совете строгий родительский комитет - войсковой круг. А ученик попался малоуспевающий...

* * *

Урядник гвардейской батареи Подтёлков очень хотел быть офицером. "Волею Бога и милостью Государа во мне потекла дворянская кровь", - сообщил бы урядник в родную станицу. "Купи себе караку саку, чулки паутинкой, надень вуальку с казюлькой на щеке" - написал бы Параше или Пакуте.

Готовился к экзаменам в школу прапорщиков, но репетитор безнадежно махнул рукой на своего ученика: - Слишком туп.

Дворянская кровь в Подтёлкове не потекла. Дальше вахмистра в запасном полку не пошёл. Стал подхорунжим - ни офицер, ни рядовой.

Ф.Г. Подтёлков

Но подвернулся студент Сырцов, и перед Подтёлковым открылись новые горизонты. Революционный репетитор стал готовить вахмистра в президенты. В советской республике президенту много знать не нужно, он попугаю подобен: - Вся власть советам!.. Долой!..

Когда у студента Сырцова провалилась в прошлом декабре революция в Ростове, он поехал в Царицын и оттуда наезжал в северные донские округа. Там и Подтёлкова нашёл. Нашёл и обрадовался:

- Туп, глуп и нам будет поваден.

В это время в Смольном институте был спрос на революционные казачьи шаровары. Открытию Сырцова очень обрадовались. Подтёлкова приласкали.

В первых числах января он совершает переворот в станице Каменской, становится во главе военно-революционного комитета, арестовывает офицеров, упраздняет ять и требует всей власти на Дону. В Новочеркасск шлёт ультиматум, в Смольный телеграмму:

- Скоро открою путь в Новочеркасск, пришлите два-три миллиона.

В феврале въезжает в Новочеркасск победителем. Осуждает на смерть атамана Назарова, председателя круга Волошинова, генералов Исаева, Груднева, Усачева и других. Приказывает казакам водить арестованных с гауптвахты в тюрьму и предупреждает:

- Если попытаются бежать - стреляйте.

Так Годунов предупреждал Битяговского, посылая в Углич убивать царя Дмитрия: - Блюда царевича.

Казаки обещали Подтёлкову:

- Вестимо, ежели побегут - стрелять будем.

- Ну что, расстреляли? - спросил Подтёлков, когда казаки вернулись.

- Нет, не бежали...

- Ведите их обратно, и если они хоть шаг в сторону - стреляйте.

Казаки обещали.

- Расстреляли?..

- Нет, они и не думали бежать.

Подтёлков перedal арестованных матросам и красногвардейцам.

- На Харьков!

В ту же ночь были расстреляны.

Подтёлков жаловался после товарищам - комиссарам на казаков:

- Дураки они у меня, и притом без понятия! Вашим сказал "на Харьков" - они понимают, а мой век бы их по городу водили...

* * *

В Ростове Подтёлков был казачьим генералом на советской свадьбе, советским медведем на поводе у студента Сырцова.

- Сережа, подписать мне эту бумагу или нет?

И только один раз он вышел из воли Сырцова: когда вопрос зашёл об обороне Ростова от немцев. Он властно заявил:

- Хоша Серёжа Сырцов и скубент и все науки превзошел, но в военном деле его котелок против моего не устоит.

И комиссары не возражали, ибо ещё раньше, на другом собрании Подтёлков признался:

- Я - стратег по природе.

Говорят, кто-то из саботажников коварно спросил: - Это вам доктора сказали?..

В чеховской "Свадьбе" есть капитан второго ранга Ревунов-Караулов, которого выдают за генерала. Вахмистра Подтёлкова выдавал за социалиста Сырцов - главный шафер на советской свадьбе в Ростове. Пока Подтёлков помнит свою роль - он терпим.

Казаки за советскую власть пойдут хоть в Америку, - вещает он с балкона "Палас-Отеля".

Но нет над ним глаза шафера - Подтёлков проговаривается. Спросили у него в Новочеркасске: - А с еврейми как?

Подтёлков разъяснил:

- При советской власти приказано и жида считать человеком!..

Или в банке встретился с финансовым комиссаром Дунаевским. Тот отказал ему в выдаче десяти миллионов царскими деньгами. Подтёлков обозлился:

- Я тебе, жиду, покажу, кто я такой!

Носил Подтёлков золотой браслет на руке, перстни на пальцах. Потекла-таки дворянская кровь. Пожил бы ещё, может, и "караку саку" надел бы - "с казюлькой на щеке".

Во вкус новой жизни Подтёлков вошёл быстро. Дарил ростовским горничным серьги с бриллиантами. Пришёл в банк за миллионом. Ему говорят: миллион - это тысяча тысяччерублёвых билетов.

- Я сам знаю, что такое мильон. Дайте мне царскими пятисотками.

Пугачёв больше стеснялся, хотя и текла в нем "царская кровь".

* * *

Был Подтёлков человеком без сказки, таким и в донскую историю войдёт. Уехав из Ростова и пробираясь к себе на север Дона, он был окружён казаками, восставшими против советской власти. На Подтёлкова и свиту в несколько десятков казаков, прекрасно вооружённых, пошли с пилами, лопатами. Подтёлков сдался. Сдался и Кривошлыков,

прапорщик, которому и при советах не удалось побить в генералах. За широкой спиной Подтёлкова прожилвал. Присудили Подтёлкова к петле с перекладной и адютантом назначили Кривошлыкова. И здесь, у смерти, Подтёлков - малограмотный социал-чернозем - дал урок мужества образованному Кривошлыкову. Тот нервничал, Подтёлков был спокоен.

* * *

Когда Подтёлков 12 января приезжал во главе делегации от восставших фронтовиков к Каледину, атаман обошёл ряды делегатов, каждого спросил: какой станицы?

Остановился и около Подтёлкова.

- А вы, подхорунжий?..

- Усть-Хопёрской.

Каледин вздохнул и тихо, но с большой укоризной сказал Подтёлкову: - Станичник!.. - И ушёл.

Гауптвахта, в которой содержались арестованные атаман и генералы

Воскресала на Дону сказка. Воскресил её Митрофан Богаевский, приходил и казачий Иван-Царевич - Каледин. Старая степь с посьвистом ветра хмельного заговорила в первом донском партизане Василии Чернецове. А судьба посмеялась, и в бочку старого меда пустила ложку нового дегтя - послала ещё и Подтёлкова. Ударил судьба в самое сердце мечтателей - Подтёлков вышел из родной станицы Каледина - Усть-Хопёрской, знамя восстания поднял на родине Митрофана Богаевского - в станице Каменской, от его руки и Чернецов погиб...

Николай Голубов

На нём кровь первого партизана Чернецова, последнего атамана Назарова, Волошинова и позже Митрофана Богаевского. Голубов не был сам палачом донских вождей, палачом был другой, а он был чем-то средним между Иудею и Понтием Пилатом: то предавал, то умывал руки, сторонился и даже рыдал, узнавая о смерти им преданных.

В августе на круге Митрофан Богаевский обмолвился о Николае Матвеевиче Голубове:

- Я помню его гимназистом. Он всегда ходил с засученными рукавами и искал случая, с кем бы подраться.

Засученные рукава у Голубова остались на всю жизнь, несмотря на двойной просвет на погонах. Всю жизнь искал случая, с кем бы подраться. Кончил гимназию, поступил в университет, но загремели на Дальнем Востоке японские пушки, и студент Голубов меняет тужурку с голубыми петличками на казачий мундир, идёт в Манчжурию добровольцем. Там лихо дерётся и возвращается в Новочеркасск в чине сотника с Георгием в петлице. Казаки говорят:

- Честно заработанный "Георгий!"

Голубов гуляет по Московской улице, покоряет гимназисток, берёт приступом рестораны и пивные. А затем, оставив после себя шлейф скандалов и дебошей, удаляется в Томск - поступает в технологический институт. Снова скандалы, и томский редактор не вытерпел "пропечатал" Голубова. На беду, редактор оказался евреем, и Голубов устраивает еврейский погром. Маленький погром, но ведь Голубов же ещё сотник, а не войсковой старшина, не штаб-офицер: большой погром ещё впереди.

Возвеличенный громкой хвалой сибирской прессы,

Голубов возвращается в Новочеркасск и здесь скучает, пока в его положение не входит Фердинанд Болгарский, объявляющей войну Турции. Славяне идут на Царьград. Голубов весел, обряжается в военный мундир и едет на Балканы.

- С Голубовым я познакомился под Андрианополем, - рассказывал мне один рубака-воин, штабс-ротмистр. - Как-то в солнечный день на горке блеснул широкий красный лампас. Столбы пыли, что-то гремит-катится. Ближе, ближе - и из-за клубов пыли показывается сперва оружие, а за ним какой-то коренастый казак, удерживающий бег орудия с горы за лафет. Это был сотник Голубов. Фуражку он потерял, и лоб закрывал громадный вьющийся вихор непокорных каштановых волос, лицо было потное, красное. Увёз у турок оружие на себе...

И там, на Балканах, Голубов жил с засученными рукавами. Его ценили, славословили, как героя, но Болгария, в конце концов, попросила Россию отозвать Голубова. В Новочеркасске студенты острили:

- Голубов царя Фердинанда с королём Петром поссорил.

А старожилы по этому поводу вспомнили забавную историю об одном подъесауле. Стоял подъесаул с полком в Финляндии и от скуки пьянствовал. Поехал однажды в пьяном виде с казаками купаться в пограничной речушке. Выкупался, выплав переплыв речушку и так, в чём мать родила, со взводом казаков появился на чужой территории - в Швеции. Шведы - пограничники в смущении отступили в ближайший городок, подъесаул за ними и въехал в тихий городок тихих шведов. Началась паника: приехали пьяные казаки, очевидно, Россия объявила войну. А казаки погарцевали на конях - голые, в одних фуражках, и уехали обратно.

У шведов же был большой переполох: войска отступили, войска группировались... А подъесаул понял всё значение

Подтёлков и Кривошлыков перед казнью

им содеянного только после сильного наговяния командира полка:

- Ведь вы, батенька, чуть Россию в войну со Швецией не втянули!..

Что-то подобное творил на Балканах и Голубов. Пришлось ему возвращаться в Новочеркасск. В участках отточили перья и приготовились писать протоколы. И пописывали, ибо что же было делать, если на земле мир и в человецех благоволение?

Заскучал... Встрепенулся, едва началась Мирровая война. Опять бранные поля, опять лютые схватки. Сколько корреспонденций написали военные корреспонденты о сотнике Голубове! Удали ему не занимать статью, лютости к врагу тоже. Мне клялся и божился один из его боевых товарищей, что Николай Матвеевич

на фронте сам вызывался казнить пленных и после с наслаждением рассказывал, как расстреливал и вешал.

На полях Польши и Галиции он развернулся во всю ширь. В одной из схваток его ранили, и он снова поехал в Новочеркасск лечиться. Погоны сотника сменили погоны штаб-офицера - войскового старшины.

Герой войны был обласкан генералом Покотило, наказным атаманом, одним из самых ужасных для Дона. Всё душил атаман Покотило, Дон в его дни даже чёрное "Русское Знамя" звало "Покотилией". Приехал на Дон царь Николай Александрович - генерал Покотило представил ему своего любимого офицера, а фотограф запечатлел для иллюстрированного журнала красивую группу: Государь-Император милостиво разговаривает с Николаем Голубовым. Голубов замер в живописной позе верно подданного с рукой

у козырька, сбоку стоит генерал Покотило.

Царь бросил окурок папирсы, Голубов стремительно поднял его и спрятал на груди.

В марте 17-го года на митингах не было более сильных речей во славу пришедшей свободы, чем речи друга Покотило. Казаки-фронтовики на руках носили Голубова и послали своим представителем в исполнительный комитет. Голубову уже грезилась атаманская булава, но её временно вручили Волошинову, и Голубов стал "леветь" не по дням, а по часам.

Когда власть из рук исполнительного комитета перешла к кругу, Голубов завладел сердцами и умами фронтовиков в военном комитете и оттуда делал вылазки на круг, где пы-

тался громить стариков, упрекая их в реакционности. Старики заглушали речь Голубова криками негодования, ему приходилось покидать трибуну и проходить сквозь строй стариков, подчас рискуя бортами тужурки.

В корниловские дни Голубов появился в Ростове и здесь произнёс пламенную речь против Корнилова.

- Русский народ возведёт на эшафот офицерство, и это будет по заслугам!

Из Ростова Голубов поехал по Дону ловить "мятежного" Каледина. По пути заезжал в казачьи полки и бросал семена раздора в казачью семью. Два-три офицера примкнули к Голубову и два полка вынесли резолюции против Каледина и его правительства. Голубов метался по станциям железной дороги в поисках Каледина. Царицынский совет рабочих и солдатских депутатов был очарован Голубовым и прислал на Дон приказ о назначении Голубова атаманом вместо Каледина.

Не было на Дону ещё атаманов милостью Царицына. Старики на круге требовали исключения Голубова из казачьего сословия.

- Лишить его на Дону хлеба и воды! Арестовать! Голубов несколько дней скрывается, а затем появляется на круге. Я видел донских стариков только два раза в апогее гнева - и первый раз, когда Голубов появился на круге. Ветхий старик из задних рядов крикнул:

- Голубов пришёл!

Мгновенно старики повскакали с мест, оглянулись назад и зашумели. В проходе между рядами скамей стоял Голубов. Наклонив упрямою голову вниз, с непокорным вихром на лбу, он напоминал в тот миг молодого быка, готового боднуть первого, кто дерзнёт его тронуть. Старики соскакивали со скамей и с угрозами двигались к Голубову.

- Царицынский атаман! На Каледина руку поднимал!

Н.М.Голубов

Голубов сделал жест рукой, желая что-то сказать. Но шум не стихал, старики не хотели его слушать.

- Вон с круга! На гауптвахту! Удалить его - он не смеет быть на круге!

Голубов поднял голову, рукой отбросил назад свой вихор и гордо посмотрел на стариков. В этот момент он был даже красив: смело смотрел в глаза опасности. Говорят, он и на фронте любил посидеть на бруствере во время жаркой перестрелки. И стариков поразила поза Голубова - они остановились на мгновение. Голубов снова сделал жест рукой, но старики стряхнули с себя мгновенное очарование и снова зашумели. Председатель круга предложил Голубову не испытывать терпения круга и уйти. Но Голубов не уходил, и два юнкера бережно взяли его под руки, повели к выходу. Голубов упирался, оглядывался и сыпал угрозами по адресу стариков, а те из себя выходили и слали в след Голубову проклятия и ругательства.

Сам Митрофан Богаевский выступил защитником Голубова, когда на повестку дня на круге был поставлен вопрос об исключении его из казачьего сословия. Митрофан напомнил старикам о свободе убеждений, каждый верует по своему - за это карать нельзя. Старики выслушали своего любимца и, сделав уважение, "оставили Голубова в казаках".

- Не умеем мы с Алексеем Максимовичем ходить кривыми дорогами, не умеем политику делать, а ведь мы могли бы давно уже Голубова иметь не врагом, а другом. Нам бы Николая Матвеевича в войсковое правительство провести, и куда бы его оппозиция делась, как рукой бы сняло! Или произвести в генералы, ведь у него давно выслуга есть на генерала, да никто представлять не хочет: человек уж больно беспокойный. Ну как бы генерал Голубов, - смеялся как-то Митрофан Богаевский, - пошёл на крайнюю левую.

Несомненно, Митрофан Петрович был прав: эполеты скомпрометировали бы Голубова в левых кругах. Но... кривые пути были заказаны, и Голубов пребывал в оппозиции.

Из противоречий был соткан Голубов. Величал социалистов товарищами, сам в "товарищах" пребывал, но и боевых товарищей не забывал. Зашёл как-то в военный комитет, а там боевого генерала судят.

Стояла дивизия генерала на отдыхе в Донецком округе. Казаки кушаки сняли, молодое вино у кумушек-казачек пробуют, веселятся. Не заметил один урядник генерала, как тот проходил, чести ему не отдал. Генерал выругал урядника чёрным словом. Урядник - георгиевский кавалер - пожаловался в военный комитет. Комитет судит генерала: не отвечает духу времени командир дивизии.

- Позвольте, товарищи, - возвышает голос Голубов, - да вы знаете генерала? А я знаю. В Галиции вместе с ним были: он девятым полком командовал, сухарём последним делился с казаками, под Баламутовкой белый крест заработал, настоящий воин, а вы говорите: "не отвечает духу времени!"

Товарищ по Баламутовке заслонил в тот миг для Голубова принципы товарищей по партии, хотя едва ли Голубов искренно разделял веру какой-либо партии. Слишком уж он был вихраст и громоздок для "партийного хомута".

Запахло мятежом в Ростове в ноябре 17-го года, и Голубов поспешил в Ростов. Здесь он схватывается с большевиком Жаковым, когда тот запальчиво говорит в военно-революционном комитете:

- Мы утопим в крови Каледина, если он пойдёт на Ростов! Маленький, "окурок", а не человек, Жаков возмутил своей фразой большого Голубова. Он поднялся во весь рост, широкий, мускулистый, смерил с ног до головы коротким взглядом Жакова и закричал:

- А для меня всякая кровь - кровь, - сделал паузу, а затем бросил в сторону съживившегося Жакова: - Даже комариная кровь!

Погубил себя этой фразой Голубов: Жаковы позвали другого командовать красной гвардией, менее строптивого.

Вернулся Голубов в Новочеркасск и стал по полкам ходить, пропаганду вести - от безделья и то рукоделье! Но в Новочеркасске было иное настроение - Голубова посадили на гауптвахту. Весь декабрь просидел Голубов на гауптвахте, без него прошёл третий круг, без него круг протянул руку крестьянам и рабочим и призвал и их к власти.

Голубов с гауптвахты пишет Павлу Агееву: "Свершилась моя мечта - у власти всё население Дона. Теперь я ваш друг, а не враг. Дайте мне возможность сражаться в рядах защитников Дона с врагами России. Ваши враги - мои враги.

Богаевский пожимал каждую протянутую руку - он

поверил Голубову и освободил его.

В это время у всех на устах было имя Чернецова, первого партизана, его на руках носили. Голубов заявил, что он покажет Ваське Чернецову, какие бывают партизаны. Он в станице Луганской наwerbует себе удалцов и с ними вырежет большевиков в соседнем Луганске.

Проводили Голубова и стали даже забывать его. А он неожиданно вынырнул - и не в Луганске. В Новочеркасск прискакал партизан из отряда Чернецова с печальной новостью: Чернецов взят в плен Голубовым. Чернецов наступал на красную гвардию и сильно теснил её. Вдруг во фланг и с тыла пошли казаки. Чернецов послал сказать, что с ними не воюет, но наступление продолжалось. Чернецов был ранен, с горстью партизан окружён и взят в плен.

Чернецов заплатил сперва пленом, а затем и жизнью за то, что на всё безрассудно дерзал с маленькими силами. Он оставил главные силы в тылу у себя и они, узнав о пленении своего атамана, шли ему на выручку. Голубов предложил Чернецову не лить напрасно крови и написать договор, по которому он, Голубов, гарантирует Чернецову сохранение жизни, а Чернецов предлагает своим партизанам прекратить наступление на отряд Голубова. Чернецов подписал договор, Голубов скрепил его, и договор был отправлен к партизанам. Те со скорбью исполнили приказ любимого атамана и отступили.

Ещё один удар в сердце Каледину: нет Чернецова, изменил Голубов. Не хотелось верить, все утешали себя надеждой: у Голубова есть однофамильцы. Но знавшие его говорили: в пленении Чернецова сказался весь Голубов. Чернецов, блестящий партизан, молодой есаул, производится за доблесть через чин - в полковники. Это ли не удар по самолюбию Николая Матвеевича: у него выслуга на генерала, а его друг Васька Чернецов чином обгоняет. И Голубов мстит, ставит точку на карьере молодого партизана.

Чернецов из рук Голубова попадает в руки Подтёлкова. Голубов Подтёлков сказал, что Чернецов убит при попытке бежать. С Голубовым была истерика, он сделал сцену Подтёлкову, поплакал, но успокоился. Собрал отряд из фронтовиков 27-го и 10-го полков, легкий и подвижный, и направился на Новочеркасск. Снова его увлекла мечта о булавке, которую ему преподнесут фронтовики - его боевые товарищи. С ними он делил горе и радость на чужбине, с ними идёт на Новочеркасск, где сидит "злой генерал Калединов", "лукавый Богаев", "кадетчики" и "юнkerья". Войсковой старшина Голубов с ними, значит, он за трудовой народ, за трудовое казачество - ему и булавку в руки.

Социальная революция и самому Голубову, и его казакам - да, пожалуй, и всем казакам, поднявшим знамя восстания против Каледина - представлялась только в виде перемены декорации в атаманском дворце: вместо войскового атамана - трудовой атаман. А для Голубова ещё проще: вместо Каледина - он, Николай Матвеевич Голубов.

Из столицы шахтеров - Александровска-Грушевского, от железной дороги повернул Голубов влево, в казачьи станицы Заплавскую и Бесергеньевскую, а оттуда в Кривяинскую. Забежал вперёд, чтобы первым вступить в Новочеркасск, въехать победителем в тот город, где его третируют, где его имя произносится с презрением. Приехать и подарить врагам жизнь - Голубов умеет миловать!

Вождей красной армии отпустили Голубова вперёд: пусть впереди советских войск войдут трудовые казаки. В Новочеркасске же в те дни думали уже не об обороне Дона, а только о спасении самого города. Круг, господа старики ударили челом Голубову.

12 февраля, в понедельник, Голубов вступил в город Платова и Каледина. Обещал мир и спокойствие, но зашёл на круг и увидел ненавистных стариков, хотя и не тех, что его гнали, и потешил себя: арестовал атамана Назарова и Волюшинова. Опьянённый, пошёл во дворец атамана, где ещё витала тень Каледина. Здесь, в конюшне атаманской, взял себе только военную добычу - коня Каледина. Грабителем не был, и в февральские дни, когда в Новочеркасске грабили все, Голубов и Саблин были едва ли не единственными, у кого к рукам не пристала ни одна казачья копейка.

В конюшне Голубов взял себе прекрасного вороного коня Каледина - может быть, вынесет к булавке, под атаманский бунчук? Каледин в могиле, Назаров на гауптвахте - атаманский дворец свободен. Даже враги на будущем круге трудового казачества отдадут голоса ему - для них он будет атаманом компромисса, а фронтовики в нём души не чают. Го-

лубов стал даже приобретать некоторые симпатии в городе.

13 февраля он послал к Саблину в Персиановку своих казаков сказать краснокомандующему, что в нём надобность миновала - он, Голубов, сам утвердит в Новочеркасске советскую власть. Саблин ответил, что ему не было смысла с боем продвигаться два месяца на Новочеркасск, чтобы теперь уходить, не увидев столицы Дона, завоевателем которой он себя почитает. Голубову же он напоминает, что он только начальник авангарда и не больше.

Голубов поехал к Саблину в Персиановку. Саблин встретил его сурово: - Вы наказной атаман, что ли?

Голубов вспыхнул и ответил очень многозначительно:

- Наказным атаманом быть не собираюсь!

Спаста Новочеркасск от вторжения советских войск не удалось: 13 февраля вечером они вступили в город, и над городом донской сказки повис кровавый туман. Ручьями полилась кровь. 20 февраля по приказу Подтёлкова по дороге к тюрьме поздним вечером расстреляли атамана Назарова, генералов Груднева, Усачева, Исаева, председателя круга Волошинова, подполковника Рота, войскового старшину Тарарина. Когда об этом узнал Голубов, он опять зарыдал и побежал к Подтёлкову:

- Ты мне город залил кровью, палач!

Подтёлков только усмехнулся:

- Чудак, ваше благородье! А тебе жалко?

Кровь Назарова легла на душу Голубова. Он попытался остановить дальнейшие потоки крови. Отряд его не знал пока несколько дней: спасал обречённых, кое-когда успевал.

В больницу пришла красная гвардия и стала забирать орлят с подбитыми крыльями - раненых партизан. Сестра милосердия побежала к Голубову: спасите. Казаки Голубова поскакали к больнице и спасли партизан.

Подтёлков собрал всех офицеров для регистрации и, в кругу друзей, одобрил проект вампира февральских дней - военного комиссара Медведева: просеять офицеров и некоторых расстрелять немедленно. Голубов напомнил о гарантиях, данных добровольно явившимся офицерам. Подтёлков и Медведев только рассмеялись: наивный человек!

Тогда Голубов окружил своим отрядом судебную палату, где были собраны офицеры и где сидели Подтёлков и Медведев, и обратился к казакам с речью:

- Правил нами раньше атаман Каледин - он был ставленником нашей старшины, но он был всё-таки казак. А теперь нами править жид Медведев.

Левый эсер, как он отрекомендовался, Голубов так и сказал: жид.

- Он хочет теперь расстрелять безоружных офицеров. Братцы, что с ним сделать с самим?

Голубовцы гаркнули: расстрелять!

Бледный, с трясающимися губами стоял Медведев и ждал смертного часа. Дрожавшим голосом крикнул он Голубову: - Я в Петроград поеду, я Ленину на Вас жаловаться буду!

- Жалуйся хоть самому чёрту! Я никого не боюсь!

Но испугался - выпустил Медведева из Новочеркаска. Тот оправился от испуга и решил остаться. Тогда казаки выкатили на сборную площадь два орудия, заявив, что сметут советы снарядами, если Медведев останется в Новочеркасске. Медведев уехал. А Голубов был взят на подозрение и, чтобы волю свою красному Новочеркасску не навязывал, поставили в городе шахтеров-красногвардейцев.

Оседлав Голубов вороного коня Каледина и с горстью казаков уехал в сальские степи - печаль-тоску развеять, новые пути к булаве поискать... Ехал через казачьи станицы и хутора, встречал стариков, жаловались ему старики на порядки новые. Весна идёт - пора хлеб сеять, а мы не знаем - есть у нас земля или её комиссары опечатают. Голубов всем говорил многозначительно: - Вооружайтесь!..

В Новочеркасске ходили разные толки о его скитаниях: -

Иуда после предательства в пустыню убежал... Поехал искать свою осину... К Корнилову поехал предлагать услуги. Только нужна ли Корнилову сума перемётная?..

Подтёлков в Ростове с балкона роскошного "Палас-Отеля", помахивая рукой, украшенной золотым браслетом и перстнями, хвастливо говорил: - Голубов пытался выставить свою личность, но я ему указал на его место.

А Голубов из сальских степей вернулся в Новочеркасск не один: он привёз с собой Митрофана Богаевского. И диву давались в Новочеркасске: сидит Богаевский на гауптвахте, стережёт его стража крепкая, а подбедет автомобиль с пулемётами, выводит стража пленника, держится почтительно, усаживает в автомобиль. Богаевского везут на собрание революционного казачьего гарнизона: на председательском месте сам Голубов.

Богаевский говорит речь - это не последнее слово подсудимого, а гневное слово прокурора. На скамье подсудимых - Новочеркасские комиссары, носители советской власти. Их не слушают, бурно рукоплещут казаки Богаевскому - он говорит два часа, и не устают казаки слушать. Кончается собрание - Богаевского снова отвозят на гауптвахту.

В Ростове ещё не понимают событий. "Известия" с ликованием великим пишут: "В Новочеркасск доставлен Богаевский и даёт показания в совете". Не случайный студентик, восхищённый советами, а сам Стеклов в Москве цитирует в "Известиях" письмо Богаевского к казакам из Великокняжеской: "Перестаньте лить братскую кровь - ищите мирных путей. Вам ещё не все пути заказаны!" Стеклов в восторге: "Воззвание Богаевского - капитуляция буржуазии. Она распростерлась ниц перед советской властью".

А в Новочеркасск тянутся изгнанники - офицеры и юнкера. Сотник Смирнов, комиссарам поставленный во главе казачьих сил на Дону, требует в Новочеркасск артиллерию из Каменской станицы. В Ростове всполошились: зреет контрреволюция. В Каменскую летит эстафета: артиллерию Смирнову не посылать. А Смирнову предлагается ультиматум: прислать Богаевского в Ростов.

Смирнов - пешка в руках Голубова - отвечает отказом. Проходит день - Голубов ещё не ведает беды. В атаманском дворце мечтает о булаве, которую ему преподнесут на круге, и сам Митрофан Богаевский помирит его со стариками...

В это время красная армия Подтёлкова входит тремя путями в его город. Они уже подошли к гауптвахте и Богаевский - их пленник. Идут к дворцу...

Без фуражки, с одной пашкой в руках, Голубов выбегает из дворца, бежит с кучкой казаков по Московской, вслед летят пули. Но ему удаётся скрыться. Подтёлков объявляет его изменником революции, состоящим вне закона.

Снова Голубов появляется в станицах, на этот раз открытым врагом советской власти. Зовёт в поход на Новочеркасск, на Подтёлкова. Но ему уже не верят. В станице Заплавской его встречает офицер Пухляков. Он давно искал с ним встречи: посчитаться за кровь братьев-казаков. Наконец, встретил и убил.

Так кончил свою пеструю жизнь Николай Голубов, всю жизнь искавший славы, обвешанный ею на бранных полях и за эту славу хотевший чрезмерно большой процент: атаманскую булаву. Шёл широким шагом и всю жизнь спотыкался о трупы: Чернецов, Назаров и семь, иже с ним, Богаевский... Вся карьера его - прогулка по канату над пропастью. Всегда неудачно балансировал и, каждый раз срываясь, увлекал в бездну самых сильных, самых ярких... Кровь вопияла о мщении - и оно пришло.

Сколько раз судьба учила неугомонного, что удаль и доблесть военная не всегда идут вместе с мудростью и лукавством политика. Но он до последнего дня гулял по канату, пока не разбился насмерть...

Виктор Севский

В Донской станице при большевиках

Ясным солнечным зимним днем, 11 февраля 1918 года, уже под вечер, я с женою и есаулом Кульгавовым, на двух извозчичьих санях, нанятых в Новочеркасске за пятьсот рублей, подъезжал к станице Константиновской. Красное солнце тихо склонялось за Дон, но мороз не усиливался, а всё было такой же, ровный, спокойный, дышащий дыханием степи, снегом покрытой, белой, чистой, точно умывшейся.

В памяти стояло последнее свидание с Атаманом Назаровым. Это было вчера. Я только что вышел из маленькой своей квартиры в подвале, в Новочеркасске, когда меня нагнал казак с запиской. Атаман просил меня к 9-ти часам в помещенье областного правления. Посмотрел на часы. Уже время идти - пешком только-только дойду. В областном правлении на Платовском

проспекте было грязнее, чем все эти дни, по лестницам и коридорам валялись бумаги, солома, ящики, но людей толпилось меньше, и те, кого я встречал, смотрели не на меня, а как-то мимо, хмуро и косо. Атамана Назарова я застал в маленькой комнате подле зала заседаний. Там тоже было насорено, валялись зеленые и красные бандероли от кредитных билетов, стояли в углу деревянные ящики. В комнате, кроме Назарова, были Походный Атаман Попов и его начальник штаба, полковник Сидорин. Они сейчас же вышли, и мы остались вдвоем. Невысокого роста, стройный, красивый, в одних рыжеватых усах, с коротко остриженными волосами, в неизменном своем полупубке, крытом серым сукном с золотыми погонами, Назаров был чем-то взволнован, как будто куда-то спешил.

- Ну вот, - сказал он, протягивая руку, - Пётр Николаевич, и случилось то, чего надо было ожидать. Ростов занят большевиками. Добровольческая армия отошла к станице Аксайской. Я говорил с Корниловым. Драться за Новочеркасск они не будут, говорят, если казаки не хотят за него драться, то и мы не будем. Уходят.

- Куда? - спросил я.

Назаров махнул рукой неопределённо.

- На восток. В задонские степи. Там хотя пропитаться можно. Я отправляю туда и Попова с партизанами. Новочеркасск придется бросить...

Назаров помолчал немного, брови его хмурились.

- У меня есть план, - сказал он, - формироваться в 1-м Донском округе, в Константиновской, и оттуда ударить на Александро-Грушевский и прервать сношение с севером. Новочеркасск падет. Они не удержатся. В 1-м Донском округе у казаков, кажется, настроение хорошее.

- Я боюсь, - сказал я, - что известие о сдаче Новочеркаска Голубову и большевикам окончательно подорвёт веру казаков в правительство.

- Знаю... знаю, - прервал меня Назаров... - Но последние партизаны отошли сегодня ночью, и между мною и Голубовым пустое место. Я боюсь, что уже сегодня Голубов займёт Богаевскую станицу, и нам не пробраться будет в Константиновскую. Я и хочу просить вас поехать в Константиновскую и формировать там дружины.

- Ваше превосходительство, - сказал я, - боюсь, что из этого формирования ничего не выйдет. Казаки вышли из повиновения, и ни меня, ни Вас не послушают.

- Знаю и это. Но туда завтра едут члены Круга и я с ними, и вопрос убеждения мы берём на себя, Вам только организовать, учить, а там дальше видно будет. Я прошу Вас выехать сегодня же.

- Слушаюсь.

- У Вас деньги есть?

- Около пятисот рублей осталось...

Назаров подошёл к ящику, стоявшему в углу, вынул из него пачку 25-рублевых билетов и, подавая мне, сказал:

- Вот тут ровно две с половиной тысячи. Возьмите на первое время.

Пока я писал расписку, он говорил мне:

- Возьмите отсюда с собою человек пятнадцать офицеров, они все собраны генералом Грудневым в собрании. Вам надо иметь своих людей при себе. Итак, до послезавтра в станице Константиновской.

Он протянул мне руку и в самую душу заглянул своими прекрасными, честными, прямыми, не умеющими лгать глазами.

Больше мы не видались. Назаров остался в Новочеркасске, веря казакам, и был убит большевиками на своём посту выборного Атамана.

* * *

В офицерском собрании я застал человек пятьсот донских офицеров. Было грязно, шумно, накурено. Видно было, что многие и ночевали здесь. Вдоль стен коридора, на материей крытых диванчиках и креслах, валялись винтовки, ранцы и мешки. Тяжёлое впечатление производили они на меня, с детства приученного смотреть на оружие с особым уважением. Я разыскал генерала Груднева, начальника офицерского резерва, и передал ему содержание своего разговора с Назаровым.

Груднев стал настаивать, чтобы я вышел на сцену и осветил офицерам обстановку, так как они, по его словам, ничего не знали. Меня он провёл на сцену домашнего театра, устроенного в большом зале собрания. Там, в гостиной, между пыльных кулис, среди беспорядочно расставленной мебели и походных коек, я застал почти всех генералов Донского войска. Все были знакомые и сослуживцы. Тут же я нашёл полковника Тапилина, который мне был хорошо знаком как выдающейся строевик и храбрый командир сотни: он командовал у меня в полку 4-й сотней, и я сказал ему, чтобы он подыскал мне человек пятнадцать надёжных офицеров, чтобы ехать в Константиновскую организовать дружины.

Тем временем зрительный зал наполнился, и мне пришлось выйти и повести беседу, как тогда безграмотно говорили, "о текущем моменте". Офицеры всё знали. Знали даже и больше, они знали, что Голубов не сегодня-завтра займёт Новочеркасск. Их всех, или почти всех, охватила какая-то апатия, равнодушие, желание ничего не делать. Они изверились в казаках, они надеялись на то, что если они ничего не будут делать, и им ничего не будет. У многих сквозило то же, что было и у казаков: "Голубов свой, и с ним идут казаки - не звери же они?" "А дальше что?" - спрашивал я. "Будем работать в поле. Большевики - это перемена декораций". Большинство не хотело и как-то даже боялось покинуть Новочеркасск, где у многих были семьи.

Тапилин с трудом набрал пятнадцать офицеров, согласившихся ехать в Константиновскую. У них не было ни лошадей, ни оружия. Вопрос этот тут же уладили. Генерал Груднев, бывший заведующим коневодством Донского войска, дал им станичных плодовых жеребцов, общими усилиями добыли седла, получили револьверы, и было решено, что они сумерками, поодиночке, чтобы не обращать на себя внимания казаков, будут пробираться в Константиновскую.

* * *

Станица Константиновская лежит на реке Дон в девяноста верстах от Новочеркаска в глуши степей. Железной дороги к ней нет, и сообщение поддерживается летом пароходами по Дону, зимой лошадьми по степным шляхам на станицу Тацынскую или прямо на Новочеркасск. Станица хлебная и виноградная, очень богатая, в ней много каменных домов, электрическое освещение, водопровод, что, впрочем, не мешает ей утопать в садах, иметь маленькие домики, окружённые службами, чухальй станичный бульвар, место сбора всей станицы по вечерам, именуемый "брехалкою", и жить тихой, размеренной жизнью, полной мелких будничных сплетен и разговоров о цене на рожь, о том, что кислое молоко дошло до 2-х рублей за корец, о том, у кого отелилась корова, а у кого покрали кур.

К этому тихому углу я и приближался ясным вечером 11 февраля. Пахнуло запахом прелого навоза и соломенного кизячного дыма, родным вечерним запахом степной станицы, в котором столько прелести и какой-то тихой задумчивой грусти.

У спуска к низкому мосту через р. Дон, затертый белою пеленою льда, в степи, в отдалении замаячили знакомые тона пятна видно было, что идут строевые казаки или, как их тогда называли на Дону, да и повсюду, - "хронтовики".

Кто они, враги или друзья? Каковы их намерения, и если это большевики, то в какую же ловушку попадаем мы все, ища спасения и помощи здесь.

Мы проехали мост раньше казаков и втянулись в улицу, идущую наверх. Заскрипели под полозьями саней камни улицы, вправо и влево показались низкие заборы палисадников, переплёт голых сучьев фруктовых деревьев и приземистые, крытые железом домики. Мы остановились у гостиницы Куницына. В грязных номерах было грязнее обыкновенного, пахло холодным табачным дымом, стены комнат были проплеваны чуть не насквозь, из небольшой столовой неслись хриплые мужские голоса - там обедала какая-то компания. С трудом удалось воткнуть в какой-то номер с сомнительной чистоты мебелировкой и тускло горящим электричеством. Всё было занято управлением окружного атамана. Я попросил пригласить атамана к себе.

* * *

Окружным атаманом был со времён Каледина войсковой старшина Лукьянов, человек лет сорока, ловкий, вкрад-

А. М. Назаров

чивый. Всю свою службу он провёл при Войсковом штабе на должности адъютанта и привык к обращению с начальством. Он сейчас же явился ко мне в кителе с погонами и при шашке, и, представившись, не успел я ему что-либо сказать, как заговорил сам.

- Уезжайте, ради Бога, скорее отсюда, - говорил он. - Эх, и принесла же вас сюда нелёгкая. Впрочем, куда вы уедете? Мост уже заняли казаки 9-го полка, пропуска никому не дают. Всех офицеров арестовывают. Сегодня ночью и меня арестуют.

Он говорил это спокойно, правда немного возбужденно, но говорил как человек, который со всем помирился и которому стало все безразлично. Я рассказал ему о планах атамана Назарова.

- Никуда это не годится. Сегодня ночью у нас будет "советская власть".

Что такое эта "советская власть" никто хорошенько не понимал, но всякий чувствовал, что надо снимать погоны, надо куда-то скрываться.

- Что же делать офицерам, которые едут со мною? - сказал я.

- Распыляться по хуторам.

- Атаман Назаров и члены Круга?

- Они сюда не приедут. Я удивляюсь, как и вы-то сюда пробрались. Нет, все кончено. На Дону советская власть.

Был какой-то фатализм в этих словах, что-то величаво-спокойное в ожидании ареста и покорности той новой власти, которая вдруг сама появилась и захватила все в свои руки.

Каюсь - у меня этого преклонения перед самопроявившейся властью не было, и быть арестованным в четвёртый раз, когда я только что высочил из плена в Великих Луках, что-то не хотелось, и я высказал все это Лукьянову. Но борьба была совершенно немыслима, ибо всё пало ниц, всё признало советскую власть и покорилось ей. Я решил скрываться. Кульгавов нашёл удивительно добрых людей - одну старуху, вдову-казачку, женщину прямую и честную, которая, рискуя своею головою, приютила нас у себя с условием, что я никуда ходить не буду, прогуливаться буду по вечерам, когда стемнеет, по саду с высоким забором и спрячу у неё револьвер, погоны и Георгиевский крест. Есаул Кульгавов устроился поблизости у знакомых.

Мы исчезли среди садов и хат тихой и сонной станицы.

Ночью действительно в станице Константиновской стала советская власть. Во главе совета оказался приказчик местного Мюр и Мерелиза - Мореков, человек тупой, глупый и жадный, он наименовал себя "комиссаром Константиновской станицы", при нем возник военно-революционный комитет с военным комиссаром сотником Тапилиным. Сотник Тапилин торжественно отрекся от своего казачьего звания, обезоружил казаков и раздал оружие местным боснякам, рабочим, приказчикам и ученикам реального училища, образовав из них станичную милицию.

Хмурились казаки, но надоевшие им за войну винтовки отдали милиционерам, признали Морекова и ожидали каких-то великих милостей и откровений от новой власти.

Войскового старшину Лукьянова и человек тридцать офицеров посадили в тюрьму, часовыми стала милиция, и станичные дамы и барышни стали носить туда ужины и обеды. По отзывам, там, жилось недурно, и было видно, что часовые и сами комиссары побаивались своих узников. Ждали поддержки из Новочеркасска, ждали красной гвардии и матросов и все грозили ими.

"Вот придут... Вот покажут... Никого живыми не выпустят... Всех буржуев передушат".

* * *

Газет не было. Жили слухами. На "брехалке" ежедневно появлялись "самозванцы", которые приходили из окрестных хуторов, и видели людей, бежавших из Новочеркасска, появились и беженцы из Новочеркасска.

Оттуда шли вести одна ужаснее другой. Атаман Назаров, временно исправлявший должность атамана, выбранный в первые дни после революции, Войсковой старшина Волошников, Груднев, тот самый, который 10 февраля встречал меня в собрании и так заботливо снабжал офицеров лошадьми, полковник Рот расстреляны большевиками. Старик генерал Исаев с библейской белой бородой, заведовавший госпиталями, убит на улице за то, что устраивал лазареты для "кадетов", и труп его оставлен

лежать на улице города в назидание "буржуям", убит врач и сестры милосердия лазарета общества врачей Новочеркасска. Раненых и больных вытаскивали с коек и расстреливали на улице. Избивали мальчиков, кадетов и гимназистов; где-то нашли списки партизан и по ним разыскивали сподвижников доблестного Чернецова. Выдавала домашняя прислуга и за три рубля указывала красной гвардии, где скрываются те, кто с нею боролся. Большевики принесли с собою страшное разложение, моральный упадок нравов - честь стала предрассудком, честность - анахронизмом.

Трупным запахом, кровью замученных невинных жертв несло отсюда, и казалось, что какая-то чёрная туча надвигалась на столицу Донского казачества и поглотила её без остатка.

* * *

Станица притаилась, но жила своею жизнью. Моя хозяйка-старуха все возмущалась нараставшей дороговизной. "Мука стала 15 рублей пуд, - слыханное ли дело, а батюшка? А всё Мореков. Ну, где ему править! Ему с аршином стоять, а не станицей править. И казаки недовольны!" - ворчала она за обедом.

Притихшая было "брехалка" снова ожила. По настоянию казаков все офицеры, и в том числе Лукьянов, были выпущены, и станичные барышни делали им оvationи. Какой-то безусый хорунжий ходил в погонах и шпорах, и комиссар не смел его арестовать.

"Хронтовики" партиями исчезали из станицы и возвращались через несколько дней с отличными лошадьми, взятыми от коннозаводчиков. Они не могли утерпеть, чтобы не похвастать добычей перед своими бывшими офицерами. Приходили по утрам, таинственно вызывали скрывавшегося "арестанта" и говорили: "Глянь-ко, Петра Александрыч, какого жеребца я надесь привёл с Корольковской зимовки. Знатный жеребец!"

Мореков ежедневно переговаривался по телефону с Новочеркасском, где комиссарили пьяный дегенерат Голубов, неграмотный и грубый Подтёлков и зверский палач Медведев, и все грозил, что он приведет Константиновскую в порядок.

- Новочеркасск требует крови, - говорил он, - Новочеркасск не доволен тем, что не было в станице расстрелов.

Каждый день по станице ходили слухи о предстоящих ночью арестах. Облагали богатых граждан данью в два миллиона рублей, но никто ничего не давал, и Мореков и Тапилин молчали. Казаки-большевики 2-го и 9-го полков не исполняли приказов и медленно, но верно расходились из станицы, разочарованные большевицкой властью, разжигалась всегда большая рознь между казаками и иногородними, и комиссары чувствовали, что казаки не на их стороне. Дружина из иногородних была труслива, не умела владеть оружием и была недостаточно кровожадно настроена.

Мореков просил присылки матросов и красной гвардии. Но матросам и красной гвардии не улыбалось ломать поход по степи, они упивались властью в Новочеркасске и Ростове. Да и боялись казаков.

- Вот откроется Дон, станет навигация, пароходом придём, всех буржуев передушим, кровушки напьёмся, - говорила власть из Новочеркасска.

А "брехалка" подхватывала эти слова, ахала, возмущалась, трепетала, девицы по вечерам прижимались к кавалерам, будущим жертвам палачей, и ещё веселее с истеричным надрывом смеялись, и росло и крепло чувство в станице, что так нельзя жить, что это не власть и не правительство.

Трепетали Мореков и Тапилин, заискивали перед казаками. Приказали произвести выборы полкового командира. 9-й полк избрал своего бывшего командира полковника Короченцова.

Отрезвлялись казаки. А когда с первым весенним теплом потянуло от черной степи ароматом чернозема, когда задрожало в розовом тумане степное марево и стали мычать коровы, просясь на луговой простор станичной толоки, - зашумела станица, и грозные стали предъявлять требования комиссару и его совету.

Поднимался весь Дон снизу доверху и шёл изгонять большевиков и советы...

П.Н. Краснов
("Сполохи" - Берлин, 1921 г.)

Психическая атака, или как казачий пулемёт красную батарею победил

Приведённый ниже документ апреля 1919 года, хранящийся в ГАРФ - фрагмент воспоминаний сотника Б.Н. Кирова - позволяет ещё раз убедиться в героизме уральских казаков, которые неоднократно шли в атаку против во много раз численно и технически превосходящего врага (публикация С. Балмасова).

От полковника Кириллова я получил приказание идти к посёлку Шапово, куда уже отправилась 1-я сотня 3-го учебного полка и занять его. Мы направились туда на рысях. Скоро мы увидели цепь 1-й сотни и я послал туда казака передать её командиру, что я с сотней прибыл, вступаю в его подчинение и жду приказаний.

Посёлок был хорошо укреплен и занят большими силами красных. Расположен он был на более высоком месте, чем та позиция, где мы находились, и поэтому степь около него уже успела просохнуть и подойти к нему можно было со всех сторон. Но в то же время, сделать это было очень трудно, так как окружавшая его степь была совершенно ровной, и в силу этого все наступающие части могли свободно обстреливаться с закрытых позиций посёлка.

Взвесив все выгоды и невыгоды нашего положения, равно как и положение красных, я и командир сотни 3-го полка есаул Б. Железнов решили, что нам силами двух сотен взять посёлок невозможно, и поэтому мы только огра-

ничились действиями, целью которых было выяснить положение и силы противника. Рассыпавшись лавой, мы одной редкой цепочкой начали наступать на посёлок. Красные, видя, что нас мало, подпустили лаву очень близко к посёлку и потом открыли по нам огонь из пулемётов и двух орудий. Огонь был несильным, и мы продолжали двигаться вперёд. Временами нам начинало казаться, что красных в посёлке немного и что нам удастся его занять. Но огонь постепенно усиливался и в конце концов мы принуждены были отойти, не понеся, правда, потерь. Эта демонстрация показала нам, что силы противника значительны, но мы все же не могли о них составить более точного представления. Через некоторое время мы повторили прежний свой маневр, но на этот раз уже наступление повели энергичнее, надеясь заставить красных показать все свои силы. При первых выстрелах мы перешли на рысь, а затем на намёт, дав понять противнику, что мы решили атаковать посёлок. Маневр удался и красные, настроенные нервно во дни своего весеннего отступления, показали действительно все свои силы. По нам они били минимум из 6 орудий, и пулемётные пули постоянно засыпали наши сотни.

Мы быстро отошли. Странно, потерь у нас не было совершенно. Может быть, красные волновались и стреляли, куда попало, а может быть, ровная, как море, степь обманывала глаз и не давала возможности правильно определить прицел. Но еще вернее, что испарения просыхающей степи, преломляя лучи солнца, обманывали зрение, создавая мираж. Кто был в степях, тот знает, что миражи бывают не только в пустыне Сахара. Они встречаются на каждом шагу и у нас в степях. Очень часто они принимают настолько реальные формы, что даже старые казаки, знавшие степь с детства, часто ошибаются. Миражи эти бывают иногда удивительно красивы, что уже невозможно ошибиться, что это мираж. Иногда вам же кажется, что впереди вас в нескольких верстах, а иногда всего в сажнях 200-300 расположен поселок, около него - гумна, вода и около нее - плотина, обсаженная деревьями, ходят верблюды и так далее и так далее. Вы удивлены, так как знаете, что здесь нет ничего подобного, но картина эта настолько ясная, что невольно вы начинаете сомневаться и думать, что забыли, что здесь есть жилье. Часто в жаркий тихий летний день, когда высохшая степь мучает вас жаждой и горячее солнце палит вас своими лучами, вы, поднимаясь на сырт, видите такой хуторок и около него воду. Молодые казаки, ещё не привыкшие к таким фокусам и обманам степи, бросаются за водой. Удержать их на месте невозможно. Они не верят тому, что это только кажется, и мчатся с чайниками за водой, но, проскакав 100-300 сажней, смущённые, возвращаются обратно. Такие же миражи часто обманывают и во время боя. Достаточно маленького течения воздуха, насыщенного испарениями, между

вашим расположением и расположением противника, чтобы никакие, даже самые точные приборы не смогли определить расстояние между вами. Думаю, что так было и в этот раз. Как бы то ни было, мы отошли, не понеся потерь, но для нас вполне было ясно, что если бы мы даже сумели пройти до окопов противника, сумели бы проскочить их и ворваться в посёлок, то там нам был бы конец, настолько наши силы не соответствовали силам красных.

Отойдя, мы решили ждать подхода наших частей. Ждать долго не пришлось. Со стороны нижней линии подходила наша 1-я дивизия, а со стороны хуторов и линии железной дороги - 2-я. Обе дивизии, не подходя близко к посёлку, остановились и развернулись в боевой порядок на расстоянии вёрст трёх от него. Мы ждали большого боя и думали, что обе дивизии ринутся на посёлок и уничтожат всю группировку красных, засевавшую в нем. Наши ординарцы поехали с донесениями, точно рисующими положение. Через некоторое время нами был получен приказ: наступать на посёлок. Думая, что за нами пойдут части дивизий, мы начали наступление, но остались одни и, встреченные ещё более сильным огнем, понеся потери, должны были отойти.

Полки и сотни не двигались нам на помощь. На все наши просьбы о подкреплении нам отвечали неизменным приказом наступать и взять посёлок.

К полудню к нам подошла полусотня 33-го Николаевского полка (из крестьян-добровольцев Самарской губернии), которая сообщила нам, что на фронт прибыл атаман, который нам и приказал взять посёлок.

Мы опять двинулись вперед, но были опять отбиты и, неся потери, отошли. Чем руководствовалось наше начальство, я сказать не могу, но, несмотря на наши донесения и просьбы прислать нам помощь, мы получали неизменное приказание наступать и взять поселок. Помощи же не было. В этот день мы сделали 6 атак на окопы противника, но безрезультатно. К вечеру нервы уже притупились, когда мы получили приказание уже от самого атамана, которое гласило: "Наступать или расстреляю". Мы снова пошли в атаку. Казаки знали приказ. Мы спешили, оставили коноводов на открытом месте, и пошли на посёлок. Красные, уже привыкшие к нашим атакам за день, не обращали на нас большого внимания и всю силу своего артиллерийского огня перенесли на расположение наших двух дивизий. Это дало нам возможность подойти к посёлку почти вплотную, но всё же мы ясно сознавали, что взять его нам не удастся. Мы шли вперед, зная, что немногие вернутся назад от окопов красных. Но, невзирая на это, настроение у всех было бодрое. Так бывает только тогда, когда свист пуль уже надоел и утомил настолько, что хочется скорее всё кончить, то есть или лечь около вражеских укреплений, простреленным пулей, свиста которой, конечно, не услышишь, или же войти в них победителем.

Мы шли во весь рост. Наши сотенные пулемётчики, с лёгкими пулемётами "Гочкиса" и "Льюиса", забыв про опасность, выбегали вперед цепи, ставили пулемёт и начинали обстрел врага. Меткая пулемётная стрельба с нашей стороны, конечно, не понравилась красным, и они взяли нас на картечь. Но мы продолжали двигаться вперед и наши пулемёты, только меняя места, продолжали свою работу. Особенно хорош в этом бою был пулемётчик моей сотни Переплётов. Он с легким пулемётом "Льюиса" и двумя казаками прислуги выбежал дальше всех вперед и выпускал в красных очередь за очередью. Своей целью он избрал батарею из двух орудий, стоящих за мельницей, хорошо видимых с нашего расположения. Орудия эти отвечали на его очереди картечью. Это был поединок! Бахает орудие, взрывает широкую полосу степи своими пулями картечь и готовится ко второму выстрелу, а Переплётов, около которого пронеслась не одна картечная пуля, подхватывает подмышку свой пулемёт, перебежит в сторону сажень 20-50, и опять пускает очередь по батарее. Медленно, но упорно

продвигались наши цепи к окопам красных. Замолкло одно орудие красных у мельницы, скоро замолкло и другое. Потом мы узнали, что вся их прислуга была выбита пулемётом Переплетова. Пулемёт победил картечь.

Мы начали скапливаться для решающей атаки. Кто знает, чем бы она кончилась. Вероятнее всего, что все мы были бы уничтожены массой красных. Но в это время нами было получено приказание об отходе. Потеряв около трети своего состава, наши сотни отошли в посёлок Балаган. Кому, зачем нужны были эти потери! Почему две дивизии, стоящие в степи, не пошли на посёлок и возложили всю операцию на две с половиной сотни, я не понимаю и сейчас. Я никогда не критикую приказаний своего начальства и исполняю их так, как меня учили, беспрекословно. Но, когда, после этого приказания, прошло уже почти 10 лет, я хочу сказать, что оно мне казалось и непонятным, и даже глупым. Но вся гражданская война велась доморощенными стратегами, и часто они, "мудрствуя лукаво", хотели создать что-то грандиозное и упускали самое простое. Часто самые простые задачи не разрешались только из-за того, что наши стратеги хотели создать из неё что-то особенное

и, мудрствуя, не замечали самого простого решения. Чья была ошибка, кто виноват в исходе этого боя, я сказать не могу. Результат же его был таков: большие потери в наших наступающих сотнях, мелкие потери у красных, включая одну сбитую Переплетовым батареею и оставление ими в ту же ночь посёлка. Как это произошло, расскажу следующий случай. Разъезд прапорщика Гугарева, которого я ещё с утра отпустил в сторону посёлка Круглоозёрный, начал возвращаться для присоединения к сотне. По ошибке, заблудившись, он выехал прямо в посёлок Щапов, у которого весь день шёл бой. Караулы красных его окликнули, когда он, не подозревая, куда попал, ответил, что едут казаки 2-й сотни, то караулы удрали, а в посёлке поднялась паника, во время которой наш разъезд тоже едва выскочил из Щапова. Красные уже готовились оставить этот посёлок, и появление этого разъезда было последней каплей. Красные, услышав, что в Щапов входят казаки, в панике покинули его, оставив нам много обозных подвод, пулеметы и даже одно орудие. Разъезд же, состоявший всего из 12 человек, естественно, сам удирает от красных, как только мог.

Б. Киров

На положении затравленного волка

В Госархиве РФ хранится уголовное дело моего дяди - **Овчинникова Владимира Александровича**. Он был арестован в 1932 году, когда приехал в Москву из Фрунзе (где работал топографом на Чуйстрое). Жене и матери сказали: "без права переписки" (т.е. - расстрел).

Следственное дело - на целую группу, преимущественно из казаков-уральцев, 25 человек. Листок выдачи чист - в читальный зал выдачи первый раз. Потом спрашивал уральских краеведов - о деле 25-ти никто не знал. Выходит, кроме расстрелов и сроков, была ещё и высшая мера - почти 80-летнее молчание!..

"Обвинительное заключение."

Осенью пр. года в Особый отдел ОГПУ МВО стали поступать сведения о том, что в Куницево-м р-не и в Москве концентрируются группы бывших белых офицеров из армии Толстова, бывших торговцев, промышленников и т.д., прибывших из Уральска.

Проработкой этих сведений было выявлено, что действительно ряд видных в прошлом белогвардейцев, ряд крупных промышленников и торговцев, сыновья лишенцев, в связи с ущемлением их в г. Уральске, начиная с прошлого года, стали постепенно переезжать из Уральска в Москву и, осев в Москве и подмосковных р-нах, скрыв своё прошлое, начали просачиваться в советские учреждения, а более молодые из них, окончившие шофёрские курсы, стали водителями машин.

Переезд их из Уральска носил плановый характер. Вначале выехала небольшая группа молодёжи, которые, устроившись здесь на жительство, получив работу, немедленно сообщали об этом в Уральск, оттуда постепенно и группами, и в одиночку начали приезжать другие, по приезде коих ранее прибывшие устраивали на квартирах и помогали получить работу.

Таким образом, к концу прошлого года в Москве и, особенно, в Куницево-м районе сконцентрировалось до 60 человек бывших белых офицеров и бывших людей-уральцев, которые в прошлом были тесно связаны друг с другом.

Проживая в Москве и в ряде подмосковных селений, этой старой взаимной связи они между собой не прерывали и, очень часто собираясь на своих квартирах, делились сведениями, получаемыми из Уральска, информацией о вновь прибывших, обсуждая своё положение, а общая их враждебность по отношению к Соввласти вызывала во время этих бесед резкие к-р выступления в отношении всех мероприятий Соввласти, гибели коих они с нетерпением ждали.

Установлено, что на происходивших неоднократно "сборищах" пелись гвардейские песни, рассказывалось, кто из членов правительства на какой даче живёт, причём наиболее озлобленные из них высказывались за совершение террористических актов над отдельными членами правительства и руководителями коммунистической партии..."

По делу были арестованы:

В. Овчинников с женой Зоей, 1926 г.

1. **Борсин Александр Васильевич**, 26 лет, ур. Уральска, холост, б/п, образование 3 класса городского училища, сын торговца, сам торговал, скрывал своё прошлое, устроился на работу шофёром.

2. **Болдырев Павел Давыдович**, 1893 г.р., ур. п. Кожехарово ст. Бударино, крестьянин, сын казака - служителя культа, женат, б/п, окончил Уральское духовное училище, зав. хлебопекарней в белой армии Толстова, служил консультантом в госбанке.

3. **Володько Александр Григорьевич**, 1896 г.р., ур. Тифлиса, женат, б/п, из мещан, бывш. бел. ротмистр, лишенец, скрыв своё прошлое, устроился на службу бухгалтером в Аптекоуправление.

4. **Гладков Николай Васильевич**, 24 года, ур. Уральска, холост, б/п, окончил 7-милетку, сын торговца, сам бывш. торговец, лишенец, скрывал своё прошлое, устроился шофёром.

5. **Лабутин Сергей Алексеевич**, 22 года, ур. Уральска, холост, б/п, отец бывш. бакалейный торговец, имел фруктовый сад 800 деревьев, лишенец, скрыв своё прошлое, пролез в комсомол, устроился шофёром.

6. **Марков Василий Артемьевич**, 1903 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, сын торговца, бывш. торговец, скрывший своё прошлое, шофёр Москомтранса.

7. **Лоскутов Павел Платонович**, 1898 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, окончил кадетский корпус в Оренбурге, сын б. белого полковника, бывш. бел. есаул, до революции семья имела 2-х этажный дом, 30 десятин пахотной земли, 9 лошадей, рогатого скота 12 голов, верблюдов 7, сельхоз. инвентарь, лишенец, скрывал свое прошлое, устроился слесарем в артели, отбывал наказание в концлагере.

8. **Лабутин Михаил Алексеевич**, 24 года, ур. Уральска, холост, б/п, сын крупного торговца, до революции помогал отцу в торговле дегтярными и щепными товарами, скрыв своё прошлое.

9. **Лобиков Николай Леонтьевич**, 1891 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, окончил Киевское военное училище, бывш. белый подьесаул и старший адъютант штаба армии Толстова, лишенец, служил в тресте Химруда.

10. **Токарев Александр Гордеевич**, 24 года, ур. Уральска, холост, б/п, отец расстрелян красными в 1919 г., т.к. был очень богатым торговцем, имел много скота и земли, лишенец, скрыв своё прошлое, из армии был вычищен за аморальное поведение.

11. **Хвостов Константин Андреевич**, 23 года, ур. Уральска, холост, б/п, сын владельца биллиардной и трактира, сам торговал, скрывал своё прошлое, устроился шофёром.

12. **Филимонов Александр Михайлович**, 1905 г.р., ур. Уральска, холост, б/п, образование среднее, бывш. торговец, лишенец, скрыв своё прошлое, устроился шо-

фёром в 2-ой автобусный парк.

13. **Овчинников Владимир Александрович**, 1900 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, образование среднее, сын крупного помещика, расстрелянного в 1919 г., бывш. доброволец белой армии Толстова, б. крупный каратель, до ареста работал топографом на Чуйстрое в Киргизии.

14. **Сладков Ливерий Фомич**, 1900 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, сын торговца, лишенец, скрывал своё прошлое.

15. **Климов Леонид Фёдорович**, 1893 г.р., ур. Уральска. сын зажиточного казака, не женатый, б/п, окончил школу прапорщиков, бывш. бел. сотник армии Толстова, служил шофёром в Москомтрансе.

16. **Симаков Иван Андреевич**, 25 лет, ур. Уральска, холост, б/п, образование 4 класса городского училища, торговец, скрывал своё прошлое, устроился шофёром.

17. **Климов Панфил Фёдорович**, 26 лет, ур. Уральска, женат, б/п, образование 3 класса, торговец, лишенец, в 1928 г. был осуждён на 6 мес. за злостное повышение цен.

18. **Котов Виктор Андреевич**, 1900 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, образование незаконченное высшее, крупный мануфактурист и домовладелец Уральска, лишенец, скрывал своё прошлое, служил экономистом в Центросоюзе.

19. **Климов Пётр Фёдорович**, 22 года, ур. Уральска, холост, б/п, окончил 9-тилетку, сын крупного торговца, лишенец, скрыв своё прошлое, пролез в комсомол, откуда исключён.

20. **Султанович Георгий Анатольевич**, 1896 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, бывш. дворянин, бывш. белый поручик армии Пржевальского, в 1915 г. окончил Павловское военное училище, скрывал своё прошлое, безработный.

21. **Смирнов Валентин Николаевич**, 1898 г.р., ур. г. Вильно, женат, б/п, дворянин, бывш. белый подпоручик армии Толстова, Пелгюры, Скоропадского, образование среднее, окончил Михайловское арт. училище, служил экономистом Союзмеханизации, сидел в концлагере.

22. **Логашкин Александр Константинович**, 1898 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, сын помещика, крупный торговец, образование среднее, скрывал своё прошлое, служил бухгалтером в Стромкооперации, в белой армии служил писарем.

23. **Колесов Иван Тимофеевич**, 1897 г.р., ур. г. Пугачёв, женат, б/п, окончил 2-х классное училище, крупный торговец сеном, скрывал своё прошлое, шофёр.

24. **Горшков Александр Георгиевич**, 1889 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, образование незаконченное высшее, окончил Оренбургское военное училище, сын казачьего полковника, бывш. белый сотник, служил бухгалтером в Птиццентре, отбывал наказание в концлагере, судился за хулиганство, лишен избирправ.

25. **Карев Александр Сергеевич**, 1880 г.р., ур. Уральска, женат, б/п, крупный промышленник и мануфактурист, лишен избирательных прав, скрывал своё прошлое.

В списке ещё два наших дальних родственника: А.Г.Горшков и И.Т.Колесов. У Александра Горшкова были сводные братья - легендарные на Урале казаки. Владимир - участник разгрома 25-й Чапаевской дивизии, начальник 6-ой Уральской конной дивизии; будучи отрезанным от основных сил армии Толстова, сдался с остатками дивизии в плен и был убит. Второй брат, Георгий - один из трёх первых подготовленных в России авиаторов, расстрелян ЧК. Дядя Ваня Колесов - родственник по материнской линии, работал шофёром, катал меня в детстве на "эмке"...

Аресты прошли 16 января 1932 г., затем 16 февраля. У арестованных изъяты в основном письма и фотографии близких; только у А.Володько, судя по описи, целый арсенал террориста: револьвер "Браунинг", винтовка "Винчестер", патроны (потом в деле они почему-то не упоминаются). У Л.Климова "улика" - карманный альбом снимков вождей революции.

Мотивы ареста: социально чуждое происхождение, антисоветские настроения, сокрытие статуса лишенца.

По Конституции РСФСР 1918 г. и 1925-1936 гг., "не избирают и не могут быть избранными":

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты

с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие;

г) духовные служители церквей и религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений.

А.Г. Володько

Поражённые в правах не могли жить в больших городах, в армию их призывали в специальную часть, где не вооружали и не обмундировывали и т.д. Но самое существенное - проблема с трудоустройством.

Уральский губисполком так отчитывался о своих успехах: "В 26-27 году в сельских местностях лишено избирательного права 13.737 человек, т.е. 3,9% общего количества избирателей, против 2.898, т.е. 0,8%, в 25-26 году. В городах в 26-27 году лишено

1531 человек, или 5,8% против 977 чел., или 3,98% в 25-26 году... Очевидно, что громадное большинство нежелательных элементов, в 25-26 году свободно участвовавших в выборах, в 26-27 году было устранено".

Уо мало было лишения прав - проводилась высылка лишенцев. И просто издёвкой звучат слова Сталина: "Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных, демократических выборов, никогда!.."

Документ, который, по замыслу ОГПУ, стал сигналом к началу арестов, привожу полностью:

"Группа: Уральцев, Гладковы, Лабутины, Климовы, Хвостов, Марков - бывшие крупные торговцы. Бакалея, Сетемисел, Мука и просто спекуляция - основной их промысел. В период НЭПа, когда ещё нужен был частный капитал, они расцвели и жили припеваючи, не думая о том, что им будет крышка. Так жили они до того момента, когда Советская Власть прищемила им хвост, но вместо того, чтобы идти с повинной головой и рассказывать о своих преступлениях, выразившихся в обдирательстве и надувательстве обывателей рабочих и служащих, они стали искать выхода из создавшегося положения.

Выход был найден. Они выехали в Москву, где в большом городе они могли ещё скрытно продолжать свои коммерческие операции. Здесь их также постигла неудача, и они решили изменить свою физиономию торговца на рабочего. Таким образом, благодаря всяким махинациям при наличии у них красноармейской шинели, сумели пробиться на шофёрские курсы и таким образом стали "трудящимися". Эта марка не помешала им продельвать прежние операции с перевозкой частных грузов на государственных машинах и таким образом подрабатывать. Всё это, изложенное мною, я слышал от б. их товарища, имевшего плантацию (огород), Нефёдова Фёдора, который теперь живёт в Ленинграде. Адреса не знаю.

Политическая сущность операции с шинелью говорила за их полное враждебное отношение к Сов. Власти, ибо под видом демобилизованного красноармейца они воспользовались тем, что пролезли в ряды трудящихся, оставаясь в душе явными вредителями Стройки. Махинация с перевозкой грузов говорит за то, что они несколько не понимали сущности выдвигаемых Сов. Властью и Партией вопросов о минимальном расходе топлива, сущности режима экономики и, несколько не помогал делу Стройки, явно выражали свой враждебный взгляд на существующий Строй.

Момент выезда из Уральска характерен тем, что в данное время Уральск - город меньшинства - Казахстан, где ряд забитых, закабалённых казаков (б. киргиз) (в связи с политикой расказачивания и "коренизации", начиная примерно с 1921 года всех киргизов стали именовать казаками, а казаков растворили в общем понятии "русские"; в 1925 году Киргизскую АССР даже переименовали в Казахскую АССР - В.О.), стремясь к культуре от кочевого образа жизни, переходил к осёдлости и заполняли таким образом Уральск, овладевая техникой управления производства. Раньше казаки представляли тёмную массу, которую можно было надуть этой комбинацией, а теперь они (казаки), став у руля государства, уже перестали поддаваться надувательским комбинациям этих торгашей, и поэтому они решили двинуться в Москву.

В отношении их взгляда на Дальневосточные события я ничего сказать не могу, так как я с ними не разговаривал. Виделся с Марковым два раза и заходил к нему, чтобы встретиться с Болдыревым, обещавшим мне службу, а с

Лабутиным тоже раза 2, чтобы увидаться с Крутилинным для переговоров о жилплощади.

22/II - 32 года. Подпись.

В Уральске началась ссылка лишенцев, и они решили удрать, полагая, что они этим себя избавят от таковой, находясь в Москве".

Дата "сигнала" - 22 февраля (неделей после последних арестов!). Почти каллиграфический почерк с завитушками. В графе "Ф.И.О" - "К... Василий Петрович".

В начале документа - "Группа: Уральцев..."! Водивший пером посчитал, что есть некто по фамилии "Уральцев". Писал явно под диктовку. Исправлять ляп не стали (не заметили?).

Копии снимать с доносов нельзя, но я решил всё же таковую заказать. Изъяли! Трогательная забота ФСБ о своих законспирированных кадрах (которые, кстати, уравнины в статусе с ветеранами ВОВ).

Фактическим же основанием для арестов стали сведения из допросов по другим уголовным делам (показания арестованных копировать можно). Вот выписка из параллельного дела, от 8 мая 1931 г. - показания Байкаловой А.О.:

"Лоскутов Павел Платонович, б/б офицер-артиллерист, контр-рев настроен, лишенец, что скрывает, очень осторожно свои взгляды высказывает в виде острых шпилек. В белой армии служил вместе и под начальством полковника Мартынова. Со слов его жены, Лоскутов хочет из Москвы скрыться. Лоскутов служил вместе с б/б офицером Володько А.Г., с которым в близких отношениях".

"Лобиков, б/б Уральской армии, со слов Ерёмкина известно, что Лобиков в белой армии играл большую роль и был правой рукой б/б генерала Моторного".

"Марков, как лишенец, из Уральска скрылся, приехал в Москву, скрыл прошлое и через какого-то "хозяина" устроился куда-то в гараж и, с его слов, он развозит от типографий газеты".

Все трое - Лоскутов, Лобиков и Марков - офицеры Белой армии. После показаний Байкаловой их арестуют.

В другой выписке - показания Калмыкова Ф.И.:

"Контррев. группировка состояла: я, Калмыков Фёд. Ив, б. исполняющий должность военного прокурора Уральской белой армии, Ерёмин Тимофей Ануфриевич - б. командир сотни б. уральского казачества, казак, Жаворонков Влад. Всевол. - б. нотариус г. Уральска, служил в б. уральской армии, член Военно-Окружного суда, Лозашкины Ал-др и Конст. Константиновичи - сыновья крупного уральского помещика-казака, жили в период гражд. войны на территории б. Уральской армии, Лоскутов - б/б, Володько - б/б офицер-казак".

Ещё двое, Логашкин Александр и Лоскутов - в список 25-ти.

Допрашивали, как правило, по одному разу, Овчинникова - дважды.

"Протокол допроса 17/1-32 г.

Овчинникова Владимира Александровича, год рождения 1900, родился в г. Уральске в семье казака - очень крупного торговца, окончил реальное училище в 1917 г. в г. Уральске, геодезический техникум в Самаре в 1928 г., два курса Самарского Государственного университета на физмате, в 1930 г. окончил курсы по топографии. До 1917 г. отец мой имел следующую собственность: 6000 шт. овец, это не точно, возможно, больше, лошадей больше 100 шт., рогатого скота голов 600 шт., 2 или 3 тысячи десятин земли пахотной, дом в Уральске, сад фруктовый 5 гектаров площадью, хутор, мельница, 2 паровых молотилки, косилки, механические фургоны и т.д. В февральскую революцию я находился в гор. Киеве, учился вольнослушателем в Механическом отделении Киевского Политехнического института. Участия в Февральской революции я не принимал. В 1918 г. я добровольно поступил в Белую Уральскую Казачью армию в штаб фронта вестовым, пробыл там 2 недели, после чего уехал в гор. Уральск, откуда через месяц вступил в карательный отряд есаула Горшкова Владимира Георгиевича, являющегося моим родственником. Отряд имел человек 28 - 35 преимущественно богатых казаков. Задачи этого отряда были следующими: подлавливание языков, заходы в тыл мелких красных частей, били из-за угла, грабили. Помню случай, когда наш отряд провокационными мерами привлекал отбельных красноармейцев к мель-

В.А. Марков

нице, в которой мы сидели (хутор кулаков возле посёлка Паника), попавшие красноармейцы нами убивались. Месяца через полтора наш отряд уехал в Уральск домой. В Уральске я отдыхал дома. Отряд же распался. До того как отряд распался, в нём были, я, мой брат Николай Николаевич Овчинников, Селезнёв - имя и отчество не помню, казак Чукалин, Ковалёв Иван и др. Фамилии их в данное время не вспоминаю. Прожив в гор. Уральске недели две, я поехал на ст. Шипово, где поступил в такой же отряд под командой есаула Хохлачёва, но отряд состоял исключительно почти из одних офицеров. С этим отрядом я поехал в пос. Сломихино под командой полковника Бородина Ник. Николаевича (убит), которому подчинялся и наш отряд. За время службы в этом отряде я участвовал во взятии мельницы около стан. Александров-Гай, в которой оборонялся отряд красноармейцев, красноармейцам была обещана жизнь, если они сдадутся, но после того как они сдались, их поголовно всех расстреляли. После этого я уехал снова в гор. Уральск, отдохнул там (поскольку я был молодой и при том сыном богатых людей, я ездил, куда только мне хотелось), и в начале 1919 г. меня призвали в Белую армию в сотню 20-й постановой (призыв 20-х). Из этой сотни я через Горшкова перевёлся во вновь сформированный им полк такого же характера, как предыдущий его отряд. В этот период красные два раза на короткие сроки занимали г. Уральск, причём во время второго захвата красными был расстрелян мой отец, Овчинников Александр Петрович. Во время службы в полку Горшкова в посёлке Янайкин или Скворкин я, Овчинников В.А., совместно с шестью человеками казаков был послан сотником (братом) Горшкова произвести расстрел нескольких человек, 4-5, пленных красноармейцев, что мы и произвели, расстреляв их почти плотную двумя-тремя залпами., расстреляли мы их на берегу реки так, чтобы они после того, как будут поражены, падали прямо в реку. Помню, что один очень молодой парень перед тем, как мы начали расстреливать, истерически кричал. После того, как мы их расстреляли, кто-то из нас подошёл к тем расстрелянным, которые упали в воду, и для страховки добил их. В боях с красными я активно участвовал, о чём говорят 4 моих ранения.

В начале 1920 я, отступая с остатками разбитой армии Толстова, был взят в плен в г. Форт-Александровске, после чего перевезён в Астрахань, в рабочий батальон Приволжской флотилии, про-работал там до конца 1920 г. после чего откомандировали в Губпродком как знающего киргизский язык в гор. Самару, там был командирован в Самарский геодезический техникум. В течение 1921 года выдержал испытания на специальный курс и окончил его в 1922 году, одновременно участв в Университете на физмате, где в 1923 году прослушал 2 курса. В 1923 году приехал в Уральск, где жила мать и три младших брата. Съездил в степь, купил лошадь и поступил с подводчиком к землемеру. В 1924 году поступил землемером-практикантом в Уральский ОКРЗУ и служил там до 1931 года февраля. Занимал разные должности вплоть до зав. технической частью партии и триангулятора. В 1930 году был лишен избир. прав, а в 1931 г. был уволен из ОКРЗУ как лишенец, хотя подавал заявление сам об увольнении из ОКРЗУ. В 1931 г. в феврале месяце я приехал в Москву, поступил работать в Новлутрест.

С моих слов верно и мною прочитано. В. Овчинников Допросил Уполн. 2 Отд. ОО ОГПУ МВО Курдов".

На втором допросе Владимир показывает:

"В дополнение к ранее данным мною показаниям сообщаю, что мне известны проживающие с 1929 г. в Москве и дер. Давыдово Кунцевского р-на уроженцы гор. Уральска, враждебно настроенные к существующему государственному строю, на почве ненависти к которому поддерживающие тесную моральную и материальную связь. Эти уральцы, такие, как и я сам, состоят исключительно из бывших, т.е. из бывших белых офицеров и казаков, б. торговцев-лишенцев и проч. и их семей и вынят Советскую власть и партию, в частности, руководство со Сталиным во главе, в том, что оно привело Россию к полному обнищанию, что особенно отразилось в бывших казачьих областях, как, напр., быв. Уральской области, некогда одной из богатейших областей России, теперь почти что

голодает, и для казачества там созданы такие невыносимые условия, что оно принуждено бежать оттуда, скрывая зубы и неся скрытую ненависть к Соввласти и её сталинскому руководству.

Наиболее твёрдо стоящие на этой точке зрения следующие уральцы: бывш. бел. офицер КЛИМОВ Леонид Фёдорович, лишенец, что скрывает, сын бывшего торговца, проживает в дер. Давыдково. КЛИМОВ Л.Ф., когда зашёл вопрос о событиях на Дальнем Востоке, говорил: "Японцы и другие иностранцы разрешили быв. белым казакам, находящимся за границей, создать своё казачье государство и всячески этому помогают, а у нас, наоборот, приходится бежать с своей земли и скрываться, чтобы иметь хотя бы какую-нибудь возможность просуществовать, тяжело жить на положении затравленного волка".

Из протоколов допросов арестованных видно - никто из них особо не скрывал своих настроений, они давали характеристики своих товарищей, ничего не замалчивая.

Прочитавшие опять обвинительное заключение, сокращая лишь число приводимых следствием примеров:

"Произведенным следствием, показаниями ряда обвиняемых, было подтверждено, что все арестованные уральцы представляли собой тесно спаянную контрреволюционную группу бывших белогвардейцев и бывших людей, связанных между собой и своим прошлым и своей общей ненавистью к Советской власти, часто собиравшихся друг у друга.

Эти моменты, как указано выше, были подтверждены показаниями ряда обвиняемых, из коих наиболее характерными являются:

"Мы, уральцы, собравшиеся в Москве и в Кунцевском р-не, представляли собой крепко спаянную группу контрреволюционно настроенных лиц, жаждущих падения советской власти, в ожидании чего пытающихся скрыть своё прошлое и замаскироваться от зоркого ока власти путём устройства на различных должностях в советских учреждениях. Некоторые из нас даже пролезли в комсомол. Мы неспроста ненавидим Советскую власть, и неспроста мы создали в Москве колонию уральцев. Большинство из нас являются бывшими белыми офицерами, бывш. белыми казаками, торговцами и почти что все мы так или иначе были ущемлены Соввластью" (показ. б. торгов. МАРКОВА).

"Мы часто собирались у ЕРЁМИНА, особенно группой бывш. белых офицеров, в состав коих входили: ЛОСКУТОВ, СУЛТАНОВИЧ, ЛОБИКОВ, СМЕРНОВ, СЛАВКО и я - ВОЛОДЬКО. Мы обсуждали внутреннее положение СССР и все без исключения критически относились к тем или иным мероприятиям власти. Все мы, выступавшие в своё время против власти, не могли примириться с мыслью, что с изменением режима мы лишимся тех благ, которые мы имели раньше" (показ. б/б ротмистра ВОЛОДЬКО).

"Все перечисленные мною лица были между собой связаны и прошлым, и настоящим, часто собирались друг у друга, у нас на квартире и чаще всего у БОРСИНА. Всех этих лиц советскими людьми я назвать не мог" (показ. бывш. торговца КЛИМОВА П.).

"Все мы, уральцы, проживавшие в деревне Давыдково и в Москве, люди, выброшенные Соввластью за борт, были настроены по отношению к ней враждебно. Все мы поддерживали между собой тесную связь, часто друг у друга собирались и на наших собраниях вели а/советские разговоры" (показ. б/б сотника КЛИМОВА Л.).

"Собираясь на квартирах у КЛИМОВА, уральцы вели разговоры о том, что власть действует неправильно, производя ненужный нажим на торговцев, промышленников и других. Мы говорили, что в экономическом положении власть от этого слабеет и это вызывает недовольство" (показ. лишенца СЛАДКОВА).

Далее следствием было установлено, что съезд уральцев в Москву являлся не случайным, а носил плановый организованный характер. Это обстоятельство подтверждают в своих показаниях многие обвиняемые, которые говорят:

"После высылки отца мне некуда было деться, и я с 4-мя товарищами, такими же лишенцами, как и я, приехали в Москву и поступили на службу на шофёрские курсы. Когда об этом узнали в Уральске, оттуда началось паломничество бывших белых офицеров, торговцев, сыновей лишенцев и других, которым нельзя было оставаться в Уральске"

(показ. ФИЛИМОНОВА).

Касаясь причин, заставивших их съехаться в Москву, обвиняемые показывают:

"Большинство из нас являются сыновьями крупных торговцев, бывш. белых офицеров, и почти все мы до 1929 г. занимались торговлей. После укрепления Советской власти в гор. Уральске власть крепко расправилась с нашими родителями, часть коих были расстреляны, часть высланы, и все мы раскулачены. Нам лишили избирательных прав, и когда в 1929 г. начался на нас особый нажим, перед каждым из нас встал вопрос, что делать. Заставить власть относиться к нам иначе мы не могли, поэтому нам надо было куда-нибудь бежать из Уральска, чтобы переждать "бесчинства" власти, а, может быть, и конца её дожждаться" (показ. обв. МАРКОВА).

"Причины, заставившие нас, уральцев, выехать из гор. Уральска, следующие: мероприятия власти против капиталистических элементов города и деревни, наиболее сильно задевшие среду бывших торговцев, почти что все из коих мы являлись выходцами, принудили нас бежать из гор. Уральска" (показ. СЛАДКОВА).

Следствием установлено, что идеолог и фактический руководитель к-р группировки, бывш. бел. сотник КЛИМОВ Леонид, будучи наиболее озлобленным, неоднократно говорил о том, что он с удовольствием убил бы тов. Сталина.

Обвиняемый ФИЛИМОНОВ обрисовал Леонида КЛИМОВА как идеолога этой группы; давая показания о его террористических настроениях, говорит:

"КЛИМОВ Леонид пользовался среди уральцев большим авторитетом и слыл за старшего. К нему обращались за советом, справками и т.д. Среди компании он редко высказывал свои настроения, но когда оставался с одним-двумя своими близкими наедине, то он отводил свою душу. Осенью 31-го года я шёл с поезда вместе с ним. И когда мы переходили шоссе, мимо нас проехала машина, на которой сидел Сталин. КЛИМОВ мне сказал: "Знаешь, Саша, грузовичок бы сюда на шоссе, разогнать бы его, да встречным ходом влететь в машину Сталина, ну а то, что убился сам - это чепуха. Что стоит жизнь бывшего белого офицера при этой власти, но зато российскому народу стало бы легче" (показ. ФИЛИМОНОВА).

И, наконец, сам КЛИМОВ Леонид после ряда вопросов показал: "Считаю, что Соввласть неправильно поступает с бывшими белыми офицерами, торговцами и друг. собственниками, лишая их избирательных прав и не давая им возможности к нормальному существованию, видя, что с каждым днём ухудшается вопрос с питанием и предметами первой необходимости, я считал, что СССР находится в состоянии кризиса, к которому привело неправильное руководство во главе со Сталиным. Я ненавидел её вождя Сталина, считая его диктатором, поэтому, идя однажды с нашим уральцем ФИЛИМОНОВЫМ и увидя на Кунцевском шоссе проехавшую машину, в которой сидел Сталин, я действительно говорил ФИЛИМОНОВУ: "Вот проехал Сталин, и хорошо бы разогнать какую-нибудь машину, да влететь бы её в машину Сталина. Для облегчения русскому народу и себя не жалко".

И вот резюме:

"Все они обвиняются в том, что, являясь выходцами из чуждой среды, будучи тесно связаны в своём прошлом друг с другом, начиная с прошлого года, они стали концентрироваться в гор. Москве и в подмосковном р-не, где, скрыв своё прошлое, просочились в советские учреждения. Проживая здесь, они представляли собой определённую тесно спаянную к-р группировку, устраивали собрания этой группировки, вели к-р разговоры, пели белогвардейские песни и резко высказывались против Советской власти. Эти преступления предусмотрены ст. 58 п. №11 УК РСФСР.

Обвинительное заключение составлено 11 апреля 1932 г.

Справка: Вещдоказательств по делу не имеется. Арестованные содержатся под стражей в Бутырском изоляторе".

Технология следствия видна из материалов дела. Загнанный подследственного в угол показаниями, выжатыми у других, заставляли строчить подробные собственноручные показания. Затем, редактируя, кроили протоколы

П. Ф. Климов

допросов, обильно уснащая их выражениями из стандартного набора политического компромата, выявляя и заостряя вражеское лицо арестованного.

Подследственные говорили, что думали, правду о положении в стране, далёкую от газетной показухи. И слова их звучат действительно контрреволюционно. Нет, не так уж слепы и безропотны были уральцы.

Из "человеческого материала", действительно спянного происхождением, близостью убеждений, работой и, наконец, просто дружбой, мастера ОГПУ сварили "тесно спаянную контрреволюционную группу".

Следствие окончено, подследственные подлежат теперь суду, который не что иное, как бюрократический фарс, техническое оформление приговоров. Нет смысла анализировать качество следствия и судопроизводства. Чем оно хуже, тем лучше для дела советской власти, старавшейся всеми способами уничтожить социально чуждые элементы. Непризнания арестантов уже ничего не значили. Не для того посадили, чтобы выпустить.

Судтройка ОГПУ МО штампует предложенные следствием наказания:

- Болдырев, Лобиков, Хвостов, Филимонов, Симаков, Климов Пётр, Карев - 3 года ИТЛ;
- Гладков, Лабутин, Сладков, Султанович, Смирнов, Логашкин - 3 года ссылки (высылки);
- Борсин, Токарев, Котов, Колесов - 3 года заключения на Крайнем Севере;
- Володько, Марков, Лоскутов, Климов Панфил - 5 лет концлагеря;

А т а м а н П а в л о в

"Думаете ли вы, что я что - то скрываю от вас? Нет, я ничего от вас не прячу. Я говорю лишь то, что вам самим должно быть ведомо"
(Конфуций)

Читая газету "Казачий взгляд" за ноябрь 2008 г., подивился в очередной раз, как некоторые вольно пересказывают серьёзные вещи. И статья вроде нормальная, да вклинился в неё какой-то совсем чужеродный кусок: "А что произошло в ВОВ? Когда весь призывной возраст казаков был мобилизован на войну с фашизмом и защиту Отечества, на Дону всю "непризывную молодёжь" и стариков под лозунгом "бей большевиков, спасай Дон" собрал походный атаман Сергей Васильевич Павлов. И что? Во второй раз утопил в крови всю казацкую молодёжь, и стариков в придачу. А сам сбежал в Америку".

Я-то, наивный, думал, что это большевики уничтожали казаков, старых и малых. Оказывается, нет - большевики даже очень приличные люди. И те, кого они не успели добить, просто обязаны теперь отдать свои жизни за Интернационал. А колхозы с лагерями - это, выходит, и есть казачье Отечество - во всяком случае, так выходит у автора статьи (назовём его NN). Тут и комментировать толком нечего, особенно последнюю строку. Отчего-то всплыло только вот четверостишие В.М.Пуришкевича, ещё 1917 года:

*Не видать земли ни пяди, вся покрылась: кони, бляди...
С красным знаменем вперёд обалделый прёт народ.
Нет ни совести, ни чести, все смешалось с говном вместе.
И одно могу сказать: "Дождались, е-на м-ь!.."*

Нецензурно, но - по-русски и весьма точно подмечено!..

Ну, ладно там - "казачий историк Шамбаров", постоянный автор "Казачьего взгляда". Его подпись под статьёй я бы ничуть не удивился, ведь оный "историк" поклоняется своему кумиру - грузину Джугашвили, по кличке "Сталин" (тому самому, что ещё летом 1907 года с другим "героем", Камо, убивал казаков). А в своей книге "Казачество: История вольной Руси" сообщает, что нелюбимый казаками красный командир Лев Доватор был... казаком! Надо думать - "родовым" (о чём "позабыли" сообщить составители "Еврейской энциклопедии"). Или ещё откровение: оказывается, Гельмут фон Паннвиц был офицером Русской Императорской армии!.. Ну, да Бог с ним, с "казачьим историком". Вернёмся всё-таки к NN и его статье.

Автор, не иначе как, хочет уверить читателя, что Белорусская земля, в которой упокоился Походный Атаман "Казачьего Стана" Сергей Павлов - это и есть США. Что-ж,

- Климов Леонид, Овчинников, Горшков - расстрел. У Климова обвинение в намерении убить Сталина, у Овчинникова и Горшкова - активное участие в борьбе против красных. Приговор исполнен 26 мая 1932 г.

С точки зрения сталинской власти казаки, конечно, были настоящими преступниками - ибо сопротивлялись ей, как могли, мыслью и словом.

В конце пухлого тома - справки о реабилитации Овчинникова и Горшкова (от 15 апреля 1999 года), с пометками: "Родственникам справки не вручены ввиду отсутствия сведений о месте их нахождения". Другие осуждённые реабилитированы ещё в 1957-м - в связи с отсутствием состава преступления.

В двух словах, что было дальше с вдовой Владимира, Зоей, и пятилетним сыном Серёжей. У казаков нередко овдовевшую женщину брал в жёны холостой брат её мужа. У Владимира были три младших брата. Один из них, Александр, в 28-м году закончил в Москве автошколу и, избегая ареста за своё происхождение, уехал подальше - в Туркестан. Вдова с сыном прибывает к Александру в Душанбе, и они регистрируют брак. Но вскоре и Александра - "по подозрению в содействии анархистско-троцкистской группе, а кроме того за попытку сжечь совершенно секретные документы по учёту артиллерийского вооружения дивизии" - в 37-м приговаривают к 10 годам ИТЛ. А в феврале 38-го на свет появляюсь я, унаследовав имя расстрелянного дяди...

В. Овчинников

придётся его огорчить - Белоруссия как была Белоруссией, так ей и остаётся. А заодно и просветить немного - и по истории казачьего сопротивления большевизму, и по судьбе атамана - который, словами NN, "утопил в крови всю казачью молодёжь".

О причинах, заставивших многих казаков в 1941 году снова взяться за оружие, повернув его против ненавистной советской власти, говорилось уже немало (хотя каждый раз, признаюсь, в каждой кубовальном статье на эту тему приходится узнавать новые ужасающие подробности десятилетия расказачивания). Пожалуй, после люто ненавидевшего казаков Троцкого лучше всего, образнее всего выразил суть действий большевиков в отношении казачества Сергей Миронович Киров (которого кое-кто готов записать в лидеры оппозиции сталинскому режиму), ещё в 1923 году: "Карать, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения благодаря деятельности нашего ОГПУ".

Он же, к слову, был автором Закона 7 апреля 1935 г. о привлечении к суду с применением всех мер уголовного наказания, начиная с 12-тилетнего возраста (до этого в концлагерные лагеря несовершеннолетние направлялись лишь по специальным решениям внесудебных органов).

Один из ветеранов (не тех липовых, что в советское время были приравнены к подлинным участникам боевых действий, включая и сотрудников всевозможных карательных органов) вспоминал:

"Родился я в 1925 году в Новочеркасской тюрьме. Отца (атамана, казачьего белого полковника), мать, брата, сестру большевики приговорили к смерти. Мать была беременная мной. Когда она родила меня, по её просьбе передали меня в Кривянской станицу, откуда мама была родом... В Кривянской жил Григорий Назарович Пивоваров (фамилию которого я с тех пор ношу) - хорунжий, награждён крестами. Он взял меня (тайно от окружающих, что я сын белых) со своей женой на воспитание, они стали моими неродными родителями. А родных моих отца и мать, брата и сестру расстреляли красные гады. Да будут прокляты эти сатанинские злодеи!.." (В.Пивоваров. "Кто старое помянет - тому глаз вон... А кто забудет - тому оба!").

Вполне понятно, что в свои 17 лет сын казнённых красными палачами записался добровольцем в казачью сотню (записывались тогда и моложе).

Вспомним, кстати же, и призыв Патриарха Тихона (канонизированного Русской Православной Церковью) из его знаменитого Послания с анафемой большевикам:

"Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело,

это - поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей - загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей - земной.

Властию, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какие-либо общения... Зовём всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей... А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою...

Одним из тех, кто не просто помнил "старое", но и готов был при первой возможности последовать призыву своего Патриарха, и был оболганный "Казачьим взглядом" казак.

* * *
**Этот год забудется едва ли -
20 лет расходятся круги...**

**Казачи народ не предавали,
Казачи народу не враги!**

А в расстрельных балках тихий говор:

Атаман наш снова на коне!

Удалые конники Краснова

Мчатся по родимой стороне.

В тайниках винтовки ржа не ела,

Без нужды и шашкам оселок.

Месть для казака - святое дело!

Вот и завязался узелок...

Ярослав Решетняк

1942 г. Ростов на Дону.

Атаман Павлов

Казак станицы Екатерининской Ерофей (Сергей) Васильевич Павлов родился 4 октября 1896 г. в Новочеркасске. Окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус в 1914 году, в мае 1915-го - казачью сотню Николаевского кавалерийского училища, выпущен хорунжим в третьеочередной 47-й Донской казачий полк. В 1916 году был командирован в Винницкую военно-авиационную школу, по окончании которой служил в боевой авиации на Юго-Западном фронте. Имел ряд орденов за боевые отличия и производство в следующий чин.

После большевизского переворота, возвратившись на Дон в 1917 году - доброволец в партизанском отряде сотника Дмитриева, ранен в бою. С 1918 по 1920 год - в рядах Донской армии. Командовал бронепоездом, снова ранен и тяжело контужен. Затем - командир автоброневика "Казак". Гражданскую закончил лётчиком во 2-м авиационном полку. За доблесть произведён в подьесаулы. В чине есаула был награждён золотым Георгиевским оружием. Последний чин - полковник.

В дни гибели Донской армии Ерофей Павлов с женой не смогли выбраться из Новороссийска (как и многие другие донцы). "С фальшивыми документами о демобилизации из Красной Армии он пробирается на Дон. Не регистрируясь, как белый офицер, не имея постоянно и работы, в невыносимо трудных условиях он начинает жить", - рассказал бывший командир 1-го Добровольческого полка полковник В. Рыковский (см. "Суворовец", № 247, август 1954 г.).

Скрываясь под чужой фамилией и именем "Сергей", будущий атаман работал на заводах, закончил заочные курсы машиностроительного, тепломеханического и строительного институтов, стал конструктором-расчётчиком и проектировщиком. В 1936 году был арестован органами НКВД, но вскоре отпущен - его подлинная фамилия и имя установлены тогда не были. Отца же его, бывшего войскового старшину, расстреляли в ДонЧК.

В начале 1941 года Павлов служил инженером на Новочеркасском паровозостроительном заводе "Локомотив", где создал казачью подпольную организацию, действовавшую до прихода немцев.

После отступления Красной Армии Павлов принял участие в создании добровольческих казачьих формирований. В конце 1942 г. он объявляет сполох в освобождённых станицах, на котором был избран штаб Войска Донского. Формируется пластунская сотня, а затем (в конце

ноября) - 1-й Донской Добровольческий казачий полк и учебная команда. В верхних станицах (у Белой Калитвы) тогда же сформирован 1-й Синегорский атаманский полк.

В феврале 1943 года в боях против Красной Армии в районе Матвеева Кургана казачий полк почти весь погиб. В середине 1943 года Павлов участвует в формировании ещё двух полков в Кировограде, а в начале лета 1944 года - пяти полков в г. Новогрудок. 27 ноября 1943 г. был рекомендован на пост Походного Атамана Казачьих Войск - и утверждён в декабре в Николаеве, на совещании казачьих офицеров Комитета Кубани, Терека и Дона.

С 10 ноября 1943 г. под командование Павлова стали прибывать казаки почти со всего Юга России, включая уходивших за нем-

цами с Северного Кавказа. В его подчинении находилось уже более 18 000 казаков, включая женщин и детей, образовавших "Казачий Стан". Казаков Павлова окормляют в это время местные православные священники. Возрождение почти уничтоженной в 30-е годы церковной жизни в казачьих областях шло очень активно: за вторую половину 1942 - начало 1943 г. в Ростовской области открылось 243 церкви, на Кубани - 229 и в Ставрополье - 127 (ещё вопрос, кстати: не приди тогда немцы, что бы было с Церковью?..)

После недолгого пребывания на Подолье, Казачий Стан в марте 1944 года, из-за опасности советского окружения, начал движение на запад - до Сандомира, и далее по железной дороге - в Белоруссию. В июне для размещения казаков было выделено 180 тыс. гектар земли в районе городов Барановичи, Слоним, Новогрудок, Ельня, Столицы.

Расселённые здесь беженцы были сгруппированы по принадлежности к своим войскам, округам и отрядам, воспроизводя традиционную систему каза-

чьих поселений. 31 марта 1944 г. Павлов был утверждён членом Главного Управления Казачьих Войск (во главе с П. Н. Красновым). "Одарённый недожитым умом и твёрдым характером, Походный Атаман Павлов твёрдо вёл из большевизской неволи вверившихся ему казаков. Обладая пламенным красноречием, порой бурный и непримиримый к большевикам, он одновременно был истинным отцом для казаков и всех тех, кто шёл с ним в этой борьбе".

Была предпринята широкая реорганизация казачьих стрелковых частей, объединённых в 10 пеших полков по 1200 штыков каждый. 1-й и 2-й Донские полки составили 1-ю бригаду полковника Силкина; 3-й Донской, 4-й Сводно-казачий, 5-й и 6-й Кубанские и 7-й Терский - 2-ю бригаду полковника Вертепова; 8-й Донской, 9-й Кубанский и 10-й Терско-Ставропольский - 3-ю бригаду полковника Медынского (в дальнейшем состав бригад несколько раз менялся). Каждый полк имел в своем составе три пластунских батальона, минометную и противотанковую батареи. В их вооружении использовалось советское трофейное оружие.

17 июня 1944 г. возле Новогрудка атаман погиб при до конца не выявленных обстоятельствах - то ли в ночной стычке с партизанами, то ли от пули агента НКВД, либо вообще случайно. Убит был наповал - пуля попала под глаз.

(В. Науменко приводит доказательства гибели С.В. Павлова от пули белорусской полицейской заставы - см. Науменко. Великое предательство. Стрелянов (Калабухов). Как погибли казаки. М., 2009 г., с. 39-43, 391-393 - **ред.**)

Казак П.С. Богданов рассказал о тех днях: "Где-то с месяцем были там... кажется, село Воробевичи. Нам выдали винтовки СВТ, десятизарядные, трофейные. И тут тревожное сообщение - погиб Походный Атаман Павлов. Разговоры о его гибели - разные. На месте гибели обыскали все дома и подворья, откуда мог бы неприятель стрелять, так же никого не нашли и поблизости в лесу. Предполагали, что из своего окружения... Все, кто близко знал его, очень переживали - потеряли умного, решительного, твёрдого и смелого атамана. Помню немного похороны - везёт карета гроб с телом Атамана, а гнедой верный конь его идёт следом и ржёт периодически... Что было в штабе Походного Атамана - не знаю. Потом дошло до нас, рядовых, что остался заместителем Доманов..."

Первый Походный Атаман 2-й Мировой войны посмертно был произведён в генерал-майоры.

На 30 сентября численность Казачьего Стана составила

15590 человек, в том числе 8435 гражданских (включая стариков, женщин и детей) и 7155 военнообязанных, составлявших семь пеших полков и один конный. В октябре-ноябре к ним присоединилось ещё более 6700 военнослужащих казаков (в составе трёх полков).

Согласно рапорту генерал-майора Т. Доманова, к 27 апреля 1945 г. численность Казачьего Стана, перемещённого в Италию, составила 31 630 тыс. чел., из их 18 060 рядовых, унтер-офицеров и офицеров, 13 570 гражданских. Пополнения шли из созданного в сентябре 1944-го Резерва казачьих войск, начальником которого был назначен генерал-лейтенант Шкуро. На допросе в 1945 году он показал, что за восемь месяцев направил на жительство в казачьих станицах в Италии до семи тысяч человек, в основном стариков, женщин и детей. Кроме того, в Каринтии (Фриули) было размещено около 5 тыс. всадников Северо-Кавказской горской дивизии, командование которой в мае 1945 года принял генерал Султан Келеч Гирей (бывший начальник Черкесской конной дивизии во ВСЮР). Несколько сотен казаков итальянской "Новарии" (группа "Савойя" в составе 8-й итальянской Армии) тоже влились в Казачий Стан.

Исходя из этого, некоторые итальянские ученые считают, что казаков было 40 тысяч, а с мирными жителями до 60 тысяч, оценивая население Стана как казачью армию.

В начале апреля 1945 г. Казачий Стан перешёл в подчинение командования ВС КОНР (генерала Власова).

30 апреля командующий германскими войсками в Италии генерал Ретингер принял решение о капитуляции, и уже 2 мая Казачий Стан двинулся через Альпы из северо-восточной Италии в Тироле, на территорию Австрии. На Пасху 10 мая казаки прибыли в Лиенц (Южный Тироль). Вскоре туда же подошли другие казачьи части - в частности, под командованием генерала Шкуро. В то же время XV Казачий Кавалерийский Корпус, в составе двух казачьих кавалерийских дивизий и одной пластуновской бригады, занял позиции на южном берегу Дравы, откуда ими решено было пробиваться в Австрийскую Каринтию. Что произошло дальше, читателям известно...

"Когда чистое золото объято огнём, оно блестит ещё ярче".

А. Азаренков

PS: Хочется сказать здесь о весьма многочисленной группе советских "ветеранов". К участникам Великой Отечественной войны у нас по закону "О ветеранах" приравнены все участники **Гражданской войны**, как или иначе служившие в Красной Армии, а также иных войн, которые вёл СССР (Советская Россия) с 23 февраля 1918 по август 1969 года (боевые действия у озера Жаланашколь).

И не важно, сколько тех же участников Гражданской ещё остаётся. Главное - принцип, позиция государства. Для него настоящие ветераны - по-прежнему те лишь, кто сражался за советскую власть. Участник ли конфликта в Венгрии 1956 года, комиссар ли в кожаной тужурке 18-го года, шурудящий по чужим амбарам и с удовольствием расстреливающий людей - все они *"ветераны Великой Отечественной"*! "Корочки" одинаковые...

Думаю, умышленно их объединили, всех в одно. Любый каратель может с гордостью называться *"ветераном"*, не раскрывая деталей, где и как именно он *"наветеранил"*. Пусть кому-то стыдно рассказывать о своих давнишних "подвигах", но зато приятно вспомнить...

"Из высших штабов непрерывно запрашивали о количестве расстрелянных за сутки, за неделю и декаду, отдельно по категориям - старших и младших офицеров, коммунистов и беспартийных, по происхождению и национальному составу. Такого рода показатели являлись основанием для награждения в карательных органах всех видов. Теперь для непосвящённых эти награждённые - герои наравне с прочими несомненными героями, и мало кто догадывается, каким образом заслужены их награды. Особенно прикритиче распространённой ныне мифологемой о прохождении всей войны - "от звонка до звонка". В "Смерше" или в трибунале, разумеется, можно было пройти и не одну войну. А вот в пехоте..." - говорил фронтовик и известный писатель Василь Быков.

А Тюремное Управление, добавим от себя? А Конвойные войска? А Лагерные подразделения? А расстрельные команды?.. Сколько таких "ветеранов" периода с 20-х по 50-е годы мало того, что получают всевозможные льготы, так ещё и учат нас жить?.. А наивные авторы да "казачьи истории" "Казачьего взгляда" им подпевают, стараются...

А. А.

С.В. Павлов

Андрон Пылаев

Очерк из издававшегося в годы 2-й Мировой войны в Берлине общеказачьего журнала "На казачьем посту" (№ 32-33, август-сентябрь 1944 г.).

Жаркий июльский день. Душно. Время медленно ползёт, как черепаха по песку. В воздухе разлиты лень и истома. Тихо. Не шелохнет. Наконец-то после непрерывных дождей наступили жаркие дни. Не хочется ни думать, ни двигать рукой, ни ногой.

Мы лежим с казаком Андроном Пылаевым на берегу Горыни под вербой. Выше, против течения, - железнодорожный мост. Там минные поля, на подходах немецкие солдаты, пулемёты, миномёты, и день и ночь, готовы к бою. Андрон мой станичник. Земляк. Один из тех осколков славной семьи уральских казаков, что рассеяны по всему свету. Недавно, совершенно случайно, мне попался журнал "Знамя" № 10 за 1940 г., где в статье "Фрунзе" продавшийся большевикам офицер старой русской армии Новицкий пишет об уральцах: "К тому же наш враг был весьма инициативным, подвижным и, как подтвердил весь дальнейший ход продолжительной борьбы с ним, самым упорным и непримиримым из всех наших врагов". Оценка врага - самая высокая оценка.

Внизу быстрая Горынь пропадает среди отмелей, ярков и придвинувшейся к берегам стены леса. Мы соскучились по рыбе, мясо надоело, и охота на рыбу решили совместить с прогулкой и купаньем.

Неподалеку, за ближайшими кустами, слышны выстрелы. Два моих казака стреляют щук. Через несколько минут, из-за кустов, появляется донец Зыков и торжествующе поднимает двух больших щук. Их бока и спины иссечены пулями.

- Видали нашу добычу? Во!.. Одну Васька, а другую - я... Зыков делает кукан из талов, опускает щук в воду, а кукан привязывает к вбитому колышку.

- Вы смотрите там - ходить ходите, а по сторонам смотрите, а то здесь и кусты стреляют... - говорю я Зыкову.

- Будьте покойны, господин есаул, все наготове: винтовки, гранаты.

Пристроив щук, Зыков уходит за кусты. Опять слышны выстрелы.

Мой земляк курит. Около нас лежат наготове винтовки, гранаты. Андрон рассказывает свою жизнь. Она достойна всяческого внимания. Я только иногда вставляю вопросы, чтобы выяснить некоторые подробности.

Каждое казачье войско имело свои характерные станицы. Такой станицей в Уральском казачьем войске была станица Круглозерновская, а попросту - Свистун. В 12 км от Уральска. Свистунские казаки славились на все войско сноровкой, удалством и особым упорством, когда дело касалось нарушения дедовских обычаев в рыболовстве, в хозяйственном укладе и, особенно, в религии, со стороны властей преследующих. В этом упорстве, было что-то атавистическое, идущее от древней Руси, от протопопа Аввакума. Если свистунцы говорили "не желаем" - то их трудно было сдвинуть с места. Лихие гуляки, песельники и большие хозяева, домовитые люди.

Когда-то на зимнее подледное рыболовство-багренье, куда съезжалось всё войско, приехал наказной атаман. Атаман был из новых и не знал ещё казачьих обычаев. То ли ему власть захотелось проявить, или им руководили ещё какие мотивы, но вдруг атаман приказывает багрить там, где казаки никогда и не багрили. Это уже пахло нарушением

исконных, казачьих обычаев. Казаки отказались. Атаман топает ногой и приказывает багрить в новом месте: "Захочу - на песке будете багрить". Вот тут-то и началось. Загалдело, замуемело войско, придвинулось ближе к атаману. Замелькали багры и пешни. Впереди всех были свистунские казаки. Атаман видит: дело плохо. Упал в сани и кричит: "Бунт. Восстание. Гони. Гони, что есть духу!.." И ускакал в город.

Я жил на Свистуне, но нас разделяли неписанные законы в станице. Андрон жил на конце - в Сластинах, я - на середине. Сластинские не ходили к нам, мы - к ним, потому что по воскресеньям дрались, "стена на стену". Ходить было небезопасно - могли намять бока. Мы вспоминаем, как ходили в школу, разоряли грачные гнезда, ловили на Урале жерехов, сазанов, судаков. Воспоминания, как аромат родных полей, приятно кружат голову. Они сладостны, как первые чистые впечатления детства. Мы - старые уральцы - понимаем друг друга с полуслова. Нам приятно уйти в прошлое. Оно встаёт перед нами, как сказка волшебника Андерсона, как лёгкий предутренний сон. Мы уходили в прошлое, мы прикладываемся к этому живительному источнику, как усталый путник в пустыне припадает к прохладному ручейку. Образы прошлого теснятся в голове. Они напирают, просятся наружу. Мы перебиваем друг друга, не замечая этого.

- Помнишь, Андрон, как казаки сенокос делили - степной, луговой!.. А помнишь, как на масле катались гуляли!.. На лучших рысаках по улицам катались!.. А помнишь нашу Уральскую:

На краю Руси обширной,
Вдоль уральских берегов
Проживает тихо, мирно
Войско кровных казаков.

Мы поём с ним одну из наших популярных казачьих песен.

Бывало в прощёное воскресенье, под Великий пост, перед тем как лечь спать, подходишь к отцу, матери, кланяешься в ноги: "Папаша, мамаша, прости Христа ради..." "Бог простит..." - говорят родители, и тогда ложишься спать... В последний день масленицы, вечером, всё скоромное относили беднякам. Стук - стук в окошечко: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас..." "Аминь..." "Выйдите, возьмите тут, что Бог послал..." И уходили, чтобы никто не видал, кто приносил милостыню...

Андрон рассказывает о своей жизни. В гражданскую войну был в знаменитом 1-м учебном конном полку полковника Курина...

- Стой Андрон! - перебиваю я его. - А в Лбищенском рейде ты участвовал?

- А как же. Мы со стороны ветрянок шли, немного левее... Ихнего комиссара Батурина в бане под полком нашли, старушка казачка указала... Тут же его и стукнули. Крепкий, стерва, был - здорово сопротивлялся...

Андрон рассказывает и курит. Синий дымок цыгарки медленно расходится в ветвях ивы. Передо мной, как в занимательной кинокартине, разворачивается жизнь казака... В 1919 году в Гурьевском лазарете болел сыпным тифом. Отступление через солончаки до форта Александровска на Каспийском море... С Астрахани приходят миноносцы Фёдора Раскольников... В ночь атаман Толстов отбирает самых преданных казаков и уходит на Персию. Переход через Кара-Кумы зимой 1920 года... Бои с киргизами, туркменами у железной дороги, близ персидской границы - с большевиками. Питались мёрзлой кониной и верблюжатиной. Дальше - Персия, Индийский океан, Китай, далёкая Австралия...

Андрон рассказывает просто, без прикрас, как обычно рассказывает о своей жизни простой русский человек. В Австралии атаман Толстов устроил уральцев на землю. Казалось бы - живи, работай после всего пережитого. Но далёкий образ Родины не давал покоя. Воспоминания детства, река Яик манили к себе.. Тоска по родине... И чего только мне не доставало... Шляпу, костюм хороший завёл. Изба, кусок хлеба - всё есть, а ночью лежишь покою нет - всё думаешь: а ведь наши теперь сенокос делают, хлеб убирают - зима придет, - рыбу на Яике ловят... И нет тебе ни сна, ни покоя. Терпел, терпел - не выдержал, решил ехать. Пошёл в местную полицию за разрешением, два часа угваривали: "Не езжай казак, пропадёшь... Посадят в ГПУ, не дадут жить..." Казаки ни в какую - тоже не пускают: "Чего тебе, Андрон, не хватает. Хочешь - англичанку, французенку, русскую бабу найдем..." Куда там. Засел гвоздь в

голове: "Поеду, да и только... и поехал..."

Приехал в 1927 году. Длинный морской путь. В Новороссийске казак сразу ознакомился с казематами самого наидемократичнейшего в мире государства. И тут впервые вырвалось от души: "Вот черти принесли. Не хотел жить по человечески в Австралии, так попал к чёрту в лапы!"

Приехал казак на Яик. Везде страшные следы гражданской войны. Печные трубы, кирпичи, глина... Казаки разогнаны, разбрелись по всему свету. В казачьих домах - киргизы. Новые хозяева. Держат себя вызывающе. Грунт, опора Советской власти. Стало больно и обидно казаку. Вчерашний каракузька, который недавно лстыво просил корку хлеба и кислого молока, пас казачьих овец, теперь хозяин над казаком. Национальная политика... Ну, делать нечего - надо жить. Осел на хутор в своей Круглоозерновской станице, только было начал заводить хозяйство. Работал до надрыва, а тут подкатил 1929-й год - "ликвидация кулачества, как класса..." И загремел наш казак на север. На Беломорканале "воздвигал пирамиды" для прославления фараона 20-го столетия Джугашвили, - "отца народов", чей иронический титул стал нарицательным во всём свете. Не выдержал казак жгучих лучей сталинской конституции, - бежал... Купил за 150 рублей подложные документы, и с тех пор каждый стук в дверь принимал за очередной визит НКВД.

Тут подкатила война... Мобилизация... На фронте Андрон сочно плюнул на сторону Кремля, выругался, погрозил кулаком на Восток и под Харьковом перешёл к немцам "от счастливой и радостной жизни". Дальше - Шепетовка, формирование казачьих частей, - и вот мы с Андроном лежим на животе и смотрим на Горнь, на лес, на мост...

- Ничего, Николай Иванович, мы казаки. Выдержим... Своё возьмём... Искупаться, что-ль?.. Давай искупаемся...

- Нельзя - двоим неудобно... Я после - купайся...

- И то верно - не у тёщи в гостях...

Простой казак, тем не менее, он никогда не переходит границы, отделяющей по службе казака от офицера. Наедине он мне говорит, как станичнику, "Николай Иванович", на службе - называет "г-н Есаул". В нём внутренний такт, свойственный старым казакам. Соблюдает старые казачьи праздники, ему не надо говорить об этом, наоборот, он сам говорит молодым казакам: "А у нас раньше вот так-то было..." Его всегда слушают внимательно.

Мы никак с ним не относимся к категории молодых людей. Немцы говорят: "Деньги потерять - ничего не потерять; здоровье потерять - многое потерять; бодрость потерять - все потерять". Достоинство удивления, что на ссылке Андрон не потерял здоровья (на ссылке следил за собой: прикупал хлеба, что мог... следил за обувью, за ногами). Бодрости у него хватит, по-видимому, до конца жизни. В нём много устойчивого крестьянского оптимизма от Платона Каратаева. К жизни у него весело-ироническое отношение, шутя даже в тяжелых случаях жизни. Настоящий уралец-Горыныч.

Я смотрю на его, среднего роста, крепко сбитую фигуру. Его мышцы рук, волосатой груди таят в себе ещё неисчерпаемую силу сопротивляемости. На округлом, с поднятыми скулами рябоватом лице - задорные, с хитринкой, глаза. Быстро схватывает обстановку и людей.

Андрон хлопает себя по груди, лямкам. "Ну как, Николай Иванович, нырнуть? "Чанком", что-ль? По нашему, по-уральски..."

- Вали "чанком"... - Чанком значит свечой, не сгибая корпуса, тесно прижав руки к бедрам.

Разбегаются... Упругим, сильным движением отделяется от берега и летит под кручу, подняв снопы брызг. Потом ныряет головой "ласточкой". Вынырнув, оглашает реку торжественными криками.

Выкупавшись, зовём казаков. Они приносят ещё двух подстреленных язей и щуку. Есть рыба на хорошую уху. Мы идём в казарму.

Антоновка - небольшое местечко при станции. Население - исключительно польское. В окрестностях имеются украинские села. Между украинцами и поляками идёт жестокая резня. Не война, а именно резня. Недавно на польские колонии, неподалёку от Антоновки, "бульбовцы" ночью сделали нападение. Поляки кинулись в Антоновку. Запылали хаты. Ночь. Стрельба. Лавина беглецов напол-

нила шумом и душераздирающими криками лес, прилегающий к Антоновке. Подняли алярем. Не разберёшь: где поляки, где "бульбовцы". Казаки, занимаясь баррикады, открыли стрельбу. Несколько поляков поранили.

Взвильсь ракеты. При свете их несколько разобрались в обстановке. Люди ехали, бежали в чем застало их нападение. В эту ночь никто не заснул. На другой день маленькое местечко наполнилось беглецами.

Вокруг Антоновки тянется дубовый лес. По окраине идут баррикады из дубовых бревен на три четверти человеческого роста. Баррикада никак не может спасти нас от энергичной и многочисленной партизанской части. Она скорее существует для психологического воздействия. Тем более в одном месте, у бывшей Гмины (сельское управление), густой лес подходит вплотную к баррикаде. Мы, как древние спартанцы, надемся больше не на стены города, а на собственное мужество. "Бульбовцы" не страшны, а вот если советские партизаны, то это более серьёзный народ.

Наша сотня стоит в бывшей польской школе. Казаки тянут на всякие надобности польские книги, журналы, ученические работы. В кабинете физики и химии помещается склад. В моей комнате на стене литография картины польского художника Коссака "Въезд Яна Собесского в Велень". "Бой Яна Собесского с турками под Велнем". Быт и типы польских крестьян. Историческое прошлое польского народа.

Летним вечером, когда длинные тени ложатся на пыльные дороги, на крыльце школы собираются казаки. Андрон Пылаев играет на балалайке и поёт. Он подмаргивает казакам, выразительно поводит глазами.

Мы не воры - мы не воры - не разбойнички,
Мы уральские казаки рыболовщики.

Как мы рыбушку ловили по сухим берегам...

По сухим берегам, - по амбарам, по клетям...

У дедушки у Петра мы поймали осетра,

Наловили много щук из которых шубы шьют.

Зарканили белуженок - подвязаны хвосты...

Казаки слушают и смеются. Оркестр, состоящий из мандолины, скрипки, двух гитар, играет плясовую. Донец Садчиков выбивает чечётку. Чечётка его похожа на сплюснутые пулемётные очереди, ноги его обутые в башмаки с деревянной подошвой работают с невероятной быстротой. Крыльцо, как огромный резонатор, усиливает звуки и разносит их на всё местечко. В это время на велосипеде проезжает казак. Андрон бросается к нему: "Стоп, Бодовсков, дай покатайся". "Да ты не умеешь..." "Не умею - научусь... А ты сразу поехал?..." Уже несколько дней Андрон учится ездить на велосипеде. Сколько раз падал, зашиб коленную чашечку, разорвал брюки, но всё же решил выучиться: "Какой же я казак... На коне езджу, а на велосипеде не сумею!..." Упорство его поистине беспредельно.

Андрон садится и с маху въезжает в сточную канаву, заросшую густой крапивой. Крыльцо грохочет от взрыва хохота. "Помочь, или сам вылезешь?" - кричат казаки. Но это не смущает Андрона, он садится и продолжает свои упражнения. Через несколько дней я вижу его уверенно развезжающим по местечку.

- Ну что, не прав я? И велосипед от меня не ушёл... - В его лице гордость Наполеона, только что одержавшего генеральное сражение.

Он тщательно бреется и закручивает усы "на сто двадцать". Мальбрук в поход собрался. Куда ж ты, красавец мужчина?

- Да, как же, господин есаул, надо же сходить... Тут... Нынче обещали "перваком" угостить...

- Ты у меня завтра бельгийский пулемёт почищишь.

- Яволь! Будет сделано, г-н есаул...

В десятом часу вечера доносят: "Пылаев напился пьяный, побил у Зоськи посуду и её хотел отлупить, но не дали".

Беру трёх казаков с винтовками и иду на квартиру к Зоське. На столе разгром: разлитый самогон, побитая посуда, опрокинутые с едой тарелки. Зоська - хозяйка бросается ко мне: "Пане есаул, возьмите Андрона, пожалуйста. Я пошла танцевать с другим, а он разозлился, как хватит по столу, - посуду разбил, на меня бросился - еле казаки удержали".

Андрон на кровати, между трёх казаков шумит: "Я ей покажу, как нашим и вашим... Я ей шубу выверну..." Трое казаков-компаньонов удерживают его.

- Э-э, ты мастер с бабами воевать, может помощь прислать - один не управисься?

- Господин есаул, разве не обидно!.. Я...

- Забрать его...

Казаки отводят Андрона в "выправилку". На утро он уже чистит пулемёт. Он любит возиться с оружием и знает его. Левый глаз прищурен - дым от цыгарки, в левом углу рта, ест ему глаз.

- Очухался, Аника-воин?

- Прошло всё.

- Чего же ты дебош устроил? Зоську чуть не избил.

- А чёрт его знает, что оно там случилось! Знаешь, как киргизы у нас говорят: "Шайтан виноват". Ну и самогон же чертячий был... Не знаю, как его гнали... Настоящий спирт...

После обеда едем на село. Беру два пулемёта. Надо достать коням овса, накосить по дороге травы. С нами едет полицеймайстр и с ним три немца. У немцев автоматы. Нас казаков - 20 человек. Четыре подводы. Высылаю вперед головной и боковой дозоры. Подводы растягиваются на 40-50 метров одна от другой. Впереди на лошади маячат дозоры. "Прочесывают" по бокам лес, кустарники. Казаки сидят на подводах, винтовки - между ног - наготове. Малейший выстрел - прыгай в сторону от дороги, занимай позицию. Подводы идут с определёнными интервалами, чтобы огонь не мог всех накрыть сразу.

Здесь, в лесах, надо уметь воевать. Никогда не верь тишине и лесному покою. Тишина и покой могут быть внезапно нарушены треском пулемётов, автоматов, взрывом гранат и криками "ура". Предельная охрана и бдительность - вот основные принципы "лесной войны". Здесь всегда надо быть на чеку. Печальные факты жестокой действительности учат этому. Недавно случилось неприятное событие...

В одно из воскресений немецкая команда Крайсландвирта Хостера на двух машинах поехала в соседнее украинское село Ценевичи на "дожинки" - веселье с выпивкой и угощением, устраиваемое на Украине в честь сбора урожая. Надо было собрать хлебозаготовку, причитающуюся государству. Поехал сам Крайсландвирт Хостер, молодая переводчица - полька Аля, фельдфебель немецкой команды, заместитель начальника станции, два шофера: немец Ганс и казак донец Максим, остальные - немецкие солдаты. Всего 42 человека. Взяли 4 пулемёта, пять автоматов, достаточное количество патронов.

Ещё за неделю до поездки староста Ценевичей пригласил Крайсландвирта Хостера. "Приезжайте в воскресенье, будет угощение, выпьем, катайчиков зарежем, там и договоримся когда привезти поставку".

Хостер согласился. В этом и была его ошибка.

Грузовые машины, держась близко одна другой, поехали на Ценевичи - 10-12 км от Антоновки. В 4-5 км дорога спускается в низинку к деревянному мосточку. Справа - река Горынь, слева - густой лес и бугры. Естественная мышеловка. Как уже после выяснилось, дело обстояло так: первая машина вступила на мост и подорвалась на mine. Вторая повернула в сторону и свалилась в яму. Всё место уже было взято "бульбовцами" на мушку. Из-за бугров, с расстояния 100-150 метров, они открыли убийственный огонь из пулемётов и автоматов. Оказывается, здесь уже немцев ждали целую неделю. Немцы даже не успели развернуться, как из их рядов было убито 5-6 человек. Стычка продолжалась не более 15-20 минут. "Бульбовцы" крикнули "ура", забросали отряд гранатами и без потерь забрали всех в плен.

Вечером в Антоновку прибежала единственная собака Хостера, Рекс - вся в крови. Больше никто не вернулся. На другой же день, со стороны Сарн, на Ценевичи направились три немецких отряда. Нашли, до неузнаваемости сожжённый человеческий труп. Ни машин, ни людей не нашли, будто и не существовали. Труп, как узнали после по переднему металлическому зубу, принадлежал шоферу Гансу. Ноги и руки превратились в уголья. Угли положили в раскрытый живот, лишённый внутренностей. Уже спустя 2-3 месяца выяснились дополнительные подробности.

Хостера и Алю держали несколько дней в подвале. Хостера повесили, а Алю изнасиловали и пристрелили. Солдат тоже постреляли; не то закопали где-то в глухом месте, не то покидали в Горынь. Трупы не нашли. Люди стали жертвой чрезмерной доверчивости и недостаточной охраны в пути следования.

Украинское село. Люди попрятались. Мужчин ни одного. Некоторые, наиболее смелые женщины боязливо выглядывают со дворов. Человек с винтовкой теперь стал самым опасным для мирных жителей. Кто он? Откуда? Чего он хочет? У кого оружие, тот и хозяин...

С трудом находим старосту, говорим: "Нужно овса для коней..." Староста начинает проявлять расторопность, он думал, что с него потребуют нечто больше.

Только что нагрузили мешки с овсом, прибегает старушка. Кричит-причитает. "В чём дело?" - спрашиваю старушку. - Ой, пане офицер, казак двух гусей украл..." "Какой казак?" "Вон тот..." - указывает на Андрона Пылаева. "Возвратить сейчас же гусей. Немедленно..." Шум, гам и все из-за тебя. Не умеешь - не берись..."

- Да я не знаю, г-н есаул, чего она ко мне прицепилась... Никаких гусей я не крад...

Подходит полицеймайстер с немцами, спрашивает: в чём дело? Я объясняю. "Комм мит" - говорит он старухе и идёт к подводам. Обыскиваем все казачьи брички - нет гусей.

- Ну вот, бабка, зря только шум подняла, никаких гусей нет...

- Та шо я, слепая, чи шо! Сама бачила, як вин гусей ташил...

- Ну что же, прикажешь казакам раздеться, что-ли? В сапоги или за пазуху запрятали твоих гусей? Сама же видала: всё обыскали, - нет гусей...

Старуха охает и уходит в свою хату. Лишь только немцы и старуха удаляются, Андрон с быстротой молнии вытаскивает из-под сиденья повозки полицеймайстера двух связанных гусей и прячет их на казачью подводу среди мешков: "Ну вот, теперь можно и переложить, больше никто не будет обыскивать. А теперь скажите, г-н есаул, умею я или не умею работать..."

Вы же сами мне говорили: "Наполеон сказал: солдат воюет желудком..."

Казаки грохочут, хватаясь за животы. Я поражён логикой и ловкостью Андрона и тоже не могу удержаться от смеха. Андрон, прикрывая гусей рядом, примиряюще говорит: "Вечером узнаете, стоила ли овчинка выделки... Пальчики облизете..."

Садимся на подводу и едем назад. Впереди опять дозоры. Вдруг из ближайшего леса - пулемётная очередь. Казаков будто ветром снесло с подвод. Двух ранило их тащат в кусты. Из кустарников нас осыпают автоматы. На полном скаку наши подводы врезаются в кусты, спешат к заросшей низине. Заговорил и наш пулемёт - Андрон бьёт короткими очередями по леску, где находится партизанский пулемёт. Другой наш "бельгиец" тоже вступил в бой. Первые минуты замешательства прошли. Я прилаживаюсь за деревом и пускаю в ход автомат. Захлебывающаяся дробь немецких автоматов смешивается с частой стрельбой казаков. Командую: "Кустами пробраться вперёд!" Андрон с "бельгийцем" частыми перебежками уходит вперёд. Уже за дорогой вновь заговорил его пулемёт. Казаки кустарниками уходят за Андроном.

Со стороны партизан слышны удаляющиеся крики, стоны. Мы осторожно пробираемся лесом вперед, готовые ко всякой неожиданности. Продвигающиеся вперед казаки обстреливают лес. Глукое эхо перекачивается впереди. Подходят подводы. На подводах раненые. Один - в мякоть ноги, другой - в бок. Казаки развязывают на них нижние рубахи и перевязывают раны. Раненые стонут. У них бледные, страдальческие лица, стиснутые зубы.

- Ну, как, Митя, трудно? Ничего браток - потерпи. Приедем, - отправим в Сарны в лазарет... У тебя, Вася, как бок? Ноет. Повернуться трудно. Сейчас травы накосим, подстелим... Ничего ребята, до свадьбы заживёт...

Подъезжаем к Антоновке. Казаки возбуждённо обмениваются выражениями по адресу бандитов.

- Андрон молодец. Сам видел, как двух подвалил. Снайпер.

- Федька Калашников ловко стукнул одного, аж лапы кверху!

- Будут знать, как нас трогать!

- Нас не трогай - мы не тронем. А затронешь, спуску не дадим.

Немцы тоже возбуждены стычкой. Полицеймайстер хлопает Андрона по спине: "тут приесен" (хорошо стрелял).

Андрон подходит к телеге, показывает пару гусей, объясняя знаками и мимикой, что он их спрятал под сиденье ка полицеймайстеру. Немцы понимают и неудержимо хохочут. Опять хлопают Андрона по спине.

- Вечером приходи essen!

- Гут, гут ... Ах менш ... (Хорошо. Хорошо. Ну и человек).

К нам навстречу спешит помощь: человек 40 казаков. Они присоединяются к нам, и мы торжественно вступаем в Антоновку. Раненых отправляем с первым поездом на Сарны.

Вечером едим жареного гуся с картошкой. Гусь бесподобен. Жирные, подрумяненные куски мяса приятно возбуждают аппетит. Хоть к королевскому столу. У нас - лукулловский пир. Полицеймайстер, блестя очками, всё время одобрительно отзывается: "Шойн. Гут. Прима". Мы великопоздно поужинали. Андрон собирается к Зоське.

- Ну, сегодня тебя опять придется в "вытрезвиловку".

- Нет, г-н есаул, сегодня всё будет в порядке. Сама мальчишку прислала, чтобы немедленно приходил... А военному человеку что надо? Кусок хорошего гуся, да бабёночку подрёнее... Нынче пень, завтра нет ...

- У тебя губа не дура - говорит его приятель.

- А ты бы небось отказался?

- Кто же от добра отказывается?

- Ну то-то же... Живи пока можно, а по войне разберёмся...

Волею судеб мы расстались с Андроном. Приказом из штаба он был назначен в другую часть. Известия, как отдалённые звуки могучего прибора, доносились с фронта: Ровно, Дубно, Витебск, Черкассы, Кривой Рог. Этапы могучих боёв, где каждый равняется Бородинскому сражению и по напряжению, и по количеству потерь. За лаконическими сводками таились снежные просторы колоссального Восточного фронта, титанические сражения стальных колоссов, воздушные схватки громадных ревущих птиц.

Фронт приближался к Волины. Мы очутились в большом городе Львове. После 16-месячного пребывания в волинских медвежьих углах, я с удовольствием ходил по узким улицам, любясь архитектурой домов, старинных польских и униатских костёлов, с удовольствием воспринимая лихорадочный темп шумных улиц. Мимо меня текла торопливая, празднично одетая, городская толпа, от которой я успел отвыкнуть. Меня тянуло ознакомиться с культурной жизнью города. Я побывал в трёх музеях, по-

смотрел дом Яна Собесского 15-го века, известную львовскую панораму, побывал в оперном театре, в кино... Старинный город был достоин пристального изучения.

Как-то очутился на базаре. Смотрю - знакомая фигура. Андрон покупает у поляка карманный фонарь. Я подошёл вплотную, Андрон не замечает, увлечённый торговлей.

- Ты, пан, не скупись для военного человека... Не сорок злотых, а тридцать тебе за глаза...

Поляк упорствовал, не хотел снижать цену.

- Прошу пана, тишидести пенч злотых и юш... (35 злотых).

Так и договорились на 35 злотых.

- Андрон!

- Николай Иваныч! Какими судьбами?!

- Ехали - приехали... Где ни ездешь, а с казаками встретишься... Жив - здоров?

- Слава Богу! Едем на фронт с полком. Эшелон стоит на станции. Решил пройти по городу. Фонарик купил. Ну жила народ - продаёшь им вещь, дают 25 % стоимости, а с тебя стараются сорвать.

Вспомнили прошлое. Андрон рассказал о своих последних скитаниях на западе. Ему уже время идти. Целуемся:

- Желаю тебе Андрон, быть живым и здоровым. Мало нас, уральцев, остаётся...

- Золотник хоть мал, да дорог - поговорка стариков, - говорит он словами казачьей песни. - И тебе, Николай Иванович, желаю того же. Ну, бывай здоров. Спешу... Бог даст, увидимся.

Он идёт через базарную толпу уверенной походкой. Походкой, которой ходят казаки и старые кавалеристы: отставив руки в локтях, разворачивая в стороны носки, наклонив чуть корпус вперёд, как боксёр, готовый к бою. Его плотная фигура разрезала базарную толпу, как русский ледокол "Ермак" разрезает могучим форштевнем полярные льды. И толпа как-то инстинктивно уступала ему дорогу. "Казак!" - неслось за ним. Я смотрел вслед, и вспомнились его слова: - Мы казаки... Выдержим... Своё возьмём!..

Александр Яганов

Казачья песня в начале XX века

(по материалам Донской песенной экспедиции А.М. Листопадова)

В последние годы можно часто слышать, что казачья песня исчезает из нашей жизни, видеть, как вытесняется она суррогатной попсой. Между тем, более 100 лет назад по этому поводу уже звучали пессимистические прогнозы.

В 1902 году по инициативе А.Д. Бигдая, собирателя казачьих песен Кубани и Терека, составителя их 10-ти сборников, Военный Министр отдал распоряжение об организации записи песен по всем Войскам. Донской статистический комитет утвердил экспедицию из двух человек: А.М. Листопадов - запись напевов, и С.Я. Арефин - запись текстов.

До того времени были изданы два сборника текстов донских песен - А. Савельева в 1866 г. (135 песен) и А. Пивоварова в 1885 г. (343 песни), записанных не в момент исполнения, а с пересказов лиц, знающих их слова. Из музыкальных записей было три издания: приложение к "Русской Старине" 1825 г. с 5 песнями, сборник Альбрехта и Весселя 1886 г. с 20 песнями и "Сборник русских, казачьих, военных и исторических песен для Донского кадетского корпуса" 1891 г. с 37 песнями

(в двух первых изданиях казачью песню исказили до неузнаваемости неверной записью гармонии, в третьем собственно казачьих песен немного).

Экспедиция Листопадова отправилась по станицам с коренным казачьим населением путями, которыми шло заселение области сверху и снизу - по Дону с его крупными притоками (Донец, Медведица, Хопёр, Бузулук); общая протяжённость маршрута - более 2500 верст.

Исследования начались 18 октября 1902 г. со станиц Ермаковской и закончились в Старочеркасской 8 июня 1903 г. Всего были обследованы 99 населённых пунктов шести казачьих округов: 1 Донского, Донецкого, Хоперского, Усть-Медведицкого, 2 Донского и Черкасского, а также Ростовский, Таганрогский и Сальский округа, населённые в основном крестьянами. В последнем из них в калмыцкой станице Денисовской были записаны 17 калмыцких песен, с переводом текстов.

Все исследуемые населённые пункты, конечно, отличались по собранному материалу. В ряде станиц (Качалинская, Иловлинская и др.), лежащих вблизи торговых и административных центров - Цимлянкой, Усть-Медведицкой, Н.-Чирской и др., - половина населения зарабатывала торговлей, извозом и т.п. Сколь-нибудь ценных песен, по мнению собирателей, здесь найти не удалось.

Во вновь основанных выходцами из разных мест станицах (Ермаковская, Преображенская) население, привыкшее к установившейся в родных местах манере пения и типу мелодии, на первых порах не могло "играть" друг с другом, если при записи не преобладало большинства выходцев из одной станицы. Стоило большинству установить тип игры своей родины, как остальные быстро к ним подлаживались.

То же самое, по словам бывших полковых песенников, происходило в полках и командах, где они ранее служили. Если части были составлены из казаков разных станиц, им приходилось прилагать немало усилий, чтобы какая-нибудь протяжная, известная всему Дону песня (например, "Приутихло, приумолкло наше войско Донское") была сыграна, как надо. В итоге трудность усвоения таких протяжных песен вынуждала песенников обращаться к лёгким, ритмичным "припевкам", солдатским песням, маршевый характер которых отвечал требованиям строевого обучения, или к песням "модным", распространённым там, где стояли полки.

Как проходила работа экспедиции? При посещении песенного пункта давали знать атаману следующей станицы или хутора о своем приезде. Просьба, поддержанная предписанием Наказного Атамана, выполнялась - тем более, что каждая станица старалась поддержать свою репутацию "песенной". Лучшие песенники от 40 до 70 лет и старше, иногда двумя-тремя партиями, со своим запевалой или "заводчиком" и "подголосниками", приглашались в станичное правление.

Начинался опрос - какие песни они знают, какие "играли" их деды (экспедиция имела уже более 400 записанных ранее песен, и тратить время на их повторение, особенно когда напевы и тексты совпадали, не было смысла). Поначалу обычно перечислялись "кавказские"-солдатские (времен службы на Кавказе первой половины 19 века) и новые маршевые песни, занесённые казаками из полков. Когда объясняли, что нужны свои, казачьи, "те, что играли когда-то на походах", старики начинали перебирать те песни, которые "ноя уже брошены". Им помогли подсказками зрители.

Вначале записывалась песня от трёх-четырёх лучших песенников, потом просили "проиграть" её в полном составе хора - так проверялись записи, вносились в них новые подголоски и вариации напева. В самых древних песнях довольствовались двумя, а то и одним песенником - больше знающих не оказывалось.

Первые 2-3 стиха повторялись обязательно - сверяли "запев" ("завод"), который в казачьих песнях представляет часто самостоятельную музыкальную фразу, не повторяющуюся на всём продолжении песни. Вместе с напевом и текстом на бумагу заносились назначение песни, пояснения песенника, исполнители, запевала, песенные термины, отмечающие её характер. Около сотни напевов было записано с помощью фонографа.

Всего, с учётом 400 песен, уже записанных с 1892 по 1902 год, в Донской Области удалось собрать более 1100 самостоятельных напевов на почти столько же текстов.

Около половины из них составляли бытовые "домашние" песни, до 350 - обрядовые и праздничные, более 200 - исторические, военно-исторические, военные и военно-бытовые. Былинный эпос был представлен более 40 песнями.

Самые старые из казаков-песенников сожалели, что "начальство опоздало с песнями" на 15-20 лет, когда ещё живы были лучшие знатоки тех песен, которых они теперь "не сумеют уже доказать".

Любовь казачества к пению проявлялась во всём - будь это свадьба, проводы на службу или встречи возвращающихся с неё казаков, раздел земли, выборы или просто дружеская беседа за чаркой. "Гаврилычи-то наши соберутся на ярманке, купят козушку и сидят над ней целую ночь, гуляют!.. Заведут бесконечную до самого утра - и козушка цела, и до пьяна наиграются!" - посмеивались иногородние. Здесь подмечена особенность казачьего "гуляния" - не выпивка сама по себе привлекала казаков, а возможность собраться и поиграть песни "до пьяна".

Отмечался и упадок интереса молодых казаков к старым напевам, вытеснение их городскими новинками с "ангитересными" словами и незатейливым мотивом, перекроенными на казачий лад солдатскими песнями. Мало того, занесённая на Дон из мест службы песня охотно пелась и "одобрялась" стариками. В станице Усть-Бузулукской 85-летний М.М.

Песенники ст. Урюпинской

Песенники ст. В.-Каргальской

В центре 85-летний песенник Г. Гончаров, ст. Вёшенская

Филичкин, рекомендованный как знаток казачьих песен, удивил экспедицию таким полковым репертуаром. По его рассказу, во время пребывания полка на Кавказе их, песенников, отправляли в солдатские хоры на выучку. Весь солдатский репертуар он запомнил как "Отче наш", а свои песни про Ермака и Исламбек-мурзу, которые один знал из всех стариков - забыл, и вынужден был бросить, не доигравши.

На службе офицеры выписывали для полковых хоров сборники, из них тоже разучивались песни, по словам вахмистра Гуреева из Усть-Белокалитвенской - "разных" - "Что ты замолк и сидишь одинокий", "Не осенний мелкий дождичек"... В станицах распевали также лубочно-писарские "Потеряла я колечко, потеряла я любовь", известную "Отраву", а в Вешенской характеризовали как "самую ту, что господа офицеры любил". "Я в среду родилась, на все лихи сгодила".

Сами казаки припевки передельвались капельмейстерами под началом офицеров-любителей. Старая казачья песня в полку пелась станичниками в казарме или на конюшне, подальше от начальства.

В станице Луковской экспедиция рекомендовали старшего инструктора с занятий малолеток, как лихого песенника, "от которого можно записать много хороших песен". Вахмистр собрал ребят в круг и завёл "В реке бежит гремучий вал" (стихотворение А.С.Пушкина). Когда же попросили сыграть старую песню, ничего не получилось - хором они не сыгрывались. Два-три человека (одного хутора) умели, но стеснялись перед начальством за свои "простые" песни.

Военный пристав 1-го Донского округа подесаул К. прямо вмнял о обязанность инструкторам учить малолеток романсу "Под вечер осенью ненастной" и "В ногу, ребята, идите", считая их необходимыми для образцовых команд.

Лишь один из приставов того же 1-го Донского округа в х. Апаринском Кочетовской станицы распорядился - хуторским атаманам заботиться, чтобы молодёжь училась песням от стариков "на улицах".

И в старину приносилась со службы на Дон новая песня, но она не была "новомодной". В эпоху почти непрерывных войн, песня зарождалась в полку, из которого часто выходили и герои, в ней воспеты. Являясь выражением пережитого и увиденного, сложенная казаками песня была народной по форме и по духу.

В оставшихся ещё донских патриархальных семьях, где из рода в род передавались старинные песни, старики собирали около себя внуков - в дедовских куренях открывались своеобразные песенные школы. "Седой, как дунь, старик, после рассказов о своих былых военных походах и подвигах, затягивает "старинушку" и ведёт, ведёт её долгим, за душу хватающим мотивом. Внимательно вслушивается молодёжь в дедовскую песню, схватывает быстро родной напев нераздельно со словами и начинает подтягивать". Кончится песня - о Ермаке Тимофеевиче или молодом охотничке Краснощекове, опальном атамане С.Д.Ефремове, о славных схватках с "турчином, али злым черкесином", - и старик объясняет подробности, непонятные внукам.

После дедовской школы молодое поколение становилось естественным продолжателем и толкователем песенных традиций, и именно от родственных между собой исполнителей, соседей и сослуживцев этнографам удалось записать наиболее ценные и полные по содержанию песни.

Женщины-казачки, со свойственным им консерватизмом и в силу бытовых условий, выработанных особенностями долголетней военной службы казаков, крепче мужчин держались песенных преданий и обрядностей. Много мелодичных и содержательных былин, исторических и

бытовых песен записывалось именно от женщин - как старшего возраста, так и молодых, не подверженных "новым веяниям" и не забывших слышанного в детстве.

Что касается привязки песен к местам проживания казаков, то только обрядовые песни - свадебные, веснянки и "карагодные" - имели определённый район. Свадебные песни чаще всего сохранялись в станицах по Донцу и ниже по Дону - более 200 из них записаны в этих местах, а также по Хопру, Бузулуку и Медведице.

Песенники ст. Акишевской

Благовещенья", "Ты Россия, матушка Россия", про Ермака - "На речке было на Камышенке" и многих других, напев звучал почти одинаково.

Повсеместно на Дону песню заводил "запевала" - знаток песни, ему вторили наигранными мелодическими оборотами остальные голоса и подголоски. В таком хоре деления голосов на партии не было. Выделялся лишь подголосок, который вёл самую высокую партию. Остальные голоса, свободно переплетаясь, вращались в пределах звукоряда песни так, что иногда басу, следуя мелодии, приходилось подниматься в высокие ноты, и прodelывалось это им без особого напряжения. Надо сказать, что как бы хорошо не исполняли песню другие голоса, без подголоска она кажется неполной. Подголосок оживляет мелодию, его сопровождение дает ширь и размах, свойственные настоящей казачьей песне, а легкие, оригинальные мелодические перемены и скачки подголоска на фоне основной мелодии создают впечатление полноты и законченности.

Правильное деление хора на четыре голоса экспедиция наблюдала у молодых казаков - бывших полковых песенников, в довольно протяжённом (на 200 вёрст) районе, прилегающем к границе 1-го Медведицкого и 2-го Донского округов - от станицы Клетской вниз по Дону до Есауловской. Выученные полковыми регентами, они пели довольно стройно и пользовались известностью за пределами района.

Песенницы ст. Луковской

* * *

"Каждый новый успех наш на поприще культуры, материальной или духовной, будет сопровождаться новой утратой для нашего песенного богатства, новым вторжением заимствований из музыки буржуазной и иностранной", - писал в 1904 году Александр Михайлович Листопадов, учитель, уроженец станицы Екатерининской. Он пророчил "неизбежное вымирание и забвение старинной казачьей песни", ссылаясь, в том числе, на "отсутствие хоровых или песенных обществ, имеющих целью пропагандирование народной песни" и отсутствие "популярных сборников песен казачьих".

Пессимистические выводы этнографов столетней давности не сбылись - казачья песня жива... пока ещё. Спасут ли её появившиеся за два последних десятилетия фольклорные ансамбли, старающиеся сбегать казачьи напевы, и отдельные исполнители в станицах? Или нам останется только вспоминать распоряжение Военного Министра генерала А.Н. Куропаткина, благодаря которому состоялись песенные экспедиции начала XX века - "сохранить для потомства те старые казачьи песни, которые не успели ещё исчезнуть из народной памяти".

П. Стрелянов (Калабухов)

Михаил Краснов - Марченко: “Пленник за службу Чили”

Редакция “Станицы” не раз обращалась к судьбе одного из наиболее известных представителей казачьего зарубежья - бригадного генерала армии Чили **Михаила Семёновича Краснова-Марченко**. Сегодня мы представляем вышедшую в Чили книгу, рассказывающую о семье Красновых-Марченко, о службе потомка донских и кубанских казаков, об обстоятель-

ствах его преследования левыми правительствами Чили.

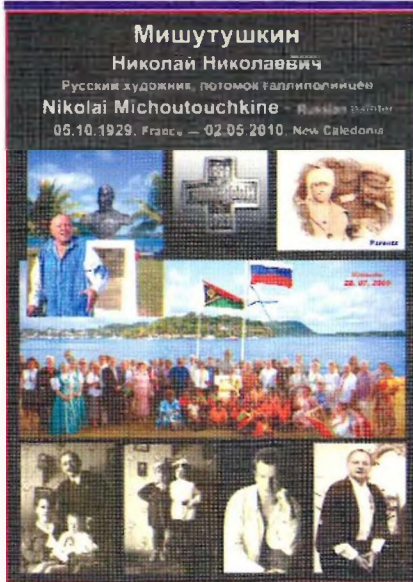
Книга “Пленник за службу Чили” выдержала шесть изданий на испанском и английском языках. Теперь - первый перевод на русский. Автор книги - известный чилийский журналист **Жизела Сильва Энсина**, на протяжении ряда лет занимавшаяся исследованиями в области истории России XX века. Как признаёт автор, она приняла решение о публикации книги “*в защиту истины и прав как самого Михаила Краснова, так и его родных, жертв трагедии Лиенца - одного из наиболее смутных эпизодов в современной истории*”.

Говоря о судьбе своего героя, о свойственной всей его известной семье преданности идеалам, стойкости и самопожертвованию, автор книги говорит, что хотела осветить малоизвестные многим события, связанные с преследованием генерала Краснова, и их причины - хотя “*существуют политические силы, заинтересованные в их неразоблачении и сокрытии*”. Юридические обвинения и приговоры, “пленником” которых стал герой книги (о них “Станица” подробно рассказала в предыдущем номере), Ж.С. Энсина называет “*невероятными*”. Невероятны они не просто с точки зрения нарушения в этом деле норм юридического права (чилийского и общемирового) - но и обычной человеческой морали, справедливости и порядочности.

Тираж изданной в Чили книги небольшой - вряд ли она получит распространение в России. Остаётся надеяться лишь на переиздание - мы попробуем решить этот вопрос.

В любом случае, надеемся, что сможем помочь Михаилу Семёновичу - продолжая разрушать заговор его преследователей, боящихся открытого честного разговора, не желающих вмешательства в дело общественности (тем более российской). Возвращая на историческую Родину имя нашего героя со страниц своего журнала, мы, вместе с тем, очень надеемся, что когда-нибудь ступит на её землю и он сам!

Г.К.

Мишутушкин

Николай Николаевич

Русский художник, потомок галлиполинца

Nikolai Michoutouchkine - Живая память

05.10.1929, Франс — 02.05.2010, New Caledonia

Памяти Н.Н. Мишутушкина

2 мая на 81-м году жизни скончался терский казак **Николай Николаевич Мишутушкин** - известный художник, коллекционер, исследователь культуры Океании, о необычной судьбе которого в 47-м своём номере писала “Станица”.

Николай Мишутушкин родился 5 октября 1929 года во французском городе Бельфор, в семье казачьего полковника - уроженца станицы Червленая. С юных лет он стал рисовать. После войны оставил Францию и с одним рюкзаком за плечами отправился в путешествие. Поселился в итоге на далёких островах Вануату - где и прожил 50 лет, создав герб этого островного государства.

Галерея картин Мишутушкина давно уже стала одной из достопримечательностей столицы Вануату - Порт-Вилы. Но местные жители благодарны ему не только за это. Именно он сделал всё, что мог, для спасения уникальной культуры народов Океании. Долгие годы ездил он по бесчисленным островам региона, собирая предметы их культуры - начиная от уникальных щелевых барабанов высотой в несколько метров до предметов домашнего обихода. Всё это он собирал в своей усадьбе - настоящем музее, которому позавидовал бы любой Институт этнографии мира. “Мишу”, как его называли островитяне, знали все - начиная от французских нуворишей и местного премьер-министра и кончая последним таксистом.

Менее чем за год до своей смерти, 28 июля 2009 года, Н.Н. Мишутушкин организовал празднование 200-летия установления контактов между Россией и Вануату, ключевым моментом которого стало торжественное открытие на

набережной Порт-Вилы памятника российскому мореплавателю Василию Головнину.

Николай Николаевич никогда не забывал о своей родине - России, бережно хранил родительские фотографии, привезённые его отцом с Галлиполи рисунки. Над входом в его дом до сих пор висит казачья шапка.

Н.Н. Мишутушкин всегда мечтал о том, чтобы его коллекция нашла своё окончательное место в России. В 80-х годах прошлого века около 10 лет значительная часть его уникального собрания путешествовала по городам ещё Советского Союза, после чего была подарена Российской Академии наук.

Николай Николаевич ушёл, но оставил после себя богатое наследие. Терский казак с острова Эфате, творец герба Вануату, хранитель ценностей народов Океании и автор уникальных картин - он навсегда останется в сердцах благодарных людей. А однажды, может быть, в Москве действительно откроется музей Океании.

С.Б.

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 117335,
до востребования Стрелянову П.Н.

тел. 8-916-911 4935

E-mail: stanitsa@rambler.ru;
архив номеров - www.gipanis.ru

Главный редактор -

Георгий Кокунько

Редактор -

Павел Стрелянов (Калабухов)

Редколлегия:

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Андрей Серба

Олег Мраморнов

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько